

«Живи... враг мой...»

Очнулся я на земле, вернее, на асфальте. Вокруг меня суетились люди, что-то обеспокоенно кричали, обсуждали, спорили... Ласково светило солнышко и дул приятный летний ветерок. Или весенний. И я лежу такой нарядный, красивый, в белой футболке с розочками, зелёной легкой кофте и рваных на колене джинсах...

Кроме толпы зевак, меня окружали бетонные джунгли — высокие дома... много домов, как будто кроме домов здесь больше ничего и нет, и зеркальные окна. Я словно в глубоком бетоне колодце... Хотя, нет. За головами людей виднелось несколько крон деревьев и струя фонтана, скачущая то вверх, то вниз...

Голова болела ужасно, словно мне дали битой по затылку. А вот левая рука, неестественно вывернутая в обратную сторону, да и ноги, словно у кузнечика — совсем не болели... Ох ты ж! Мать вашу! Какого хера у меня детское тело? Вот срань! Весь поломанный, ещё и тело пятилетки, ну максимум, шести... Вот почему все люди вокруг кажутся такими большими?..

— Лежи, лежи малыш! — Чей-то заботливый голос. — Тебе нельзя сейчас двигаться...

Я послушался. Раз взрослые говорят... Вот сука! Взрослые...

Над головой, над самыми макушками домов, пролетела машина и начала потихоньку снижаться в наш двор. Машина? С мигалками? Летает?

— Не трогайте его, скорая уже в пути...

— Это же надо, с двадцатого этажа и живой...

— Кто-нибудь видел, что произошло?

— Я видел. Там же у них школа на двадцатом. А я всегда говорил — рано или поздно кто-то оттуда навернётся!

— Ну, слава богу, что малыш жив...

— Это ещё непонятно, — мужик в шляпе поморщился и с видом знатока продолжил. — Вот у нас недавно случай был — точно так мужик с крыши фабрики свалился. Поднялся, отряхнулся и пошел смену отрабатывать...

— И? — заинтересовался кто-то из толпы.

— Вот тебе и «и»! Отработал до конца. После смены пошёл домой, лёг на диван и больше не проснулся...

Да уж. Не воодушевляющая история. Надеюсь, это не мой случай.

Интересно. Куда я попал в этот раз? Язык русский... Что ещё? Над головами летают автомобили... Значит, технологичный мир... Такого я раньше не встречал... Или встречал? Я порылся в памяти, пытаюсь вспомнить, и... ничего. Нет, не о летающих автомобилях, а вообще. Ни как меня зовут, ни кто я такой, ни откуда я, ни сколько мне лет было до перерождения...

Единственное, что я помнил... Хотя, это нельзя назвать «помнил», я просто знал — я не шестилетний пацан, и я переместился в это тело после смерти в своём мире. В каком «своём», интересно? Не помню... Да я даже имени своего не помню... Проклятье... Сука! И это ведь не первый мир, в котором я переродился... Это я тоже знал...

А может, я вообще никакой не путешественник, переместившийся после смерти в новую оболочку? Может, я и есть самый обычный пацан, который сильно стукнулся головой. Вот бл*дь! И хер поймёшь... Кажется, я приложился об асфальт чуточку сильнее...

— Так... Что у нас тут? — какой-то новый голос. Сильный, властный, приятный и успокаивающий. — Где пострадавший?

Мужчина, перед которым расступилась толпа, словно по мановению волшебной палочки присел рядом со мной на колени, достал сканер из своего небольшого чемоданчика и несколько раз пикинул им, направив на меня.

— Так... Всё понятно. Пациент скорее жив, чем мёртв, — пошутил он и улыбнулся мне. — Ну что, малой. Рассказывай, как тебя угораздило-то так?

А хрен его знает как. Я и сам не знаю.

— Не любитель поговорить, да? — хмыкнул он. — Как тебя хоть зовут?

Так, мужик, давай вопросы попроще...

Мужчина достал иньектор в форме маленького пистолета, приложил к моему плечу, сделал болезненный «пшик» и снова достал сканер, чуть поменьше, чем предыдущий. Направил его на моё запястье, вернее, на мои часы на запястье, пикинул прибором и посмотрел на дисплей.

— Максим Климов, 6 лет, проживает по адресу... Угу... Понятно... — он снова посмотрел на меня и искренне улыбнулся. — Ну что, Макс? Хочешь прокатиться на аэрокаре?

Я машинально кивнул. Кто же не хочет? Ни разу не летал, а тут такая бесплатная возможность... Или летал? Вот срань!

— Ну и отлично. Твоей матери я сообщу, что ты с нами, — довольно кивнул врач и бросил себе за спину. — Парни, грузите его на носилки и погнажи...

Полёт над городом я помню плохо. Помню только, как прыгнул куда-то вниз мой желудок от ускорения, учащённо забилося в груди мальчишеское сердце... А затем хитрый врач вколол мне в плечо очередную порцию какой-то гадости, и я очнулся уже в стенах больницы. Вот и

полетали... Вот гад!

В больнице было тихо... Безлюдно. Ни одного человека... Большие пустые коридоры, огромные панорамные окна, через которые падают яркие солнечные лучи... И я — лежу прямо в коридоре на какой-то каталке... Рука и ноги вывернуты в нормальном положении и обтянуты в какую-то цветную пластиковую сетку. Понятно — фиксаторы наложили. Оперативно. Хотя, хрен знает, сколько я тут у них провалялся...

— О! А вот и наш герой очнулся!

Из соседней двери вышли двое: какой-то старый хрыч, обладатель роскошной седой бороды и грязно-белого халата; и милая, очень симпатичная девушка в неприлично коротенькой юбке.

— Максик! Милый... Ну как же ты так... — тут же подскочила девушка к моей койке и принялась гладить по голове.

— Да всё нормально, Мирослава Юрьевна. Не переживайте! — старик зачем-то приложил руку к моему запястью, склонился надо мной, посветил в глаза маленьким фонариком и удовлетворённо крикнул. — Мы его подлатали, вкололи регенерирующий состав, через месяц будет как новенький...

Пф-ф-ф! В моём возрасте через месяц и без регенерирующего состава всё будет хорошо. Главное, хорошее питание и отдых... Хотя, что там в этом составе? Может, просто набор витаминки и антидепрессантов...

— Спасибо, Семён Андреевич! Спасибо! — принялась благодарить блондинка и сунула старичку бумажный пакет с позвякивающим содержимым.

— Да что вы, Мирослава Юрьевна! — скромно улыбнулся врач от бога, взял у девушки пакет, заглянул в него и расплылся в бородатой улыбке ещё шире. — Это наша работа. Давайте, грузим вашего парнишку в кресло, и чтобы я вас тут больше не видел, — он строго погрозил мне пальцем и подмигнул. Затем, словно что-то вспомнив, порывшись в кармане халата, достал откуда-то из дебрей маленькую конфету, сдул с обёртки прилипший мусор и торжественно вручил мне. — Нечего вам тут больше делать!

Домой мы возвращались на обычном такси. Полетал, называется... Хотя, город даже отсюда я рассмотрел хорошо. Огромные высокие здания, много людей, машин, зелени... Много неона и ярких вывесок. Забавный город. Живой, людный, быстрый, шумный, громкий, яркий, беспокойный, бесконечный... Интересно, какой сейчас год?

Двадцать минут езды — и мы дома. Въехали под шлагбаум в огромный жилой комплекс, попетляли во дворе и остановились возле одного из домов. Интересно, сколько здесь этажей? Как минимум пять десятков... Может и больше.

Водитель помог мне выгрузиться, усадил в инвалидное кресло и пожелал скорейшего

выздоровления, а Мирослава Юрьевна, кто бы она мне не была, тяжело вздохнула, ещё раз растрепала волосы на моей голове и покатила меня по тротуару в сторону входной двери.

Лифт. Кнопка «25» на табло, подъём на наш этаж, и мы на месте. Дом, милый дом... Как же я устал за этот день. Словно копал окопы или рыл тоннели вручную.

Не помню, что произошло дома... Наверное, меня накачали неслабыми такими транквилизаторами, или удар головой оказался всё же сильнее, чем я думал. Помню остаток дня урывками. Как мы сидим с Мирой в нашей маленькой уютной квартире за кухонным столом и ужинаем. Как она что-то высказывает мне строгим голосом, а потом ругается с кем-то по телефону.

— Да как вам вообще можно доверять ребёнку?! — доносится до меня из комнаты возмущённый голос девушки. — Вы вообще в своём уме? Что значит «не отвечаете»? Да иди ты сама в жопу! Старая кошёлка... Стерва!

Как я заснул — не помню. Помню, как начало резко клонить в сон и глаза просто слипались сами. Наверное, доктор всё же перестарался с лекарствами... А потом... Потом настало утро. Я лежу на большой кровати, а Мира снова с кем-то тарыхтит по телефону на балконе. Словно и не ложилась...

Моё кресло стояло рядом. Я осторожно сел на кровати, протянул руку, ухватился за ручки каталки и перебрался в своё транспортное средство. А через несколько секунд уже «рулил» на балкон. На механике, с одной рукой это делать непросто. Постоянно ведёт влево, приходится подкручивать то одно колесо, то второе... С горем пополам добрался до злополучного балкона, и сердце на миг замерло. Как же здесь красиво! Соседние дома, голубое небо, высотки где-то вдальке на горизонте...

— Максик! — обернулась Мира на моё покряхтывание и искренне улыбнулась. — Сегодня ты в школу не пойдёшь... И завтра... — она слегка нахмурилась и поморщила свой немного курносый носик. — Уж лучше дома... А через пару дней я что-нибудь придумаю. Лады?

Мирослава сидела на парапете балкона, абсолютно не страшась высоты двадцать пятого этажа и того, что совсем недавно её нерадивый отпрыск вот так точно спикировал вниз. А балкон у нас просто огромный, оказывается. Размером с нашу квартиру.

Я молча кивнул блондинке, проехался на своей тележке, осматриваясь, и остановился рядом с девушкой... А Мира очень милая. Несмотря на непроснувшиеся гормоны в моём мелком теле, я всё же прекрасно понимал это. Сегодня она одета в строгий костюм, состоящий из юбки, белой рубашки, галстука и пиджака. И больше походила на ученицу элитного заведения. Хотя, может так оно и было. Я ведь по-прежнему ничего не знаю. Интересно, кто она этому телу? Мать, сестра, тётя, няня, бабушка?

— Жарко сегодня... — задумчиво пробормотала себе под нос девушка, в десятый раз потрепав меня по голове. Или девушкам нравится трепать такого милого мальчугана, каким я, несомненно, являюсь, или это личный фетиш Миры... — Наверное, оденусь на работу

полегче. Сиди тут, я сейчас...

«Да куда уж полегче?» — мелькнула мысль в моей голове. Хм... На работу. Значит, она работает. Информации кот наплакал.

Мирослава нырнула в квартиру, обдав меня приятным запахом цветочных духов, и я ненадолго остался один. Проехался по балконной террасе, подъехал к бортику и посмотрел вниз, насколько смог дотянуться. Неплохой тут вид. Наверняка квартира стоит баснословных денег, а значит, мы не самые бедные люди. Да и врач в больнице общался предельно учтиво. Неплохо я устроился, выходит.

Через несколько минут вернулась блондинка. А! Вот, значит, как! Вот что значит «полегче». Другой галстук, более летний, цветочный, другая юбка и теперь без пиджака, в одной рубашке. Мило...

— Ну как? — улыбнулась мне и повертелась вокруг себя.

Вздыхаю, осуждающе машу головой, но всё же показываю ей сжатый кулак с выставленным вверх большим пальцем.

— Ну и отлично! Ты у меня уже такой взрослый и самостоятельный, — довольно восклицает блондинка, чмокает меня в лоб, вытирает след от губной помады, подхватывает свою сумочку и убегает. — Всё, пока! До вечера, Максик! Еда в холодильнике, твои любимые хлопья в шкафу, хлеб в хлебнице, всё как всегда. И не балуйся тут без меня, — выкрикивает уже у самых дверей, и через секунду они захлопываются за ней.

Блондинка... Тётя, мама, сестра... Как её называть, хотя бы мысленно? Нужно установить её статус. В общем, симпатичная блондинка, сожительствующая со мной, ушла на работу, а я остался один.

Да уж. Пацан только вчера выпал из окна, а сегодня его оставляют дома одного. Не дома даже, а на балконе... Хотя, я же не знаю, что вчера произошло. Может, пацанёнка кто-то выкинул, или толкнул. Нужно будет поинтересоваться. Хотя... Какая теперь разница.

Калекой мне быть не с руки. Да и передвигаться на коляске я не хочу. Нужно это как-то решать... Бля! А если мне в туалет захочется? Она что, первый раз с ребёнком? Оставила одного дома, немощного и бестолкового... Что за безответственная особа? Хоть бы няньку наняла... Хотя, нет. Это я с позиции пацана смотрю. Мне нянька точно не нужна. Правда, с туалетом действительно проблемка... И мочевого пузыря, словно услышав мои мысли, тут же начал нагло и навязчиво намекать о необходимости спустить кипяток. Проклятье!

Ладно. Как мне решить мою проблему? Не с туалетом, а с моей ограниченной подвижностью. Хотя, нет. Всё же сначала с туалетом. Долбаный мочевого пузыря!

Пришлось немного попотеть. Заехал в ванную комнату, она же туалет, подъехал поближе к унитазу, перебрался на него и сделал дела как девчонка. Хрен с ним — я не гордый! Ощутил

неземное облегчение и, перебравшись обратно, помыл руки. Фух! Одно дело сделал.

Прокатился по квартире... Вчера вечером она показалась мне достаточно большой, а сегодня при дневном свете... Одна комната... Здесь всё: и спальня, и кухня, и столовая. Хорошо хоть туалет и ванная отдельно. Золотые стены, ну или под золото, панорамные окна от пола до потолка, большой белый шкаф, женское трюмо и огромное круглое зеркало в золотой оправе. Кто-то у нас любит золото, хотя, смотрится всё действительно красиво и стильно. Ну и большая двуспальная кровать. Погодите-ка... Одна кровать?

Повертелся на колёсах, огляделся ещё раз. Ну да, так и есть — кровать всего одна. Значит, я здесь не живу? Приехал погостить? И кто такая эта Мира тогда? Странно, судя по её разговору. По её словам... Почему-то создалось такое впечатление, что я здесь надолго. Она не сказала: «Потерпи пару дней или пару месяцев...» Что она там говорила? «Сегодня ты в школу не пойдёшь... И завтра... Уж лучше дома... А через пару дней я что-нибудь придумаю».

Ну да, не похоже, что я здесь на пару дней. Ладно, разберемся, это не так уж и важно.

Дальше у нас шла кухня-столовая. Обычная, наверное. Чёрно-белая мебель, техника, барная стойка с высокими стульями и простой обеденный стол. Квартирка маленькая, не больше балкона, но уютная и даже в какой-то мере просторная. И большой гало-телевизор на стене, демонстрирующий каких-то ряженых и дёргающихся на сцене людей, словно их бьёт током.

А ещё я обратил внимание на рисунки на стенах в простых белых рамочках. Красивые рисунки. И небольшая незаметная подпись на каждом — «Макс К.». Хм... Так этот пацан рисовал? У него талант... Был. Парень стал бы неплохим художником, если бы не умер, упав с двадцатого этажа. Я был уверен в этом, иначе, я не попал бы в его тело...

Ладно. Но теперь точно нужно решить проблемку с моей временной инвалидностью. Пора браться за Узоры. Узор Регенерации мне будет как нельзя кстати. Хм... Это всё, что я помню о своей прошлой жизни. Узоры, которые можно нанести на тело и сделать его более стойким, улучшенным, совершенным. Благодаря такому Узору я и очутился здесь, а не сдох в своей прошлой жизни. Узор Перерождения или, как его ещё называли, Узор Второго Шанса. Вот мой второй шанс.

Сколько этих узоров... Полсотни как минимум я помню наизусть, даже сейчас, в моём состоянии, когда я ни хрена больше не помню. Узор скорости, силы, стальной кожи, усиленных костей, ночного зрения, хозяина, шавки, рывка, концентрации, метаморфа, амфибии, перерождения, трансформации... И Регенерации.

Регенерация — это первый, изначальный, основополагающий, краеугольный. Без него остальные Узоры ставить на своё тело опасно, оно может просто не выдержать нагрузки и перегореть. Чем точнее и больше Узор, тем он темнее и сильнее. Жёлтый самый слабый, Чёрный самый сильный. И нет, он не всегда виден. Он не виден на теле как татуировка, а проявляется только во время использования. Таких модифицирующих узоров можно поставить лишь двенадцать за всю свою жизнь. Ещё одна проблемка или особенность —

можно ставить только два Узора в год. Но мне пока много и не нужно. Мне нужна только Регенерация.

Я задумчиво взял небольшой кухонный нож и повертел его в руке, проверил остроту, взвесил и зачем-то проверил баланс... И всё же странно... Как девчонка оставила меня одного в квартире? Без присмотра. И без присмотра ли? И всё же... Нет, не то, чтобы я печалился по этому поводу. Но она мне доверяет? Маленькому, сопливому, шестилетнему пацану?

Повертел головой по сторонам, украдкой пробежался взглядом по углам потолка... Но так ничего и не заметил. Если и не заметил — это ещё ничего не значило. Наверняка в доме стоит какая-то система слежения... Бля! И как мне теперь нанести Узор? Не хватало ещё, чтобы через секунду за окном приземлилась медицинская машина и отвезла меня в дурку...

В туалете точно не должно быть камер... Надеюсь на это. И там есть зеркало. Отрезал кусок яблока, незаметно упустил нож на сидуху моего кресла и поехал прокатиться ещё раз на балкон.

Да, балкон реально больше квартиры. Два кресла-шезлонга, столик, цветы в горшках и ещё куча свободного пространства остаётся. Снова задумался о Мире, положив руки на парапет и облокотив подбородок на кулачки. Кто она? Мама, тётя, старшая сестра? И ведь не спросишь прямо. Нет, потерю памяти я разыграть могу, как раз и головой приложился неслабо. Но прикинуться шестилетним ребенком... Как эти дети вообще общаются? Как взрослые или сюсюкают? И как общался раньше конкретно этот? Уж лучше просто промолчу и понаблюдаю... Не самый выигрышный вариант, но лучше так.

Странно... Если Мирославка — мама, она должна была родить в пятнадцать, наверное... Хотя, что я знаю об этом мире? Может, это норма, а может, ей пятьдесят лет, а выглядит она так благодаря уходу или медицине. Судя по летающим карам, технологии здесь развиты хорошо. Бля! В какой же век я попал?

И чем мне заняться? Самообразованием? Как раз и электронный планшет, наверняка с выходом в общемировую сеть, лежит в комнате на столе. А если Мирославка потом проверит историю поиска, или это всё продублируется на её устройство? Засада... И как мне что-то узнать об этом мире? Не думал, что будет так сложно.

Задумчиво посмотрел вниз. Двадцать пятый этаж... Где-то внизу на детской площадке резвилась детвора, парочка местных жителей гуляла с собаками, несколько дворников наводили порядок на территории. Странно, думал с такими технологиями это будут делать роботы. А нет! Хотя, может, людям просто нравится работать руками и машинам они такую работу не доверяют, а может, людской труд дешевле.

Почему я ничего не помню о своей прошлой жизни? Кто я, на хрен, такой? Это побочка от переноса в новое тело, или мой Узор Перерождения сработал не так, как нужно? Может, он был слишком слаб? Жёлтый, как цвет мочи новорожденного, например. Никогда у меня не было настолько слабых Узоров, хотя, Чёрных, самых сильных, тоже никогда не было. Но я могу ошибаться. С моей то памятью.

Надо же... Узоры... Об узорах я всё помню, а вот о том, кто я такой, или хотя бы своё имя... Ни хера!

Когда-нибудь вспомню, а если и нет... Незачем делать из этого какую-то идею фикс. Хотя, может, в той жизни у меня остались друзья, семья... После мысли о семье неприятный холодок пробежался по хребту. Значит, семья... Не думаю, что я могу вернуться. Там я умер. Я точно знаю, это произошло в другом мире, в другом времени, в другой реальности. Я умер там окончательно. Именно так работает Узор Перерождения, это я хорошо помнил, знал. Перерождение забрасывает тебя далеко.

Вернулся с балкона в квартиру и покатил в ванную. Закрылся на замок, на всякий случай, не хотелось, чтобы кто-то заперол мне Узор. Огляделся по сторонам, исследовал каждый укромный уголок, каждую подозрительную щелку, дырочку, поверхность... Но так ничего и не нашёл. Надеюсь, у их не принято устанавливать наблюдение в туалетах и ваннах комнатах. Хотя, я бы точно установил. Никогда не был стеснительным, а если я не стесняюсь, значит, и остальным нечего стесняться. Логика!

Сука! Чуть не пропустил самое важное — часы с синим ремешком на руке. Там-то уж точно есть и прослушка, и камера... и снять их не вариант, могут подать сигнал. Эта проблема решилась легко — просто замотал часы полотенцем и удовлетворённо хмыкнул.

Дотянулся до зеркала и поменял угол наклона так, чтобы видеть себя. Стянул футболку, не без труда, выдохнул и начал чертить фрактал на своей детской груди. Да уж, места здесь мало, конечно. Может, поэтому нам не разрешали наносить узоры раньше восемнадцати лет? Не помню... Вот это точно не помню.

Глава 2

Хм. А Узор вышел хорошим. Я бы даже сказал — идеальным! А ведь это, наверняка, набитая рука пацаненка мне помогла в этом. Большой, правильный, занявший почти всю левую половину моей детской груди. Я влил в него немного силы, активируя, он полыхнул ярким белым светом и исчез. Кожа разгладилась и снова стала обычной, детской, без воспалённых красно-белых царапин. Накинул на себя футболку, спрятал нож и покатил в сторону кухни. Теперь бы пожрать и поспать.

Пока доехал до кухни, под громкое урчание желудка, думал, упаду в обморок от голода. Организм настойчиво требовал материалы для регенерации, своих запасов в детском теле не так уж и много. А дальше словно в тумане: запихивал в себя всё подряд и запивал сначала соком, потом молоком, а затем, когда и то, и другое закончилось — просто водой. Наелся, напился... И поспал. Так день и прошёл.

Первый день в новом мире можно назвать скучным. Я смотрел в окно, выбирался на балкон любоваться видами, лежал на шезлонге, жуя очередной бутерброд и запивая его сладким чаем (странно, я и раньше был сладёной, или у меня вкусы поменялись вместе с телом?), смотрел телевизор, пару раз наведывался на кухню перекусить... Ладно, не пару. И разок вздремнул, закутавшись в плед и трясаясь от холода. Что-то меня немного знобило.

Два раза общался с блондинкой по видеofону, или как он тут у них называется.

— Как дела, Максик. Всё нормально? — нахмурившись, наверняка, чтобы казаться строгой мамочкой, вопрошала Мира с прозрачного экрана планшета.

Кивок.

— Справляешься?

Кивок.

— Ты поел?

Кивок и тяжёлый вздох, призванный продемонстрировать ей, что я уже не маленький.

— Ладно! — сразу поняла она. — Я скоро буду. Не скучай!

Кивок.

Вот и поговорили. И чего она так со мной носится? А ведь хорошая девчонка и явно не моя мама. Что-то тут неправильно. Я брюнет с зелёными глазами, она блондинка с голубыми. Мы совсем не похожи. Эх! Жаль, что мне всего шесть лет, мне ещё расти и расти.

А ближе к вечеру я встал, хоть и на тоненькие и хрупкие, но на свои родные ножки. Достал из кармашка коляски нож, разрезал фиксирующие ноги и руку пластиковые биндажи и пошёл бродить по нашему дому на своих двоих, разминая попутно левую руку... Так-то лучше!

Часам к восьми вернулась Мирослава. И прям с порога накинулась на меня, округлив свои большие удивлённые глаза.

— Макс! Ты ходишь? Так рано? — девушка нахмурилась. — Тебе можно? Врач говорил — нужен покой. Ты вообще чудом выжил! — она подскочила ко мне, присела передо мной на коленки... (Ох, Мирка! Что же ты делаешь... Такие ножки). И пристально посмотрела в глаза. — Хорошо себя чувствуешь? Голова не кружится, слабость, тошнота, боли?

На моё пожатие плечами она тяжело вздохнула, потрепала мои волосы, покачала головой и встала. Хм... Выглядела удивлённой, значит, нет в квартире никаких камер наблюдения, а моя паранойя слишком... параноидальная. Ну и ладно, лучше перестраховаться.

— Странно... Или доктор перестраховался, сказал, что травма у тебя серьёзная, или ты просто умничка у меня, — чмокнула меня в щеку. — Я горжусь тобой! Давай ужинать и спать.

Спать... Интересно...

Блондинка зашла в ванную, помыла руки, пожурчала и вышла переодетая в лёгкий домашний

халат. Пошла на кухню, поставила кастрюлю с водой на плиту и включила чайник. Налила в бокал на тонкой ножке вино, достав бутылку откуда-то с верхней полки, села за стол, закинув ножку на ножку, и улыбнулась.

— Рассказывай, — кивнула мне, — как день прошёл? Чем занимался, что делал? Кстати, помнишь, я тебе про Мирона Андреевича с работы рассказывала, моего начальника? Так он сказал, что скоро уходит на повышение, а вместо него знаешь кто будет? Догадайся! Правильно — я! — снова искренняя белоснежная улыбка. — И с первой же большой зарплаты мы купим тебе, наконец, свою кровать! Правда, тут проблемка... Ставить нам её негде. Эх... — Мира тяжело вздохнула, сделала большой глоток из бокала, а я ненадолго задумался.

Странно. У нас нет денег на кровать? А как же эта шикарная квартира?

— А Оксанка из Системного сегодня всех тортом угощала, у неё день рождения. Прости, Максик, но твой кусочек, который я отложила в холодильник, кто-то сожрал. Плохие дяди или тёти.

И снова очередная речь о работе. Сплетни, слухи, интриги... Кто с кем переспал, кто кого подставил, кто с кем поругался. Кажется, я перестал вникать в этот женский пустой трёп уже на первой минуте. Нет, то как Мира забавно и смешно всё рассказывала и преподносила, мне нравилось. Её приятный весёлый голос, её искренняя улыбка и ямочки на щёчках... Но сама суть. Я не сильно вникал, кивал иногда, тяжело вздыхал и периодически качал головой.

— Ну и? Долго ты молчать будешь, молчун? — вывел меня из нирваны голос блондинки. — Хоть бы словечко сказал мне.

Я уже открыл было рот, решившись выдать первое моё слово в этом мире, но тут же закрыл, услышав, что сказала девушка через секунду:

— Вот так все шесть лет. Ни словечка от тебя. Доктор говорит, придёт время, заговоришь. А когда оно придёт, а, Максик?

Я задумчиво пожал плечами. Да хрен его знает, когда оно придёт! Хорошо, что я не начал лепетать перед ней. Хотя, опять же, можно было списать всё на травму головы при падении — идеальный вариант! Эх... Ладно, лучше уж помолчу. Да и что я ей скажу? Не спрашивать же мне, какой сейчас год и кто она такая. Со временем всё узнаю, мне не к спеху.

Ужинали мы чем-то похожим на мясо, завернутое в тесто. Никогда раньше не ел такое, или не помнил. Мира закинула три десятка кругляшей в кипяток, десять минут поварила их с солью и приправами, и подала на стол с маслом, луком и сметаной. Как ни странно, было вкусно и сытно. Мой желудок настойчиво требовал топлива и материалов для регенерации, несмотря на то, что я и так за день основательно проредил наши запасы. Две пачки хлопьев, какие-то овощи и фрукты, сушёное мясо, сыр, хлеб и несколько литров воды как минимум. Куда это всё в меня влезло — сам не знаю.

Спать легли поздно. Пока то да сё, пока Мира прочитала мне какой-то трактат по экономике (хорошо хоть не сказки!), пока пыталась понять сама и объяснить это мне. Наверное, что-то связанное с её работой. Забавная девчонка, не стала замыкаться и зубрить это всё себе под нос, а сделала в форме развлечения. И ребёнку интересно, и ей полезно. Спать мы легли почти в двенадцать. За окном шумел ночной город, дул лёгкий ветер, колышущий наши занавески, а луна освещала комнату словно большой фонарь.

Да уж... Спать в одной кровати с такой девушкой. Как хорошо, что я ребёнок. Вернее, у меня тело ребёнка. Ничего во мне даже не шелохнулось, глядя на Миру. Хотя, чувствую я себя, конечно, каким-то импотентом, даже обидно немного. Но! Зато никаких утренних конфузов и ночных эротических снов. Во всём есть свои плюсы.

Проснулся я снова позже Мирки. Она шерудила на кухне, играла тихая музыка, что-то тихонько бормотал диктор в телевизоре, пахло чем-то ягодным и вкусным. Пирог? Интересно...

— Проснулся, соня? — увидела моё помятое лицо Мира и мило улыбнулась. — Вставай, чисть зубы и завтракать. Быстро! И зарядку не забудь сделать, раз уж ты не болеешь.

Да уж... Правила в этой семье строгие. Хотя, мне такое по душе. Быстро размялся, принял душ, почистил зубы и через пятнадцать минут сидел за столом, наблюдая перед собой прелестное и милое личико моей сожительницы. И не только личико — короткий халатик ей очень шёл. Коротенький, не скрывающий её прелестные ножки, не совсем скромный и достаточно тоненький, чтобы догадаться — девушка не любит тесные бюстгалтеры.

— Макс... — ткнула она в меня ложкой и отхлебнула ароматный кофе из белой кружки. — Слушай задание на сегодня, раз уж ты полностью дееспособный. Прибраться в квартире...

Я недоумённо огляделся — ни пылинки, ни соринки. Что тут убирать? Ну ладно, раз хозяйка дома говорит.

— Второе, — продолжила Мира, прожевав небольшой кусочек пирога, — полить цветы на террасе. Третье... — она задумалась. — А что вы в школе проходили-то? Ладно, возьми планшет и... Ладно, найму я скоро учителя тебе, а пока представим, будто у тебя вынужденные каникулы. Чтобы не кис здесь в четырёх стенах, можешь погулять. Только я тебя умоляю — смотри по сторонам! С твоим везением, неловкостью и привычкой ловить ворон, ты же споткнёшься на ровном месте или утонешь в луже. Будь осторожен, не зевай! За территорию комплекса не выходи, да тебя и не выпустят, но всё же...

Да уж... Веселье. Ну, хоть погулять разрешили.

— Хм... — задумчиво посмотрела на меня блондинка, склонив голову на бок. — Ты как-то повзрослел, а я даже не заметила, когда. Взгляд такой серьёзный, умный. Как быстро летит время. Ты у меня такой большой уже, — Мира тяжело вздохнула, посмотрела на часы, резко подскочила с места, чмокнула меня в щёку и убежала в комнату. Через несколько секунд я услышал шуршание одежды, цоканье каблучков по полу и звук открываемой двери. — Всё,

Максик, целую, я убежала. До вечера! И посуду помой!

Дверь тихонько захлопнулась за девушкой, и я снова остался один. Задумчиво дожеввал кусок пирога, выпил чай и посмотрел в сторону телевизора на стене. Вот как им управлять, интересно? Показывает только один музыкальный канал, ни новостей, ни развивающих передач. Может, так задумано, а может, есть какой-то секрет, которого я не знаю. Включается и выключается простым касанием, и всё. Больше ни на что не реагирует.

Пригляделся к своей ауре... Или не ауре. Как-то это по-другому называется в моём мире. Вот та сила, которой я активировал Узор... Что-то похожее, но и непохожее одновременно. Давно заметил что-то постороннее, как только Регенерация вылечила моё тело и заживила руки и ноги. Но это точно не фонит от моего Узора Регенерации. Сила... Какая-то чуждая сила в этом теле.

Точно! Хлопнул себя по лбу. Это тело Одарённого, и у него есть свой Дар. Даже не думал, что в мире таких высоких технологий существуют Одарённые. Они, вроде, появились позже, на закате технологической эпохи. А то, что я видел за окном, никак закатом не назовёшь. Снова склоняюсь к тому, что я в какой-то параллельной вселенной. Или далеко в будущем.

Когда-то у меня уже имелся Дар, но я его просрал. Правда, не помню какой, и не помню как. Наверняка очень сильный и нужный. Боевой. Теперь у меня есть только примитивные Узоры. Хотя нет. Теперь у меня снова есть Дар. Забавно. Знать бы ещё, в чём он заключается, к какой стихии относится или к какому виду. Насколько он силён. Хотя, о последнем рано говорить, Дар развивают годами.

Я подскочил со стула и возбуждённо начал расхаживать по квартире кругами. Как, как узнать в чём он? Остановился, замер на месте, развернул ладони к себе и принялся тянуться к этой неведомой силе.

Как бы я ни пыжился, как бы ни напрягался... У меня ничего не выходило. Сначала пытался разбудить стихию. Пламя, огонь, ветер, земля, вода. Хм, не стихия. Тогда что? Ментальная ветвь, смерть, метаморф, что-то узкоспециализированное? С этим сложнее. Может, я умею летать? Может, малой почувствовал силу и пытался полетать с двадцатого этажа? Повторять этот фокус я, конечно, не собираюсь. Нужно действовать по старинке. Найду специалиста, пусть определит в чём мой Дар.

А ведь есть ещё один способ — дар передаётся от родителей. Значит, у матери или отца должен быть такой же Дар, как у меня. Мирослава? Если она моя родственница, то и она тоже должна обладать Даром. Вот только не припомню за ней никаких странностей. Эх! И здесь голяк. Но присмотреться к ней всё же стоит.

Нужно подышать свежим воздухом, проветрить голову. Неожиданное открытие выбило меня из колеи... немного.

Добрёл до двери, уткнулся взглядом в вешалку и с трудом вспомнил сегодняшнюю погоду за окном. Вроде было пасмурно и слегка прохладно. Значит, кроссовки, шапка, безразмерная

кофта и... О! И скейтборд, грустно притаившийся в самом углу. Обулся, сунул доску под мышку, и пошёл проветриваться...

Прошёлся, вернее, проехался по велосипедным дорожкам. Сначала неумело, робко, но через пять минут тело само вспомнило забытые навыки, и я тихонько покатыл, вертя головой в разные стороны.

Наш двор оказался огромным. Точнее, сразу несколько дворов в одном комплексе. Кафе, рестораны, магазины, парикмахерские, салоны красоты, детские садики и развивайки. Да здесь можно жить, не выходя за территорию годами. Удобно!

Больших детских площадок нашлось целых пять штук. Несколько спортивных, скейтдром, скалодром и что-то ещё, наверняка с окончанием на «-дром». Фонтан, большая зелёная территория. Жить здесь, наверняка, одно удовольствие.

С территории выбраться мне всё же удалось, несмотря на то, что говорила Мира. Судя по всему, просто пугала, чтобы не сбежал. Приложил часы к мигающей панели на калитке высокого забора, огораживающего нашу территорию, и вышел на свободу с чистой совестью. Вот мне влетит от Мирки, наверное, если она глянет мои перемещения по трекеру. А, не важно! Мужик я или сопливый пацан?

Прокатился по широкой людной улице вниз с холма, свернул за потоком людей направо и оказался на местном шумном рынке. Забавный такой, как будто сюда цивилизация не добралась. Какие-то высокие грязные дома, то ли старинные общаги, то ли трущобы. На самом базаре грязь, пыль, мусор. Пустые коробки и ящики, кричащие бабки и торговцы.

Вежливый дяденька угостил меня сладким бубликом. Ну да, угостил, как же! Вопросительно, сведя свои густые брови домиком, взглянул на мои часы, сунул мне какой-то прибор, похожий на платёжный терминал, и намекнул, что бесплатные угощения бывают только в гостях. А я точно не в гостях.

Сложив два и два, приложил циферблат часов к терминалу, оплатил неожиданную покупку и побрёл дальше. Ловко у них тут всё устроено. Купил себе бутылку сладкого напитка, оплатив его таким же нехитрым способом, теперь уже осознанно, но не уверен. Если бы не тот сладкий бублик, хрен бы я стал покупать газировку с яркой красной этикеткой и приятным кофейным ароматом.

Минут через десять нашёл лавочку, прямо напротив огромного рекламного борда, и уселся передохнуть, наблюдая, впитывая информацию о мире и анализируя. Самую большую лепту в моё просвещение, как ни странно, внёс всё тот же интерактивный рекламный борд. Вот где кладёшь информации, находка для шпиона.

Если бы не эта шумная группа клоунов, можно сказать, место я нашёл очень удачное. Не люблю клоунов. Чтоб им пусто было! Десяток представителей древнейшей цирковой профессии прошествовали мимо меня, обдав запахом палёных волос, пота и перегара. Кто-то из них подкидывал острые кинжалы над головой, кто-то изрыгал огонь. Опасные ребята,

особенно, как говорила Мира, для человека с моим везением.

И, конечно же, как по заказу, у одного из клоунов вылетел кинжал (косорукий дебил!) и вонзился в спинку моей лавочки. Как неожиданно (сарказм)! Я тяжело вздохнул, вырвал ножичек из доски, протянул противному клоуну, с мерзкой перекрашенной мордой, и ещё раз в уме пожелал ему с его косорукостью в следующий раз вонзить ножичек куда-то в мягкое место самому себе, а не невинным прохожим.

Не люблю клоунов. Хотя, последняя клоунша...клоунесса... как там правильно-то? Не важно! Девушка-клоун, идущая последней в этой небольшой процессии, подмигнула мне и послала воздушный поцелуй в знак компенсации за утраченный миллион нервных клеток. Ладно, не все клоуны одинаково противны. Некоторые очень даже ничего. Такой клоун мне определённо понравился.

2095 год. Хм, сначала я даже не понял, откуда это знаю. Так всё внезапно произошло. Всплыло в памяти? А, нет... Широкая дополнительная панель сверху рекламного борда, по которой скользила бегущая строка. Полезная штука. Год, время, краткие новости, курс золота, ещё какой-то валюты. Опять где-то войны. Министр Японии прибыл с визитом в Российскую Империю. Император Владимир выразил англичанам ноту протеста. Император... Забавно.

Значит, я всё же в прошлом. В далёком прошлом, относительно моего мира. Так далеко я ещё не забирался. Вот откуда я это знаю?! Бесит! Ладно, проехали. А то начну сейчас на людей кидаться.

Через час я уже знал достаточно много об этом мире: начало космических путешествий, колония на Марсе, экспедиция на Луне и установка там телепортационных Арок. Я был прав — это рассвет технологической эры. Не параллельный мир. Хотя, может и параллельный. Всё ещё непонятно.

Вот, например, оплата часами, летающие автомобили, гало-телевизор меня почти не удивили, а Арки телепортаций очень даже. Как же сложно ни хрена не помнить. Вроде, вот-вот что-то такое сейчас всплывёт в памяти, а потом — раз, и обрывается. Это реально бесит!

Хм, арки. А я ведь видел парочку Арок по пути сюда. Это что же, можно прям из этого города прыгнуть на Марс? Та нет, бред, невозможно! Может, это телепорты между городами? И почему тогда здесь пользуются обычными машинами, ну и летающими карами? Вопросы, одни вопросы.

Российская Империя... Какая-то странная история. Здесь вышли в космос и основали колонию на Марсе. Здесь не было развала СССР. Здесь Союз победил в какой-то войнушке, отжал у Европы свои истинные законные территории и стал Империей. Здесь были компьютеры и вполне современные технологии. И даже машины летали, а не ползали по земле. Интересно.

А ещё в скором времени собираются открыть проход на Венеру. Местные поселенцы —

венерианцы, которые лет десять как развивают колонию там, уже устанавливают грузовую Арку для переброски необходимого оборудования. А через пять лет обещают открыть пассажирские Арки для туристов. Весело у них тут.

Россия простиралась от бывшей Португалии до Камчатки. Шведы и финны что-то мудрили, воротили носы, у них была своя небольшая территория, ну и Греция с Италией. Остальные давно уже входили в состав Империи. Даже часть Африки была нашей. Ах да, ещё и Британия кичилась своей независимостью. Вот же заноза в заднице!

Да уж. Не думал, что рекламный борд может быть таким... информативным. Посидел бы ещё немного, но новости пошли по третьему кругу. Третий — это перебор, я и с двух раз всё прекрасно понял.

Так и прошёл мой первый месяц в этом странном, но интересном мире. За это время я излазил всё и везде: катался на необычном автобусе, путешествовал в подземке, посетил огромный парк возле какого-то старинного университета.

Никто не запрещал мне, никто меня не контролировал. Мира только просила часы не снимать с руки, наверняка там стоял датчик слежения. Хотя, не только датчик. Часы — это и ключ к дверям, как я узнал, и пропуск из нашего комплекса, и кошелек, и документ. У меня даже имелось там немного денег на счете, которые я тратил очень редко. Немного на еду и воду, а проезд городским транспортом бесплатный. Удобно. Просто. Приятно.

Я излазил двор — ничего интересного, по крайней мере для моего возраста, реального возраста. Хм, с этим, конечно, были небольшие проблемки. Но я точно знал — я не шестилетний пацан.

Однажды меня занесло на крышу нашего дома, очень хотелось посмотреть на город с высоты. И крыша стала моим любимым местом. Вид отсюда просто сумасшедший!

Вот так первый месяц и пролетел незаметно. Если не считать того, что вся одежда стала мне катастрофически мала. Я рос, очень хорошо рос и не только в ширину. Вернее, вширь я вообще не рос. А вот мой рост... Судя по торчащим из моих штанов голым щиколоткам, за этот месяц я прибавил сантиметров десять, не меньше.

Проблемка. Регенерация слишком сильная. Моё тело стало подгоняться под оптимальную психологическую форму. Бля! А я ведь догадывался об этом! Именно поэтому нам запрещали ставить Узоры раньше восемнадцати лет. Интересно, насколько быстро я наберу форму? Или это просто временный скачок роста? Надеюсь, временный, хотя, быть малышом мне и не очень нравилось, но расти на глазах. Это будет сложно объяснить окружающим.

— Да уж... — задумчиво пробормотала Мира, глядя на мои упирающиеся в носки кед пальцы ног. — Сегодня смотаемся в магазин, а завтра к Семён Андреевичу, ну, нашему семейному врачу — ты должен помнить его.

Я растерянно кивнул.

— Пусть посмотрит тебя. Это ненормально так быстро расти. Вот блин! — воскликнула неожиданно девушка. — А завтра ещё к нам твоя учительница приходит. Да, Максик! Не смотри на меня так! Хватит прохлаждаться, нужно грызть гранит науки. А кровать твоя потерпит, уж извини. Деньги пошли на частные уроки. Да и всё равно ставить её некуда.

Переехать не вариант? Странно всё это.

Ладно. Вроде, разобрались. Выпроводил Миру на работу и пошёл в ванную с ножичком в кармане. По традиции, через месяц можно ставить второй Узор. А следующие два — уже через год, как положено.

Перерождение? Пожалуй, да. Сдыхать в этом мире я не собираюсь. Какое-то чувство... Сраное чувство приближающейся опасности. Вернее, вечно висящих надо мной неприятностей. А! Я не рассказывал, почему? Сейчас расскажу.

Глава 3

Началось всё ещё на том рынке, во второй день моего пребывания в этом мире. Когда пройдоха-продавец втюхал мне тот сладкий бублик. Когда я понял, что меня развели как ребёнка, вместо благодарности пробурчал в сторону этого гения маркетинга: «Чтоб тебя покупатели так любили, как ты их», оплатил покупку и пошёл дальше, ничего такого не подозревая. И после этого началось...

То меня чуть не сбил тележкой грузчик, то на меня свалились тяжёлые коробки, то едва не обдали кипящим маслом. В общем, здешний рынок совсем не место для прогулок маленьких детей. А потом был тот клоун с ножичком.

Думаете, на этом всё закончилось? Как бы не так! Домой я возвращался как по минному полю, оглядываясь по сторонам и внимательно смотря под ноги. И не зря. Авария, от которой я чудом увернулся, оголённые провода на земле, злая собака, которой кто-то наступил на хвост, и она подумала, что неплохо бы за это отомстить шестилетнему пацану. Ну а почему нет? Хорошая ведь мысль, не так ли? Шестилетка не ответит. Я ответил, не шестилетка. С размаху врезал ногой в челюсть и дал дёру.

Домой я зашёл как настоящий испуганный ребёнок. Ворвался в квартиру, захлопнул дверь и опёрся на неё спиной, чтобы уж наверняка оставить все неприятности там, снаружи. Дома всегда безопасней и спокойней. Какой же я был наивный в то время.

И это оказался не единственный день, когда мне чудовищно не везло. И для этого мне не обязательно выходить из дома. Нет, обычно всё проходило тихо и мирно. Но если начинало накатывать, то выглядело как снежный ком — неприятности и неудачи следовали одна за другой. Я даже подумал, что над мальцом или этим домом висит какое-то родовое проклятие.

Несколько раз меня спасала моя сумасшедшая регенерация — то меня ударило током, то я поскользнулся в ванной и затылком приложился об унитаз, то неудачно упал на нож. Да,

было и такое. Потом пришлось долго уничтожать следы крови на полу, незаметно утилизировать окровавленную одежду и восстанавливать потерю крови. Лишние вопросы от Миры мне были ни к чему.

Я вообще не удивляюсь теперь, как малой выпал из окна. Поражаюсь, как он выжил и дожил до шести лет. А, точно! Он ведь и не выжил — выжил я. В общем, мне тупо не везло. Причём не везло смертельно. Узор Перерождения даже не стоял под вопросом. Его нужно было ставить вторым. Если мне и суждено умереть здесь, то я хотя бы не умру окончательно и перерожусь в новом мире. Не самый лучший вариант, но тоже неплохой. А ещё была такая надежда, что моя память после перерождения восстановится.

Как-то так... Так что с чистой совестью вторым Узором я решил поставить Перерождение. Так, я стянул футболку, занес руку с ножом и впал в ступор. Я не помню Узор Перерождения. Как так? Да я наносил его сотни раз. Ну, может не сотни, но пару десятков точно. Это я помню, как ни странно. А вот сам Узор — хоть убей! Проклятье! Сука! Как такое возможно?!

Натянул футболку обратно, пошёл на кухню, заварил ромашковый чай, взял планшет и принялся чертить. Если бы у меня в руках была обычная тетрадь, под ногами давно валялась бы гора смятых листков. Но у меня сраный планшет! Даже злость выместить не на чем! Сука!

Два часа я потратил впустую. Даже сходил на крышу развеяться — не помогло. Прогнал в памяти все Узоры — я все их помнил. Кроме одного. Кроме Перерождения. Странно. Почувствовал себя голым и беззащитным. Да уж, непривычное чувство.

Оставался ещё один вариант — Узор Концентрации, может, он поможет вспомнить. А если и нет, то лишним он всё равно не будет. Концентрация — хорошая штука. Восстанавливает память, управляет мозги, делает их гибкими и способными к обучению. Хотя, по факту, она просто делает память идеальной. Всё, что мне нужно сейчас — идеальная память.

Придется побыть тише воды, ниже травы какое-то время, а если быть точным — целый год. И постараться не высовываться. Теперь, если умру, я больше не возрожусь в новом теле. Ладно, месяц я же протянул, протяну ещё одиннадцать. Тоже мне проблема!

До вечера ходил сам не свой, всё оттягивал, надеялся восстановить в памяти Узор Перерождения, но так ничего и не вспомнил. В каком-то скверном расположении духа зашёл в ванную, снова снял футболку и набросал в районе живота Узор Памяти, то бишь Концентрации.

Оделся, стараясь не смотреть на своё творение, словно оно в чём-то виновато передо мной, и завалился спать. Мирославку в тот вечер я так и не дождался, но зато утром проснулся раньше неё. Приготовил ей кофе, поджарил гренки с томатом, трясущимися руками взял планшет и стал чертить.

Сука! С трудом сдержался, чтобы не расхерачить его об стену. Сдержался, легче не стало.

— Максик, миленький! Что с настроением? — сонная Мирославка прошла по кухне в коротких шортиках и маечке на голое тело, налила в кружку кофе и села напротив. Интересно, обязательно ходить в такой прозрачной майке по дому? — Не хочешь ехать к врачу? — заботливо поинтересовалась блондинка.

Проклятье! Ещё и к врачу тащиться. Я и забыл... Забыл. Смешно! Я что, запорол Узор? Та нет, вроде — он ярко сиял во время активации. Значит, не забыл. Просто не придал этому значение, не до этого было. Кстати, я так и не вспомнил ничего нового о своём прошлом. Слишком много я возлагал надежд на этот Узор, от этого и такое разочарование.

Ну и хер с ним! Учиться всё равно будет проще и легче запоминать новую информацию. Я рискнул, а то, что не вышло — не моя вина. Может, ещё и вспомню. Хотя, терзают меня смутные сомнения по этому поводу. Неспроста это всё, неспроста.

— Давай-давай! — поторопила меня Мирка, дожёвывая свою оранжевую гренку. — Ешь быстрее, нам через двадцать минут нужно выходить. И не кисни мне тут!

Не кисни. Легко сказать.

Хм... Доктор был старым. Даже не старым, а древним. Значит, старость в этом мире ещё не победили. Как я в прошлый раз не понял этого? Хотя, под тем количеством транквилизаторов, которыми меня накачали — ничего удивительного. А это, в свою очередь, значит — Мирослава мне не мать, по-прежнему непонятно кто, но точно не мать. Хотя, у женщин всегда свои секреты, да и наследственность может быть хорошая.

Я снова внимательно пригляделся к ней. В её голубые глаза, в отсутствие морщинок на лице, в её шелковистую гладкую кожу и на подтянутое молодое тело. Не, точно не мать. Ей лет двадцать с натяжкой, может, двадцать два. Хм, если только здесь не принято рожать в шестнадцать. Вот хрень! Целый месяц балду пинал, а про наше родство так и не узнал. Ну не идиот?

— Вот такие дела, Семён Андреевич, — резюмировала Мира рассказ доктору, и тот с лёгким интересом посмотрел в мою сторону.

Хоть бы не удумал меня препарировать. Подумаешь, подрос на десять сантиметров за месяц — с кем не бывает?

— Да, уж. Интересный случай, но не уникальный, — подтвердил мою догадку доктор и заработал сразу несколько очков уважения от меня. — Но анализы всё равно сделаем, так, на всякий случай.

— Так это нормально? — обрадовалась Мира.

— Ну... Нормально — не нормально... — задумчиво протянуло светило науки и поправило очки. — Норма — очень растяжимое понятие. Но с ним точно всё хорошо кроме его... Хм... А он понимает, о чём мы говорим? В его состоянии?

— Конечно, понимает! — возмутилась Мира.

Вот те на! Старый пердун только что обнулил свою, с таким трудом заработанную, репутацию в моих глазах. Даже не обнулил, а ушёл в глубокий минус. Теперь моё отношение к этому индивиду находилось между «старый туалетный ёршик» и «свежая горячая сопля на белоснежной скатерти». Что значит «в его состоянии»? Какое у меня состояние?

— Такое бывает. Не часто, но бывает, — доктор продолжал сверлить меня любопытным взглядом. — Я вижу, он у вас молчун.

— Да, — кивнула Мира и бросила в мою сторону беглый взгляд. — Максим с самого рождения не разговаривает.

Доктор поправил очки и снова уставился в планшет. Пару раз что-то тыкнул в нем, задумчиво хмыкнул, посмотрел на меня, потом снова в планшет. Через пару долгих минут отложил свою игрушку в сторону и спросил:

— Читать умеет?

— Да, конечно.

— Это хорошо.

Покивал сам себе, достал из стола большой лист бумаги, разорвал его на несколько частей и принялся что-то писать на каждом кусочке. Через минуту обратился ко мне, громко чеканя каждое слово, словно я глухой или недоразвитый:

— Так, Максимка.

У, сука! Я думал падать в моих глазах ниже некуда, но он преодолел новую планку и пробил дно. Не люблю вот это «Максимка»!

— Я разложу перед тобой карточки и буду задавать вопросы. Ты ищи ответ на бумажках и показывай его мне. Кивни, если понял! — почти прокричал он мне в лицо.

— Извините, Семён Андреевич, — вмешалась Мира (моя ты спасительница!), — Макс хорошо слышит и всё прекрасно понимает.

— Это мы сейчас и собираемся установить, — не согласился с ней доктор. — Ты понял, Максимка? Кивни.

Я кинул, деваться мне некуда. За нами Москва, как говорил... Не помню, кто так говорил.

— Как звали первого человека, полетевшего в космос? — и пердун раскинул передо мной три карточки: «Нил», «Александр», «Юрий».

Хм. Я протянул руку и ткнул пальцем в карточку. Юрка, конечно. Хоть это я помнил.

— Молодец! — похвалил он меня и одобряюще (как он думал) улыбнулся. — Ленина знаешь? — новый вопрос.

Кивок. Ленин... Знаю, конечно, как ни странно. Не лично, вроде... Наверное. Но знаю. Не спрашивайте, откуда — этого я уже не скажу.

— Хорошо... Как звали дедушку Ленина?

Снова три карточки: «Александр», «Владимир», «Юрий».

Хм... Сложный вопрос, со звездочкой. Ну, у Ленина было два дедушки, как у всех нормальных людей. Первого точно звали Александр, а второго вроде Николай. Вот только Николая я на бумажках не вижу, но и вопрос был только об одном дедушке. Значит, Александр. Тыкаю пальцем в карточку «Александр» и вижу на лице доктора победную улыбку.

— Хорошо, — довольно произносит мой лечащий врач и хитро улыбается. — Скажи, Максимка, с какой стороны встаёт солнце?

Снова несколько карточек на столе. Так, что тут у нас: «Север», «Юг», «Запад», «Восток». Это вопрос с подвохом? Я ни хера не пойму. Как я должен ответить? Где ответ: «Солнце не встаёт, оно всегда держится на одном месте». Так-то земля вертится, а солнце как стояло миллионы лет, так и стоит в одной и той же точке.

Или он хочет узнать, с какой стороны мы наблюдаем восход солнца? Ну это понятно — с востока. Но он же не может задавать такие элементарные вопросы. В общем, я ненадолго завис. Протянул руку, уже готовый ткнуть в «восток», но видя довольную рожу доктора, отдернул её обратно.

— Хм... Всё ясно, — врач принялся складывать свои рукотворные карточки. — Боюсь, он у вас по-прежнему, выражаясь научным языком, дебил.

«Да чтоб тебе самому в дебилах ходить, дебил!» — едва не выпалил я в ответ и нахмурился, прикусив язык.

— Он даже не смог на элементарные вопросы ответить, — доктор на секунду запнулся и натянул дурацкую улыбку на лицо. Затем, словно стряхнув с себя эту секундную слабость, продолжил слегка неуверенным и растерянным голосом. — К сожалению, диагноз пока остаётся прежним, — старикан развёл руки в стороны и снял очки.

В каком смысле «прежним»? Я у них в картотеке дебилем записан?! Вот сука!

— И что нам делать? — без былого огонька поинтересовалась Мира, словно знала ответ.

— А ничего. Может быть, со временем разовьётся в нормального человека, а может и нет.

— Можно вылечить? Появились какие-то методы лечения?

— Можно... Время лечит, — он рассмеялся своей остроумной шутке и утёр слезу. — Лечение обойдётся вот в такую сумму, — доктор быстро набросал на чистом клочке бумаги несколько цифр и протянул его Мире. — Вот... И это не означает стопроцентный результат, это всего лишь повысит шансы на выздоровление. Но после лечения он точно сможет вести самостоятельную жизнь, будет социально адаптирован, сможет освоить несложную профессию и будет вести самостоятельную трудовую деятельность.

— Он и так самостоятельный.

— Да? Ну не знаю. Я бы так не сказал. Да и в привычной обстановке, дома, например, дебилы относительно адекватны и самостоятельны. Это не показатель.

— А наша страховка? — Мира кивнула на листок с цифрами в своей руке.

— Страховка это лечение не покрывает.

— Да где ж я столько денег возьму? — тяжело вздохнула блондинка и посмотрела на меня провинившимся взглядом. — Это нам не по карману.

— А это уже не моё дело, — довольно заключил доктор и выразительно посмотрел на двери. — Будут деньги — милости просим!

«Старый пердун! Чтоб ты так обосрался, как лечишь. Херово и с душком!» — прошептал я одними губами, и доктор непроизвольно выпустил газы. И покраснел. А затем ещё раз выпустил. И ещё... Надеюсь, он всё же обосрался.

— Зачем вы его вообще усыновили, такого проблемного? — врач поёрзал в своём кресле и недовольно покосился в мою сторону. — Жил бы себе в приюте.

УСЫНОВИЛИ?! Так Мира всё-таки не моя мать? Вот оно как.

— Семён Андреевич! — одёрнула Мира старого пердуна и с укором посмотрела на него.

— Что? А! Он не знал? — старик небрежно отмахнулся от слов Мирославы и уверенно произнёс. — Да он и сейчас не понял. Он же отсталый. Так зачем?

— Ну... Я его не усыновляла... — Мира покосилась в мою сторону.

— Но у вас одинаковые фамилии. И вы ему не мать, судя по документам.

— Опекун, — призналась Мирослава. — А фамилия... Запутанная история. Моя сестра вышла замуж за мужчину с ребенком. А спустя месяц они погибли в аварии. Я вроде и тётя, и не тётя.

— А фамилия?

— Его отец взял фамилию моей сестры, нашу фамилию, когда они поженились. Сестра у

меня была слишком... своенравная. А Кирилл, отец Макса, слишком её любил, чтобы спорить.

— Хм. Действительно запутанно, — врач нахмурился.

— Я же говорила, — подтвердила блондинка. — И вот мы с Максом уже год живём вместе.

— Вы слишком молоды для таких проблем. Зачем вам это?

— Ну как же? — брови Миры взметнулись вверх. — А что бы мне сестра сказала, брось я его или отдай в детский дом?

— А у него больше нет родственников?

— Нет. Только я... Вернее, есть, но там всё непросто.

— Ясно. Тогда терпите и тяните это ярмо.

— Это уже не ваше дело, доктор! — вспыхнула Мира. — И Макс не ярмо!

— Ну, как хотите, так и называйте. Дело ваше. Денег вы в него вбужаете будь здоров, а толку будет ноль.

— Так, а что с его скачком роста? Это нормально? — слегка успокоилась моя не родная тётюшка.

Хоть какая-то нормальная новость за последние несколько дней. Новая информация и теперь уже понятный для меня статус Миры. Одним вопросом меньше. Словно гора с плеч свалилась.

— А, это? Да, всё в пределах нормы. Приходите через три месяца для контрольных замеров.

Домой мы брели молча, каждый думал о своём. Надеюсь, Мира не думала о словах этого старика всерьёз. Не хотелось, чтобы меня сдавали в приют, я успел привязаться к блондинке. Хотя, если ей так будет легче, пусть лучше отдаст. Ладно, не буду мешать. Может, пердун в чём-то прав, пусть девчонка подумает над его словами.

Хм, пердун... А ведь складывается очень интересная система. Как я раньше этого не замечал? Старик действительно обосрался, или просто пустил газы, едва я подумал об этом. Хотя, именно такая точность меня не интересует, достаточно того, что хоть что-то совпало с моими словами. Например, «пердун». Может, я пророк, предсказатель? Пока, правда, не замечал за собой ничего такого.

Из больницы мы вышли, и меня едва не придавили автоматические двери. Затем на светофоре автоматика не сработала, пешеходам и автомобилям одновременно загорелся «зелёный». Хорошо, я был настороже — научился за последнее время.

Я проклят или я источаю ауру проклятья? Или просто все люди, которые рядом, тоже становятся неудачниками? Нет, здесь что-то другое. Я бы не сказал, что доктор именно неудачник, он исполнил именно то, что я ему пожелал. Словно я его... проклял. Охереть! Проклятье, сука! Я проклинаяю людей? Тогда почему и я сам страдаю? Хорошо хоть не тем самым, чем проклинаяю, а просто каким-то чёрным невезением. А ведь и правда. Вот она — схема!

Проклял — и получил проклятие в ответ. Случайное. Нет, не случайное, и не совсем проклятье. Я словно трачу весь свой запас удачи и становлюсь неудачником. Это я утрирую, конечно, я трачу Силу, а взамен получаю вот такое наказание, наверное. Хм... Что было в первый раз?

Первый раз мне так сильно не везло, когда я пожелал что-то продавцу бубликов на рынке. Потом клоуну... Да уж, за клоуна я едва не поплатился жизнью. Меня шандарахнуло разрядом тока, а потом я ещё напоролся на кухонный нож. Сука! Ненавижу клоунов! Особенно теперь.

Выходит, это мой Дар? А я ведь даже не обращал внимания, как ведёт себя та непонятная Сила во мне, Сила, отвечающая за Дар. Что происходит с ней, когда я кому-то желаю зла? Она перетекает из меня, выплёскивается, сосредотачивается где-то на кончиках пальцев или в центре лба?

Что-то больно толкнуло меня в плечо, и я едва удержался на ногах. Хорошо, Мира была рядом, поддержала.

— Под ноги смотри, идиот! — донеслось до меня от удаляющегося самокатчика.

Под ноги? Да я-то как раз и смотрю, иду по пешеходной полосе, а этот криворукий мчится вовсе не по дорожке для велосипедистов.

«Да чтоб у тебя руль в руках не держался!»

Сила во мне заметно просела, самокатчик вильнул, что-то выкрикнул не членораздельное и на всей скорости влетел в кирпичную стену здания. Вот и хорошо. Вот и проверили...

Внимательно пригляделся к своему Дару. Белая яркая Сила, которая раньше наполняла меня, заметно убавилась, словно сосуд немного опустел. Да, именно сосуд. Сейчас я наполнен силой едва на треть. Интересно, пока я «пустой», пока не восполню резерв, меня будут преследовать неприятности? Так это работает? Придётся вести наблюдение. И ещё одно — резерв со временем вырастет, или я научусь экономнее расходовать Силу? Снова вопросы...

На плечо с жирным чавканьем что-то капнуло. Мира звонко рассмеялась, достала платок и принялась тереть. Да уж, к деньгам. Если бы такие неприятности были всегда, а не нож в спину, я был бы только рад.

— Давай зайдём в кафе, горе ты моё луковое! — потрепала Мира меня по густой шевелюре.

— Выпьём по чашечке какао и съедим по булочке. И подстричь тебя нужно, а то зарос как дикарь.

«Пойдём», — кивнул я блондинке и уверенно повёл её внутрь какой-то забегаловки, пока мне на голову с крыши не свалилось что-то потяжелее голубинового дерьма.

Глава 4

Я сразу его увидел, едва мы вошли в кафе и выбрали столик. Он шёл, протискиваясь между посетителями, и словно замороженный двигался к нам наперерез. В руке поднос, на нём большой прозрачный заварник с чаем. Ну вот как это происходит? Что заставляет людей мыслить неразумно? Он ведь наверняка даже не в эту сторону нёс заказ. Но нет! Что-то перемкнуло в его голове, он о чём-то задумался и решил сделать крюк.

«А не облить ли мне этого тощего пацана кипятком? О! Прекрасная идея!» — так он мыслил? Или просто задумался. Хрен его знает.

Уворачиваться я не стал. Ну, как не стал... Я попытался. Какой-то боров подпёр меня сзади и вдобавок пихал в спину, пытаясь пробраться к витрине с пончиками. Козёл! А официант с подносом упорно шел к цели. А! У него ещё и шнурок развязался.

Додумать мне уже не дали. Всё как я и представлял себе и наблюдал за всем, словно в замедленной съёмке. Этот растяпа наступает на шнурок, спотыкается, машет своими граблями, чтобы не упасть, его глаза от ужаса расширяются, он подбрасывает свой серебряный поднос в воздух, и заварник с кипятком летит прямо на меня. Проклятье, сука! Больно ведь!

От меня идёт пар, обжигающая футболка неприятно липнет к телу, а Мира в панике начинает сдирать её с меня. Да подожди ты, там Узор Регенерации на груди полыхает, пытаюсь залечить повреждения мягких тканей. Не хватает, чтобы она увидела его. Вяло сопротивляюсь и оттягиваю момент моего интимного обнажения перед публикой.

«Чтоб ты так писюн свой не мог удерживать в руках, как этот поднос».

Это я погорячился, конечно. Но не выдержал просто. Иногда мой язык, хотя даже не язык, а мысль, быстрее... Вот засада, мысль-то быстрее чего может быть? А, не важно!

Результат проклятия я вряд ли смогу увидеть, хотя, Силы у меня заметно убавилось, можно ориентироваться по этому. И хорошо, что только меня облил, а не Миру. Да и кипятком не сильный был. Моя Регенерация уже притихла, справившись с таким пустяком, и Мира, наконец, стянула с меня мокрую футболку.

— Ты как, Макс? В порядке? Ничего не болит? — обеспокоенно принялась осматривать и ощупывать меня блондинка.

— Так, а я смогу, наконец, пройти?! Загородили тут весь проход, — бормочет недовольный любитель пончиков за моей спиной и протискивается, дважды наступая мне на ноги и со

всего размаху прикладываясь локтем к моему затылку.

«Вот гад! Чтоб тебе эти пончики поперёк горла встали!»

Да, бля! Что-то я разошёлся сегодня. Можно отменить последнее? Хрен там — силы во мне немного уменьшилось, проклятье отправилось к адресату. Я с сожалением посмотрел в спину толстячка и устало вздохнул. Что такое не везёт и как с этим бороться.

Теперь нужно просто переждать, пока мой резерв заполнится. Надеюсь, обойдёмся без приключений. Нужно наблюдать и научиться дозировать это воздействие. Хм... Но это уже легче, это дело практики. Угу! Главное, не сдохнуть во время такой практики. Такой откат постоянно прилетает, что будь здоров! А Узор Перерождения я так и не вспомнил. Словно кто-то поставил на него блок.

— Простите меня, ради бога! — растерянно пробормотал переминающийся с ноги на ногу за спиной Миры официант. — Всё же нормально? — заглядывает Мире через плечо и облегчённо выдыхает. — Ну вот и славно! Десять процентов — скидка за счёт заведения! — объявляет он, счастливо улыбается и указывает рукой на свободный столик, к которому мы направлялись минуту назад, словно к спасительному островку, но так и не дошли.

Вот жлоб! Десять процентов. Не зря я тебя проклял...

Мира недовольно сверлит официанта испепеляющим взглядом, демонстративно выжимает мою футболку прямо на пол и натягивает её обратно. А через секунду тянет меня за руку к нашему столику. Мирка девчонка что надо! И коня, и в избу...

Мы занимаем столик у окна с видом во двор и падаем друг напротив друга на два уютных красных диванчика.

— Нам две порции какао и две булочки с шоколадом, — заказывает Мирославка подскочившей к нашему столику девушке.

— Будет через десять минут, — официантка приветливо улыбается, подмигивает мне и убегает выполнять наш заказ.

Какое-то тематическое кафе. То ли под старину, то ли под ретро... Непонятно. Но платья у официанток интересные, словно одежда служанок из века пятнадцатого: пышные, открытые и завлекающие.

Первые пять минут я сижу, опасливо выжидая очередной подлянки от судьбы, пока Мира тархтит с кем-то по телефону.

— Да-да... Через час, как и договаривались. Да, конечно... Безусловно. Я буду очень Вам благодарна. До встречи...

О чём, интересно, она там договаривалась? А, не важно! Не моё это дело.

— Макс! — привлекает моё внимание Мира и немного хмурится. — Точно всё хорошо?

Киваю.

— Ну и славно! — улыбка Миры на секунду озаряет кафе и у неё снова звонит телефон.

Хм, странно... Кирпичи не падают, никто и ничто меня не тревожит. Сижу, не рыпаюсь, резерв постепенно заполняется. Всё не так уж и плохо. Учту. Ляг поспи и всё пройдёт — это прям точно про меня сказано. Неплохой способ избежать отката за проклятие, раньше я этого не знал. Хотя, я десять минут назад и не догадывался, в чём именно мой Дар. Так что, всё нормально.

Эх, природа зовёт. Я осторожно вылез из-за стола, сделал неуверенный шаг, и тут же был остановлен моей квочкой, охраняющей своего цыплёнка от всех неприятностей сурового и жестокого мира. Тут не меня нужно охранять от мира, а мир от меня.

— Макс... Ты куда?

Кивком указал на дверь с нарисованным мальчиком и вопросительно поднял брови.

— А! Ну да, иди, конечно, — смутилась блондинка, спрятала телефон в сумочку и повернулась к окну.

Уж лучше бы сидел на месте. Едва зашёл в туалет — началось! Розетки потрескивают, лампочки над головой мигают. Не успел сделать два шага, махнул на это дело рукой, развернулся и пошёл обратно. Ладно дома, там я не спалюсь. А здесь засветить свою регенерацию — милое дело! Как это воспримут окружающие — проверять не хочу. Не, ну нахер!

— Уже вернулся? Быстро же ты.

Кивнул, пожал плечами, сел напротив Миры и снова принялся обдумывать ситуацию. Вот интересно, как это работает? Мне просто стоит оставаться на месте, чтобы ничего не произошло? Нужно будет провести пару экспериментов. Но не здесь, конечно.

Из полученной информации, пока вот что у нас выходит. Самый простой способ избежать неудачи — это сесть на месте и ничего не делать. Или лечь. Короче, не рыпаться. Это хорошо. Это понятно. Методом тыка, методом проб и ошибок, я рано или поздно узнаю о своём Даре всё. Лучше, конечно, раньше.

Автоматически проверил свой резерв — полон наполовину, значит, ещё ждём. Как раз и булочки с какао несут. Официантка споткнулась и едва не облила меня кипятком. Снова. Но нет, «едва» — всё же не считается, да и чашки остались на подносе, и девушка не пролила ни одной капли. Удержалась ведь! Это хорошо, значит, моя теория работает. Я «в домике» — сижу спокойно, всё статично.

Откуда-то со стороны витрины с пончиками до нашего столика долетели перепуганные

крики сотрудников кафе. Девушки-официантки засуетились, забегали. Кто-то звонит в скорую, кто-то пытается делать моему недавнему знакомому борову искусственное дыхание. Ну вот! Завалил невинного дядьку. Да я прям монстр какой-то.

Через десяток секунд шум стихает. Всё нормально — дядька зашевелил руками и сел на жопу. Жить будет. Фух! Мне ещё слишком рано становиться убийцей, не по возрасту.

Я отхлебнул из чашки, закусил пышной булочкой и присмотрелся к Мире. Почему я не подумал об этом раньше? Я ведь могу видеть Силу. И в Мирославе она отсутствовала. Ни в ком из присутствующих в кафе, даже самой капельки. Это совсем не странно, но немного разочаровывает. Одарённых всегда мало. Хотя, может, я могу видеть потоки Силы только в своём теле? Как вариант.

А мне ведь придётся теперь следить за словами и за мыслями. Постараться не ругаться. Стоило выругаться на кого-то или рассердиться — и на тебе, проклятие готово. Нужно исключить из лексикона и мыслей заодно все бранные слова и ругательства. Будет не просто.

Для меня, взрослого сурового мужика, пережившего не одну жизнь, сложно не ругаться. Странно, я помнил, что в прошлой жизни был мужчиной, взрослым и пережившим не одно перерождение. И больше ничего о себе.

Ладно, сейчас не об этом. Сейчас о Даре. Забавный Дар. Полезный, в какой-то степени. Хотелось чего-то масштабного, серьёзного, сурового. Но это не магазин, здесь выбор никто не даёт. Не нравится — не пользуйся. Интересно, как в этом мире относятся к Одарённым?

Если не ошибаюсь — люди с Даром всегда были элитой. Возникало у меня такое ощущение, какое-то чувство из прошлого. Если ты Одарённый — это повод для гордости. Вот только что-то за месяц существования в этом мире, я ни разу Одарённого не встречал и даже не слышал о них. Может, их здесь нет? Тогда я откуда взялся? Вернее, это тело. Оно изначально было телом Одарённого, я тут совсем ни при чём.

Снова шум и крики сотрудников. Да что за хрень?! А, точно — думать без ругани! Приглядываюсь и снова вижу задыхающегося любителя пончиков возле кассы с пончиком в зубах. Серьёзно? Жизнь его ничему не учит? Что за идиот?

Кто-то из сотрудников делает бедолаге приём Кегеля. Или не Кегеля... Наверное, всё же Геймлиха, а Кегель что-то другое придумал. В общем, дядьке второй раз спасают жизнь. Я снова невинный младенец, а не маньяк-убийца. Это хорошо.

Так, ладно. Мира уже выпила свой какао, доела булочку и выжидающе поглядывала на меня. А я что? Я ещё не восстановил свой резерв Силы. Ещё пять минут, Мир, как раз растяну свою булку, медленно отщипывая по кусочку. Бля! Измазался в шоколаде как младенец.

— Горе ты моё! — улыбается мне Мирослава, берёт мои руки по очереди и начинает тереть салфетками.

Так. Первоочередная задача — разобраться с Даром. Точно понять, как он работает, как не работает. Разобрать временные пределы. Научиться дозировать действие. Что ещё? Можно поэкспериментировать с группами. Например, проклясть всех рыжих или всех людей в кафе. Но это потом. Ещё неплохо бы делать это силой мысли, а не как старая ворчливая бабка, шепчущая проклятья себе под нос.

Ох, сколько мне всего интересного предстоит сделать! Словно обрёл новый смысл жизни... Хотя, я и старый не терял.

— Максик! Пойдём уже?

Проверил свой резерв и кивнул. Да, можно идти.

Сели в большой автобус, десять минут езды — и мы дома. До обеда ещё уйма времени, да и перекусили в кафе. Чем бы мне тогда заняться? Хм... А Мирка вообще на работу собирается? Не то, чтобы она мне мешает, я даже рад, что смогу провести с ней весь день, поваляться на кровати, потыкать в планшет, послушать, как она зубрит какие-то свои то ли конспекты, то ли методички. Но как-то это непривычно.

Когда мы с ней вот так вместе проводили целый день? Погодите-ка... А ведь за целый месяц она ни разу не была дома днём. У неё что, нет выходных? Уходит в восемь, приходит тоже в восемь. Двенадцать часов! У них рабовладельческий строй в порядке вещей? Херня какая-то!

Звонок в дверь вывел меня из задумчивости, но я даже не стал вставать с шезлонга, расположенного на террасе. Это точно не ко мне.

Но через минуту звонкий голос Мирославки всё же потребовал моего присутствия:

— Максик! Простите... Макс! — позвала меня Мира. — Иди познакомься, это твоя учительница.

Я вышел с балкона и замер перед двумя симпатичными девушками. Нет, одну я уже знал и даже спал периодически с ней. Ну как периодически, постоянно. А вот вторая... Её я видел впервые. Погодите, Мира сказала «учительница»?

— Светлана Анатольевна. Твоя новая учительница, — подтвердила Мира мои мысли.

Ну не знаю. До Светланы Анатольевны, мне кажется, ей ещё жить и жить. Ей же лет двадцать пять от силы. Высокая стройная брюнетка в очках с полненькими губками, элегантно тонкой шеей, стройными ножками и с глубоким декольте на платье, в котором, к слову, ничего такого и не было. Хотя, может, она так платье подобрала. Но выглядела брюнетка, конечно, очень эффектно.

Светлана Анатольевна подошла ко мне, потянула свою руку и пожала мою.

— Очень приятно познакомиться, Максим, — по-деловому улыбнулась она и бросила Мире, не оборачиваясь и не отрывая от меня изучающего взгляда. — Я должна проверить знания

мальчика.

— Да, конечно. Не буду вам мешать. Я пока посижу на свежем воздухе, поработаю, — Мира подхватила с кровати свой планшет, ободряюще кивнула мне, показав сжатый кулачок, и убежала на террасу.

А мы остались наедине. Расположились за кухонным столом и принялись заниматься. Сначала были простые тесты, которые, к слову, учительница принесла с собой, а не рисовала на клочках бумаги как некоторые знакомые мне «специалисты». Затем пошли тесты сложнее: на память, на соображение, на воображение, на математический склад ума, на знание истории. В истории я плавал. Помнил немного, пришлось учить. Но запоминание давалось легко. Даты, события... Потом был тест по пройденному материалу. Не зря я поставил Узор Концентрации — он работал.

Через два часа в комнату незаметно проскользнула Мира, тихонько села на кровати и принялась наблюдать. Ждать ей пришлось недолго. Минут через пять Светлана Анатольевна встала из-за стола, соблазнительно потянулась, продемонстрировала мне свои стройные ножки ещё чуточку сильнее, и произнесла, явно обращаясь к хозяйке дома:

— На сегодня всё. Будем считать, тестирование подошло к концу.

— И как у нас... у вас дела? — подскочила Мира со своего места, облокотившись на барную стойку и поглядывая то на меня, то на Светлану.

— Всё хорошо, — улыбнулась моя новая учительница. — Макс очень способный. У него феноменальная память! Странно, но он определённо заткнёт за пояс многих моих учеников. Вы уверены, что он... необычный ребёнок?

— Да. Как раз тестирование в больнице проходили, — грустно вздохнула Мира.

— В больнице... Много они там понимают! — проворчала Светлана Анатольевна.

— То есть, вы берётесь? — с надеждой в голосе произнесла Мира.

— Да, конечно. Я буду приходить три раза в неделю на четыре часа. Мои расценки вы знаете. Первое занятие завтра в восемь.

— Спасибо большое, Светлана Анатольевна! — расцвела Мира. — Мы с Максом будем вас ждать!

— Тогда всего доброго, — девушка, вернее, моя учительница, встала, вильнула передо мной своей филейной частью и пошла в сторону выхода, гордо и величественно держа осанку и сексуально поваливая бёдрами.

А ведь хороша чертовка!

Не сказал бы, что Мира перед ней лебезила или расшаркивалась — она даже не пошла

провождать нашу гостью. Мирослава девчонка с характером, это я давно заметил. А это её проявление чувств и восторг — она действительно была счастлива, что меня взяли обучать на дому. Наверняка с этим здесь какие-то сложности.

— Нам очень повезло, Макс, — подтвердила мои догадки Мирославка, едва дверь за брюнеткой захлопнулась. — Светлана Анатольевна прекрасный педагог, а цены у неё как минимум в два раза ниже. Мне её коллега с работы порекомендовал.

У нас нет денег? У нас нет денег... Не сказал бы, что это для меня открытие, мы постоянно экономили. Кровать, например, до сих пор не купили и всё ещё ютились с Мирой на одной. Ютились — это, конечно, громко сказано, кровать была большая. Я спал на своей половине, Мира на своей, и мы с ней даже не пересекались. Где Мира выкроила деньги на обучение, интересно?

Школа была бесплатной, это я уже успел узнать, но по понятным причинам Мирослава меня туда не отдавала. А частные уроки стоили денег. Тогда откуда такая квартира? Социальная. Точно! Где-то в квитанциях я видел что-то похожее. Охереть!

Неспроста Мирка работает круглыми сутками. Бля! Нужно как-то помочь ей. Только как? Как может заработать шестилетний пацан? Скорее всего, никак. Может, мне тогда слиться в приют? Девчонке будет гораздо легче без меня, без обузы.

Нужно будет серьёзно поговорить с ней об этом. И не откладывать разговор в дальний ящик.

— Мир! Есть разговор, — вырвал я задумавшуюся девушку из её розовых мечтаний.

— Да, Максик? Ой, бля! Ты разговариваешь? — Мирослава смотрела на меня с открытым ртом и с большими округлившимися глазами.

— Люди склонны разговаривать, даже вороны и попугаи умеют говорить, — поморщился я.

— Я не об этом...

— Не знал, что ты ругаешься... — укоризненно взглянул я в глаза блондинки.

— Ой! — она покраснела. — Прости... А почему ты раньше молчал?

— Да нечего было сказать. Всё нормально, и смысла что-то говорить не было.

— Охренеть!

— Так! Прекращай уже! — добавил я в голос немного строгости. Получилось не очень. — И что тебя так удивляет?

— Да ничего, — Мира обошла барную стойку, отодвинула стул и села за кухонный стол напротив меня. — Кроме того, что тебе поставили диагноз «умственно отсталый», а ты тарыхтишь, как вполне нормальный, адекватный и, более того, взрослый разумный человек.

— Так. Давай сразу проясним. Я вполне нормальный и точно разумный.

— Прости, я не это хотела сказать.

— Ладно, проехали, — махнул я на неё рукой. — Мир, а у нас проблемы с деньгами?

— Ну как проблемы... — девушка слегка поморщилась. — Денег хватает.

— Ты постоянно работаешь. Так нельзя!

— Если я не буду работать, то тогда да — нам ни на что не хватит.

— Но если ты будешь постоянно работать, то нам не хватит тебя, — улыбнулся я ей.

— Угу. Сначала придётся отказаться от страховки. Или от частных уроков.

— Понятно, — проворчал я. Так просто её не переубедить, попробую зайти с другой стороны. — Мир, расскажи обо мне.

— О тебе? — удивилась девушка. — В каком смысле? Ты разве ничего не знаешь?

— Только недавно стал осознавать себя как личность, — легко соврал я. — Где-то месяц назад. Наверное, то падение что-то сдвинуло в моей голове. А всё что было раньше — как в тумане... Так что рассказывай всё с самого начала.

— Ну ладно, — она поёрзала на стуле и уселась удобнее. — С чего именно?

— Давай с родителей.

— Я... Я не знаю. С твоим отцом мы виделись только пару раз. Первый раз, когда сестра нас познакомила, второй уже на их свадьбе. И тебя тоже видела ровно столько же. А о твоей матери... Она умерла, когда тебе был годик.

— Хм... Значит, я сирота.

— Нет, конечно, — возмутилась Мирослава. — У тебя есть я!

— Да, точно. Прости!

— Да ничего, — Мира улыбнулась, протянула руку и потрепала мою шевелюру. — Ты такой забавный, когда говоришь. Совсем как взрослый!

Я тяжело вздохнул, дожидаясь, пока девушка наиграется с моей головой.

— Чем занимался отец?

— У него был какой-то семейный бизнес. Я не знаю, прости. Никогда этим не интересовалась.

— А твоя сестра? Какая она была?

— Хорошая... — Мира тяжело вздохнула. — Настя была доброй, светлой, отзывчивой. Строгой, конечно. Но очень хорошей. Она тебя очень любила, постоянно про тебя рассказывала.

— Как они погибли?

— Автомобильная авария. Криминалисты, проводившие следствие, сказали, что им очень не повезло. Там лужа была на дороге, всего одна лужа и прямо на повороте. И эта лужа замерзла за ночь, хотя на улице было +3. Сильно не повезло, — вздохнула Мира. — Несчастный случай... Ты разве не помнишь? Ты тогда был с ними в машине. Тебя выкинуло от удара в дерево и ты выжил, а они... они улетели в пропасть.

— Не помню... — но догадываюсь, что случилось. — Наследство? — я побарабанил пальцами по столу, но вовремя спохватился и перестал. Такой жест для ребёнка совсем не характерный. — Разве мне ничего не осталось?

— Ничего, всё отошло Илье, твоему дяде, младшему брату твоего отца. Полиция даже его подозревала сначала, но там чистый несчастный случай.

Да уж. Я даже догадываюсь, кто виновник. Наверняка бывшего владельца этого тела чем-то разозлили родители, и он пожелал им сдохнуть или обиделся на них. Дети они такие. А там уже сработал Дар мальчика. Очень опасный Дар.

— У тебя только мизерная пенсия и осталась, — донёсся до меня голос Миры.

— Пенсия?

— По инвалидности.

— И много?

— Ну... — Мирослава пожала плечами. — Смотря с чем сравнивать.

— С твоей зарплатой, например?

— Я получаю 300 рублей. Чистыми — без налогов и выплат по страховке. Твоя пенсия 48 рублей.

Да уж... Не густо... И как мы живём на эти деньги?

— Мир, а сколько стоят услуги училки?

— Десять рублей за урок.

Я чуть не выругался вслух. Это же почти половина зарплаты Мирославы выходит. Охренеть!

— Я получаю 48 рублей в месяц, а она 120 за одного ученика, — задумчиво проговорил я.

Теперь понятна её надменность и высокомерность. Хотя, больше четырёх учеников в месяц она всё равно не потянет, но и это почти в два раза больше выходит, чем получает Мира, работая без выходных.

— Чтобы получать не 48 рублей, а больше, нужно сдать школьные экзамены за первый класс. Тогда ты получишь стипендию.

— А я разве не в школе учился? Ну, до того случая с падением.

— Нет. То есть, да... Это была необычная школа, для особенных детей, как ты.

— Дебилов?

— Ну зачем так грубо?

— Просто уточнил и назвал всё своими именами.

— Тогда да. И там никакие стипендии не платят.

— А в обычной школе много платят?

— Зависит от того, как ты сдашь экзамены. Если хорошо будешь учиться, то чуть меньше минимальной зарплаты. Но это хорошие деньги! — тут же высказала Мира, увидев скептицизм на моём лице.

— И ты сможешь тогда меньше работать?

— Да, наверное, — она нахмурилась. — Ты хочешь пойти в школу?

— А какие ещё есть варианты? Я не могу работать на нормальной работе.

— Да не нужно тебе работать, я же нас прекрасно обеспечиваю!

— Мир...

— Хорошо, — сдалась блондинка, — давай так. Ты позанимайся со Светланой Анатольевной месяцок, потом сдашь вступительные экзамены онлайн. Твои знания оценят, определят, для какого класса ты подойдешь, и там будет видно. Кстати, если сдашь экзамен за второй класс сразу, тебе пересчитают стипендию и выплатят наперёд.

— Выдадут сразу и целиком? — обрадовался я. — Это же как минимум тысяча!

— Ну, не целиком... Там идёт пересчёт по коэффициенту Севастьянова, плюс налоги, плюс страховые отчисления. Но да, сразу. И сумма будет нормальная. Не тысяча, около пятисот. Но тоже неплохо, плюс пойдут ежемесячные выплаты.

— Хм... А если за три класса сразу сдам экзамены?

— За три? Ты хоть за первый сдай, чудо!

— Я постараюсь, Мир. Я очень постараюсь...

Глава 5

«Идиот... — раздался безэмоциональный шепот в моей голове. — Зачем...»

— Что «зачем»?

«Зачем ты это сделал, идиот...»

— Сделал что? Ты можешь выражаться яснее?

«Мне тяжело с тобой общаться...» — голос тяжело вздохнул.

— Почему? Эй! Ответь! Ты куда исчез?

Херовый сон! Непонятный. Я мотнул головой, отгоняя его от себя, и потянулся на кровати. Сегодня у нас суббота, а значит, Светлана Анатольевна не придёт. Ну и хорошо. За последний месяц она меня просто задолбала! Нудит, учит, снова нудит, умничает. Наверное, все учителя такие. Не знаю.

— Готовься, Макс! В понедельник у тебя экзамены, — лекторским тоном высказывала она мне. — И если ты замахнулся на сдачу экзаменов сразу за пятый класс, ты должен быть готовым, что задачи и вопросы там могут быть с подвохом!

Пятый класс. Это даже не смешно! За пятый класс я сдам с закрытыми глазами. Парочку ошибок допущу, для вида, но на этом всё. Мог сдать и за восьмой, или девятый... Не уверен, конечно, насчёт девятого, тут у них какая-то странная система обучения. Здесь всего девять классов, а потом уже вышка. Но за восемь классов точно смогу. Прочитаю несколько книг по литературе, истории и религии — то, о чём моя память не хранит информации, и без проблем сдам. Но это чуть позже. Не хочу привлекать к себе лишнее внимание. Для начала пяти будет достаточно.

Хотя, Светлана мне действительно сильно помогала. Без неё я бы точно не рискнул идти на экзамен так скоро. Здешние дети учат такое, о чём я даже не догадывался. Пришлось навёрстывать.

Мира снова убежала на работу раньше, чем я проснулся. Ну ничего, потерпи немного. Через пару дней я сдам эти сраные экзамены и заставлю её немного сбавить обороты. От работы кони дохнут, а она возомнила себя бессмертным пони? Дурочка!

На сегодня у меня никаких планов. Буду целый день валяться, даже из квартиры не выйду. Ладно, валяться не буду. Нужно прибраться в доме, навести порядок. Обещал Мире

постирать, починить трубу в ванной, чтобы не тратиться на мастера, и пересадить её любимые цветы на террасе. Ну да, я же мужик в доме — это всё на мне.

Выпрыгнул из кровати, сделал зарядку, принял душ и приготовил завтрак. Завернул гренки в пакет и налил в термос кофе, пока не видит Мира, она почему-то запрещает мне пить кофе, да ещё и в таком количестве. Вышел из квартиры, дождался лифта, нажал кнопку «50» и поехал наверх.

Крыша... Крыша мира... Здесь мне думается легко. А ещё здесь такой вид — дух захватывает! Особенно, если сидеть на самом краю без страховки, жевать бутерброд и запивать горячим чаем или кофе. Я всегда прихожу сюда завтракать, когда мы не завтракаем вместе с Мирой.

Дошел до своего места, разложился и свесил ноги в пропасть. Город как на ладони.

— Э, малой! Ты что тут делаешь? Детям сюда нельзя!

Чужой голос заставил меня вздрогнуть. Что-то в последнее время из-за всех этих несчастий я стал немного пугливым. Нервы, наверное.

— Да? А ты тогда что тут делаешь? — резонно заметил я, обернувшись через плечо.

— О! Ты разговариваешь? — удивилась девушка.

— О! И ты тоже? Я думал, ты только глазками блымаешь и жопой крутишь! Видел тебя пару раз во дворе, так ничем другим ты там не занималась.

— Хм... Остренький язычок — буду тебя так называть. Я Оля с 35-го, квартира «356». И я никогда не строила глазки парням во дворе, — фыркнула девушка.

— Я Макс. С 25-го, квартира «256». И я никогда не ел устриц... Прости, я думал, мы играем в игру «Я никогда не...», — ответил я на нахмуренное выражение лица Оли с 35-го.

Открыл крышку термоса, налил кофе в стаканчик, развернулся лицом к девушке и принялся беззастенчиво разглядывать её с ног до головы. Симпатичная. Лет восемнадцать-девятнадцать, со смешными старинными наушниками на голове. Наверняка любительница громкой музыки, тусовок и ночных клубов. С такой-то фигуркой! Стройная, высокая, в коротких шортах и синем спортивном топике, и с точно такими же синими волосами под цвет одежды. Красотка! Староватая для меня, но я люблю женщин постарше... Наверное. По крайней мере, Оля мне понравилась сразу.

— Эй! Ты бы поаккуратнее там ёрзал, — вывел меня из задумчивости голос моей новой знакомой, — у тебя прямо за спиной 150 метров пустоты, лететь долго.

— Примерно пять секунд.

— Хм... С 256-ой, говоришь. Так ты подо мной живёшь, умник? Что-то я тебя не видела

раньше. А ты не Миркин племянник, случайно?

— Он самый, — кивнул я и принялся за кофе.

— Я думала, он, вернее, ты поменьше, — она нахмурилась. — И не такой болтливый.

— Дети растут, — пожал я плечами. — Странно, что ты не знала об этом.

— Ладно, мелкий. Я уже поняла, что ты остроумный, можешь дальше не демонстрировать это, — Ольга подошла ко мне, нагло подвинула округлившейся по-женски пятой точкой и села рядом, осторожно посмотрев вниз. — А Мира знает, что ты по крышам ошиваешься?

— Вряд ли...

— Это, кстати, моё место, — улыbnулась мне Оля. — Я здесь всегда зависаю, когда нужно подумать. — Девушка немного взгрустнула.

— Да? Не видел тебя здесь раньше.

Мы просидели на крыше часа два. Общались, шутили, смеялись. Я даже угостил её кофе и отдал половину своего завтрака. Олька оказалась неплохой девчонкой: умной, начитанной, эрудированной, разбирающейся в музыке и машинах, в моде и криминалистике, в платьях и телепортационных Арках. Странное сочетание, не спорю.

А я ведь думал, когда несколько раз видел её во дворе, общающуюся с липнущими к ней парнями, что она просто гламурная симпатичная дурочка — я не врал об этом.

Олька... Странно, но в ней тоже есть Сила. Она Одаренная? Интересно, девушка сама знает об этом? Тоненький ручеек белой Силы струился и перетекал по всему её телу. Первый человек с Силой, которого я встретил. Значит, я не один такой.

Вот так у меня появилась подруга. Соседская девчонка, которая относилась ко мне как к младшему братишке. Наши с ней встречи на крыше стали регулярными, почти каждый день. Я приносил термос с чаем или кофе, Оля делилась чем-то из еды. Хотя, едой это назвать сложно — обычно это были овощи или фрукты, или какая-то невкусная хреновина, спрессованная из орехов, сухофруктов и зерна... Ладно, может, я просто не распробовал, не важно.

Через день мы делали с ней утреннюю разминку, или я наблюдал за её тренировками. Она приносила коврик, садилась на него и начинала с короткой медитации. Интересно, но в этот момент резерв её Силы всегда немного возрастал. Нужно взять это на заметку.

Девушка прекрасно владела своим телом. Растяжка, сальто, прыжки. Да она даже отжаться могла больше меня в два раза. Нужно будет уделить этому внимание, а то немного стыдно перед собой. А что она вытворяла на турнике, когда мы спускались во двор на спортплощадку! Местные парни, пришедшие позаниматься с утра пораньше так же, как и мы, глазели на Ольгу с открытыми от удивления ртами и немного с завистью.

С Олькой мы вместе тусовались, ходили в парк и по магазинам. Друзей у девушки было мало, всё свободное время она посвящала учёбе. Мальчиков недолюбливала, и парня у неё не было, как ни странно.

— Вот подрастёшь, женюсь на тебе, — обещала она с улыбкой. — А больше мне никто не нужен.

— Выйду замуж, — поправлял я её постоянно и злился, чем только потакал ей ещё больше.

Странная она, хоть и очень симпатичная.

Жила Оля с мамой и отчимом. С матерью девушка не очень ладила, а с отчимом и подавно. И не могла дождаться следующей весны, когда придёт время поступать в Сыскную Академию на следователя, где когда-то учится и её погибший отец.

Отец Ольки был потомственным следователем в пятом или десятом колене, и Оля не собиралась отступать от семейной традиции. Это отчасти объясняло и её физическую подготовку, и знания в криминалистике. Я же говорю, странная она.

В один прекрасный день, когда Мира работала допоздна, переделывая какие-то отчёты за месяц, Олька затащила меня в ночной клуб по соседству и даже приглядывала за мной, чтобы я чего не натворил. Хотя, это было спорно. Мне кажется, я приглядывал за ней на порядок больше.

— Клуб «Ящерица» — клуб для мажоров! — объявила Ольга, когда собирались потащить меня туда в первый раз. — Сегодня мы идём с тобой туда.

— Со мной? — удивился я.

— Ну да! Нужно приобщать тебя ко взрослой жизни.

— Да уж, спасибо!

— Не за что!

— Ключевое слово «для мажоров», — заметил я. — Он мне не по карману, Оль.

— Я знаю охранника, мы вместе учились и он в меня влюблен. Он нас пропустит, не сс... не бойсь!

— И что там делать?

— Как что? Напиваться на халяву и тусить!

Напиваться и тусить. И что мне там делать тогда?

— Это мой младший братишка, — промурлыкала Оля, хлопая длинными ресничками

здоровому охраннику, стоящему на входе в клуб.

Перед нами распахнулись двери, и мы окунулись в атмосферу храма порока и разврата. Хер знает, как туда пропустили шестилетнего пацана. Хотя, выглядел я лет на десять, а не шесть, но это суть не сильно меняло. Может, в современном обществе это допустимо, не знаю. Но других малолеток я там всё равно не видел.

В клуб Олька одевалась совсем по-другому: вызывающе, ярко, дерзко, в кожу и обвешиваясь цепями. Мы знакомились с людьми, танцевали, занимали вип-ложу, если она была не занята. Нас угощали, особенно меня. Молочные коктейли, напитки, мороженое, шоколад.

— Какой милый мальчишка!

— Ой, а кто тут у нас?

— Малыш, иди к тёте на коленки, я куплю тебе мороженое.

Девчонки любят малышей, даже таких, слегка подросших. Девушки вились вокруг меня толпами, а Олька легко заводила новые знакомства и вливалась со мной в чью-то компанию. Я был прям магнит для девчонок.

А! Теперь всё понятно, всё стало на свои места. Ну и ладно, я на неё не в обиде. Я получал бесценный опыт и информацию о мире, ну и немного баловал организм сладеньким. С требованиями этого тела приходилось мириться и позволять ему иногда сожрать что-то простое, приторно-сладкое и до ужаса вредное.

Иногда, Оля тусила у бара. Я замечал — чаще всего это бывало, когда у неё в семье назревали какие-то напряги. В эти дни она была не особо разговорчивой. Молчаливой, задумчивой, грустной и чуточку раздражённой.

Было немного обидно. Олька закидывала в себя шот за шотом, и я смотрел, как она напивается и косеет, и как с каждым шотом количество ухажёров вокруг красотки увеличивается и увеличивается.

«Чтоб тебя алкашка не брала! Чтоб ты пила и не пьянела! Чтобы весь выпитый алкоголь был выпит впустую и не принёс тебе облегчения!»

Наверное, это моё самое безобидное проклятье. Девушка через несколько секунд обвела трезвым взглядом толпящихся вокруг неё парней, разогнала их и заказала у бармена сразу тройную порцию. Ну-ну, хоть десятерную.

В этот день веселье я ей подпортил, как и в следующий и потом ещё несколько дней подряд. Сильное проклятье оказалось, как минимум, на неделю. А через неделю я всё повторил, вернее, обновил его. Это оказалось несложно. Вот только в следующий раз оно не сработало, и это было странно. Я прекрасно чувствовал, как часть моей Силы утекла, а значит, проклятие нашло цель. Но почему девушка еле держалась на ногах?

Словно отвечая на мой вопрос, две пары сильных мужских рук подхватили Ольку и потащили в сторону мужского туалета. Понятно... Проклятье, сука!

Я отставил свой молочный коктейль в сторону, вылез из-за стола и направился за этой троицей.

— Ну что? Теперь ты нас не продинамишь, сука! — донёлся грубый мужской голос из дальней кабинки.

— Ты нормально ей подсыпал, Дим?

— Нормально! Лошадиную дозу.

— Не перебор?

— Такой кобылке... Точно нет.

Помешать? Позвать помощь? Ворваться и кинуться с детскими кулачками на здоровых мужиков? Да меня выкинут за дверь клуба и больше не пустят, ещё и подзатыльников отсыпят на сдачу. В лучшем случае...

Пырнуть бы их в печёночку, или по яйцам, но ничего колюще-режущего под рукой у меня не было. Кстати, пора начинать таскать. Чувствую, общаясь с Олькой, с любительницей искать приключения на свою симпатичную задницу, мне это понадобится и не раз. Нужно будет прошвырнуться по оружейным магазинам. Но сейчас не об этом.

Я распахнул незапертую дверь кабинки и растерянно уставился на двух мужиков. Один из них упорно и настойчиво пытался стащить, не желавшие так просто сдаваться, кожаные чёрные штаны с Ольки, а второй бережно придерживал потерявшую связь с реальностью девушку подмышки. Какой заботливый, тварь!

— Бля! Сюда уже детей пускают! Куда катится мир, — проворчал «заботливый», с толстой бычьей шеей, достаточно крупный мужик. С таким мне точно не справиться ни в каком раскладе.

— Извините, дядь. Не знал, что тут занято, — дрогнувшим голосом проблеял я.

— Иди, иди, малой. Видишь, тут девушке плохо.

— Сдрисни, пацан! — нетерпеливо прорычал напарник «бычка».

Я растерянно прикрыл дверь и пробормотал:

«Чтоб вы стали приверженцами голубой любви так же сильно, как сейчас хотите трахнуть девчонку!»

А потом просто облокотился о раковину и принялся ждать. Не прошло и минуты. Видимо,

Ольку эта парочка хотела очень сильно. Парнишки выставили девушку за двери и, загадочно переглянувшись, снова исчезли в кабинке, а через несколько секунд оттуда послышались звуки возни, сопения и почавкивания. Сука! Да как так можно-то?! Ладно, хер с ними — они это заслужили.

Оля растерянно подошла к стене, облокотилась спиной, закатив глаза, и сползла на пол, тяжело уронив голову между своих коленок. Зрелище не для слабонервных. Противное. Словно девушка обдолбалась или нажралась как свинья. Скоты!

«Что бы вы до утра там жарились!»

Не знаю, работает последнее или нет, на проклятие это слабо походило, а больше на пожелание. Но остаток Силы благополучно покинул меня и растворился в воздухе. Да, Силы я вбухал в это всё немерено, опустошив весь свой резерв от злости и бессилия в ноль. Первый раз такое со мной.

Я поднял подружку с пола, поднырнул под её руку и повёл в зал. С опустошённым резервом мне далеко не уйти, по крайней мере, не без приключений для моей тушки, а с Олькой в компании тем более. Себя угроблю и её заодно. Сраное проклятье! Придётся отсиживаться.

Почти без проблем (лопнувшая над головой лампочка и стрельнувшая мне в глаз пробка от шампанского не в счёт), дотащил Ольку до нашего столика, уложил её на диван и принялся выжидать. Ждать пришлось почти два часа, Сила восстанавливалась медленно, по капельке, а время всё тянулось и тянулось.

Домой в этот день я вернулся в два часа ночи, получил выговор от Миры, удивлённо таращащейся на Ольку в моих руках, и затащил свою подругу к нам в квартиру с помощью всё той же Миры, не перестававшей ни на миг шипеть на меня.

Да, притащил! А куда ещё я мог сдать её в таком состоянии? Родителям, чтобы они её прибили? Пусть лучше у нас переночует, а утром отбредется, скажет, что гостила у подруги.

— Максик, ты такой милый, хороший. Настоящий мур... мур... муржчина! — признавалась мне Оля, лежавшая рядом со мной на кровати и свернувшаяся клубочком. — Был бы ты постарше, я бы тебе дала... дала...

— Ш-ш-ш... — возмущенно зашипела не ожидавшая таких откровений Мира.

— Я бы тебе отдала свою руку и сердце, — сумела, наконец, сформулировать свою мысль девушка, — и вышла за тебя замуж... Ты такой милый и заботливый...

— Бедная девочка! — сжалившись, прошептала лежащая на одной кровати с нами Мирослава, и добавила строго. — Макс! Тебе ещё рановато таскать пьяных баб домой!

— Я знаю, Мир, — покорно согласился я. — Это последний раз, обещаю.

— Ох! Как мне херово... Буэ-э-э...

Ночка выдалась весёлой. А на утро девушки выглядели так, как будто ничего и не было. Особенно Оля. Я на секунду даже подумал, что всё ещё сплю...

Вот как это у них получается? Свеженькие, чистенькие, улыбчивые. Проснулись раньше, приготовили завтрак и стали стаскивать меня с кровати за обе ноги. Что значит молодой организм. А мне бы ещё пару часиков поспать.

Имелись и положительные стороны у всей этой ситуации — Олька перестала шляться по ночным клубам, взялась за ум и стала навещать в городскую библиотеку. Надеюсь, это не модное название какого-то бара в центре, а то я уже встречал что-то похожее. «Объект», который был совсем не объектом, «Переговорная», которая не была переговорной, и «Компромисс». Очень удобно, кстати.

— Ты где шлялся целый день? — начнёт докапываться начальник или жена.

— И не спрашивай! Сначала мы были на «Объекте», потом засели с парнями в «Переговорной».

— Ну и чем всё закончилось?

— Закончилось всё «Компромиссом».

Так что бар с названием «КГБ» или «Круглосуточная Городская Библиотека» меня совсем не удивит.

С тех пор прошло уже целых две недели. Две недели как Олька взялась за ум. Я сидел на краю крыши, допивал чай из термоса и уже собирался идти на занятия со Светланой Анатольевной, как двери, ведущие на крышу, широко распахнулись, и в них ворвалась Ольга, таща за руку рыжую подругу.

Они вломились, тяжело дыша, словно мчались сюда двадцать пять этажей, привалились спиной к двери на крышу и по-дурацки захихикали. Обе какие-то странные: красные, перепуганные, взъерошенные, но довольные и весёлые.

— Что за тётка? — скептически осмотрел я незнакомку лет восемнадцати на вид. — Я её никогда раньше здесь не видел.

— Моя подруга, — неопределённо ответила Олька.

— Почему я о ней не знаю?

— Пф-ф-ф! — фыркнула незнакомка.

— Мы недавно с ней познакомились, — ответила Оля и добавила, — в городской библиотеке.

— Говори уже правду! — рассмеялась рыжая. — В туалете библиотеки. Я туда вовсе не за

книгами приходила.

— И что у вас случилось, — не слезал я с девчонок, стоя у них на пути и не пропуская на свою крышу.

— Отчим вернулся не вовремя, — весело смеясь и тяжело дыша, принялась рассказывать Оля, — а мы с Нинкой как раз занимались.

Нинка ткнула Ольку локтем в бок, и та моментально примолкла.

— Чем вы занимались? — подозрительно поинтересовался я, с прищуром глядя на ультракороткую юбку незнакомой мне Нинки, её растрёпанный вид и распухшие алые губки.

Ольга опустила глаза в пол и покраснела.

— Вот чем! — Нина вытащила руку из-за спины и продемонстрировала мне почти скуренный до основания бычок самодельной сигареты.

Теперь понятно, почему у них глазки блестят и бегают в разные стороны.

— А вообще, ты слишком мал для того, чтобы знать об этом! — фыркнула рыжая Нинка.

Нинку я невлюбил сразу и мне пришлось терпеть её в нашей компании целую неделю. Самая хреновая неделя в моей жизни. Не знаю почему. Они заняли место на моей крыше и вечно шептались и хихикали о чём-то своём. Мне это не нравилось. Особенно то, как Нинка смотрела на Олю. Хотел проклясть её, но не стал. Это как-то по-детски, словно я маленький обиженный ребёнок. Я отстранился от этих двоих и демонстративно перебрался на другой конец крыши, места здесь хватало.

А через неделю Оля пришла на наше место сама. Подсела ко мне, как в наш первый раз, положила голову на плечо и взяла под руку.

— Прости, Макс. Я больше так не буду... Что-то немного не туда меня занесло.

— Проехали, — чересчур легко простил я её.

— Мы с Нинкой расстались. Я с ней порвала.

— В смысле «расстались»? — не понял я. — Поссорились? Не дружите больше?

— Ну, можно сказать и так, — загадочно вздохнула Оля. — Больше не дружим.

— Что случилось?

— Она над тобой посмеивалась. От кого-то узнала, что ты раньше был... болел. Не люблю, когда за спиной человека говорят о нём гадости и смеются.

— И хорошо, что расстались. Она мне сразу не понравилась. Стерва твоя Нинка. И дура, каких поискать. И это не гадости, а правда.

— Я знаю, — вздохнула Оля, — но хорошенькая стерва.

— Но дура! Озабоченная дура, — уточнил я. — Вечно у неё в голове один секс и все разговоры только о сексе. Она о чём-то другом вообще говорила за эту неделю? — всерьёз задумался я. — Только языком и молола.

— Да... Языком работать она умеет, — согласилась Оля, и на этой ноте мы закрыли все наши разговоры о Нинке.

Глава 6

Экзамены я сдал сразу за пять классов, не стал мелочиться и теперь усиленно готовился сдать ещё за три года. Не сразу, думаю, месяца за три я подтяну все знания и тогда буду готов. Кстати, это очень удобно. Не пришлось никуда ходить, ничего оформлять, ничего выдумывать.

Внесли вступительный взнос в присутствии моего преподавателя, которым являлась Светлана Анатольевна, инициировались в системе ИмперМинпросвящения, подтвердили данные экзаменуемого, то есть меня, и приступили к экзаменам.

Пять часов тестов, пять минут ожидания результатов и всё! Я получил диплом об окончании пятилетней школы и статус гражданина Империи с правом голоса. Что даёт это право голоса, я разберусь потом, не для этого я всё затевал. И даже не ради поцелуя в щёку от счастливой преподавательницы, которая гордилась своим учеником. Кажется, Светлана радовалась даже сильнее меня. Если честно, я вообще впервые видел её счастливой, а не суровой и строгой.

Мне выплатили стипендию за все пять пройденных лет учёбы, целых 2200 рублей. Это ни много, ни мало — полугодовая зарплата Мирославы. Вот ради чего была вся затея. Да, ради денег, как бы банально и корыстно это ни звучало.

С первых, честно добытых мною денег, заработанных собственным умом, я собирался приобрести себе, наконец, отдельную кровать. Иногда было неловко спать со взрослой, и по факту, чужой мне взрослой девушкой. Она мне не сестра и не мать. Хотя, спать мальчику с матерью и сестрой было бы не менее неловко. А Мира, к слову, мне в чём-то даже роднее. В общем, всё это неловко, непонятно и нелогично. Логично же — что мне нужна отдельная кровать. И логично разменять кровать Мирославы на две маленькие, полуторки? Логично же?

— Не логично! — сказала, как отрезала, Мира и фыркнула на меня, словно сердитая кошка.

От этого размена Мирка наотрез отказалась, ей нравилась её большая постель, и менять её она не собиралась. А ставить ещё одну кровать в комнате попросту некуда. Если только не

заняться перепланировкой, придумать какие-то выдвижные-задвижные системы. Но мы же все помним ответ Миры на это, да? Да. Я мог спать и на террасе, можно поставить кровать там, но Мире эта затея не нравилась.

— Что ты будешь делать во время ветра и дождя? А зимой? — выгнув бровки домиком, спрашивала меня девушка.

Это логично. Тогда на кухне, там как раз место метр на два. Можно купить раскладушку... Которую снова негде хранить во время простоя, если только не переть её на террасу.

— Нечего захламлять террасу!

Логично, снова.

В общем, мы всё ещё раздумывали над этой проблемой. А пока раздумывали, нашли моим деньгам другое применение. Оплатили сразу за полгода вперёд услуги Светланы Анатольевны, получив солидную скидку за оплату вперёд, сходили по магазинам и прикупили мне и Мире новой одежды. Да, я снова вытянулся сантиметров на десять. На десять сантиметров ближе к старости или к возмужанию, непонятно. Такими темпами я даже не знаю, каким буду через год. Надеюсь, не старым семидесятилетним пердуном.

— Ладно. Но мы можем сменить квартиру. Чем не вариант? — выдал я очередной неплохой, по моему мнению, план решения нашей спальной проблемы, сидя на кухне за чашкой чая с Мирой. — Тем более далеко ходить не нужно — в нашем же комплексе можно снять вполне приличную квартиру с двумя комнатами.

— Угу! — фыркнула Мира на моё предложение. — И лишиться социальной квартиры? Ты думай, что предлагаешь.

— А что не так?

— Сейчас нам оплачивает квартиру Имперская казна, а если мы захотим улучшить жилищные условия, то только за свой счёт. Ты смотрел, сколько стоят квартиры?

— Смотрел, — нехотя согласился я. — Сотня — за такую, как наша, и полторы — за квартиру с двумя спальнями.

— Ну вот. Я точно не потяну это. А у тебя денег осталось.

— Хватит оплатить первые полгода, — подсказал я.

— Вот! А дальше что? Не спеши расставаться с деньгами, Макс. И заметь, если что-то пойдёт не так, вернуть социальную квартиру будет ой как не просто. Скорее, даже невозможно.

— Можем держать её, как будто мы в ней живём.

— Эх, Максик! Ты ещё столько всего не знаешь. А прописка, а данные в сети, а квитанции? Кто нам даст держать за собой социалку, когда на нас будет числиться ещё одно жильё? Никто.

Так что пока вопрос с переездом или хотя бы второй кроватью был в подвешенном состоянии. Зато у Миры появились выходные, как у всех нормальных людей — суббота и воскресенье. А в пятницу короткий день, хотя, работу на дом она не переставала таскать. Но это уже хоть что-то, хоть какой-то прогресс.

На первых же нормальных и полноценных выходных Миры мы пригласили Ольку, собрали небольшой продуктовый набор и поехали гулять в город. Не просто гулять, Мира решила потащить нас в Имперский Летний Дворец — огромный старинный замок с тысячелетней историей.

Итак, немного истории. Четверть века назад этот дворец по кирпичикам перетащили из Шотландии в знак какой-то там дружбы и уважения, и собрали прямо в городском парке. А называли его так, так как надеялись, что он станет излюбленным местом отдыха нашего Императора. Не стал, к сожалению. За последние десять лет Император бывал в нём лишь один или два раза. Однако от этого менее древним и красивым Дворец не стал, и сюда повалили толпы туристов. Он стал городской достопримечательностью, что тоже неплохо. Живописный, красивый, величественный замок.

Почему я о нём решил вспомнить? Да потому, что я его проклял. Да, проклял целый замок. Огромный, неживой, древний дворец. Не спрашивайте, как это вышло... Если вкратце, то это связано с Мирой, со сраными старинным ступеньками, с плохим освещением в самом замке и сраном гиде, который не может нормально и, главное, безопасно водить людей. Ну и ещё это связано с разбитыми в кровь коленками Миры.

А! Ну и ещё со зло брошенной фразой одним шестилетним пацаном:

«Да чтоб ваш сраный замок не простоял больше ни единого дня на этом месте!»

А в остальном, всё прошло хорошо. После экскурсии мы расстелили большой коврик за воротами замка и устроили пикник на его фоне. Было весело. Я, Мира, Оля... У нас получилась довольно дружная и симпатичная семья.

А! Ну и ещё одна бабка попала под мою горячую руку. А нечего было плевать в нашу сторону и шипеть: «Срамота! Бесстыдники! Праституту...»! Про последнее я вообще молчу. При чём здесь это? Мы вообще ничего плохого не делали. Ну дурачились, ну тискались, ну бегали друг за другом, несмотря на побитые коленки Миры. Ну что такого? Мелкий пацан и две красивые девушки. Чем нам ещё заниматься на природе? О чём там подумала старая карга? В чем срамота? Да иди ты бабка в жо...

Ну умудрился я незаметно расстегнуть и стянуть с Миры бюстгальтер, а потом бегал и махал им как знаменем, пока меня не поймали девчонки. Я бы и с Ольки стянул, но та, видимо, предусмотрела это, и бюстгальтер не надела. Ну и что здесь такого? Я молодой пацан, у

меня в голове ветер и такие дурацкие шутки на грани фола.

Почему нет? В таком возрасте я могу себе многое позволить, и никто меня не осудит. Когда ещё я смогу это сделать, чтобы меня не назвали извращенцем, не побили за это, а только смеялись и умилялись: «Ох и шалун!», «Ох и додумался же ты до такого!», «Настоящий мужик растёт!». В такие моменты даже радуюсь, что попал в тело ребёнка. Мне многое сходит с рук.

И это... Прости меня, если что, бабка. Возможно, я немного переборщил. Я не со зла. Дар у меня такой. Или не Дар а Проклятье, сука.

В общем, на следующий день во всех новостях сообщили, что Имперского Летнего Дворца больше не существует. Какая-то необычная сейсмическая активность в том районе, где, как ни странно, никогда не наблюдалось никакой активности.

Ой, я вообще считаю, что ничего страшного не произошло! Его же уже собирали по кирпичику — соберут ещё раз, делов-то. Как я и сказал, те выходные прошли интересно и весело.

А на следующих выходных, ровно через неделю, день как-то не заладился с самого утра. Я сразу понял, что будет какое-то говно. Мира необычайно радостно пела песенки себе под нос, хлопотала по дому, убирала, пекла печенье и прихорашивалась. Мне это не нравилось. Очень не нравилось!

Я всё следил за ней исподтишка и не мог понять, что она замышляет. То она порхала от стола к печке, то бегала в ванную, то на террасу, то у неё всё валялось из рук, но она этого даже не замечала. Мне такая Мира не нравилась. Ладно, скажу прямо — мне не нравилось, что она не обращала на меня внимания. Во мне говорил маленький капризный ребёнок, наверное. По-другому я это объяснить не мог. Или я просто жопой предчувствовал неприятности. Не знаю.

Звонок в дверь ровно в полдень расставил все точки по местам. У нас гости и не простые. Не зря Мира начинала волноваться именно ближе к двенадцати. А сейчас даже подпрыгнула от испуга и растерянно взглянула на часы. Затем выдохнула, резко успокоилась, улыбнулась мне и пошла открывать двери.

— Макс! Это Николай, с моей работы. Он мой новый начальник. Помнишь, малыш, я рассказывала тебе о нем? — представила Мира мне модного молодого мужчину в дорогом элегантном светлом костюме-тройке.

— Добрый день, Максим! — официально поприветствовал он меня, потянул руку и по-мужски пожал мою. — Ого! Какое сильное рукопожатие! Да ты силач!

Начал с лести. Он мне уже не нравился.

— Мирочка! Ты выглядишь просто бесподобно! Это тебе! — он протянул девушке букет

цветов, бутылку вина и коробку конфет.

Ладно. Здесь он не соврал. Мира выглядела сногшибательно! Короткая юбочка, оголяющая стройные ножки, тоненькая тесная маечка и... и всё. Этого было достаточно, чтобы свести с ума любого половозрелого самца.

— Мужчины! Идите на террасу, я сейчас к вам выйду.

— Пошли, малой, — хлопнул меня по плечу наш гость. — Покажешь, как тут у вас всё устроено.

Что «всё»? Терраса? Ну, по ней нужно ходить ногами. А жопу можно примостить на шезлонг. Это не сложно, думаю, ты и сам разберёшься.

— О! Да у вас тут настоящее пати! — восхищённо воскликнул Николай. — Кресла, столик с напитками, а вид какой! — он плюхнулся в шезлонг и закинул ногу за ногу.

О! Я же говорил, разберёшься.

— Падай рядом, малой. Не стесняйся! Мы с тобой обязательно поладим.

Мы с ним определённо не поладим.

Я уселся на соседний лежак и приготовился слушать его болтовню. Уверен, такой самодовольный индюк молчать не станет.

— Ну что, малой, сегодня я твою тётушку отжарю! Будь спокоен. Такая цыпочка, — он мечтательно закатил глаза под лоб, — по её заднице половина нашего офиса с ума сходит! А оно видишь, как обернулось, досталось всё мне.

Это вряд ли.

Через минуту из дверей появилась Мира с подносом. Расставила чашки, разлила чай и поставила корзинку с шоколадом и печеньем на столик. Заняла третий шезлонг рядом с Николаем, откинулась на нём и застенчиво, словно сопливая девчонка, поинтересовалась:

— Ну как вам у нас, Николай?

— Мне всё нравится, пока. Думаю, дальше понравится ещё сильнее. Да, Макс? — подмигнул мне и ослепительно улыбнулся Мире, заставив меня непроизвольно скрипнуть зубами.

Мы сидели на террасе целый час, пили чай и мило общались. Вернее, общались только эти двое, я отмалчивался и немного злился. От того, как «поплыла» Мира, как она застенчиво краснела и смущалась, когда Николай делал ей самые примитивные комплименты или хвалил её чай. Чай, кстати, я покупал! Он сыпал забавными историями, рассказывал о своих увлечениях охотой и рыбалкой, улыбался белозубой улыбкой и... и жутко меня раздражал.

— Какой у тебя взрослый племянник! — наконец обратил на меня внимание Николай. — Это ты о нём постоянно хвастаешься на работе?

— Да, о нём. Других племянников, как ты заметил, у меня нет, — наигранно рассмеялась Мира.

— Хм... И он одарённый?

— Очень!

— У тебя в анкете по-другому указано. И в его документах тоже. Альтернативно одарённый.

— Максим сдал экзамены сразу за пять классов! — гордо произнесла Мира.

— Ну, не велико достижение — пять классов, — проворчал себе под нос Николай.

Мира, увидев наши опустевшие чашки, подпрыгнула и снова умчалась на кухню. А мы остались с её начальником наедине. Он долго сверлил меня взглядом, затем наклонился ко мне и прошептал:

— Знаешь что, debil... Ты мне нравишься! Такой тихий, спокойный. Я боялся, что будет сложнее, — он сунул руку в карман и достал из него смятую купюру. — Держи пять рублей и вали на часок прогуляться. Знаешь, что такое «часок»?

— Знаю, дядь! — гордо заявил я. — Это когда до десяти нужно посчитать.

— Идиот! Нет! — прошипел он, с опаской оглянувшись на двери. — Посчитай до тысячи. Сможешь?

— Смогу, дядь!

— Отлично! Пять раз до тысячи и можешь возвращаться, — он снова нырнул в карман. — На тебе ещё пять рублей. Это очень большая сумма! Купи себе всё, что захочешь.

Пять рублей... Как-то дешёво. Решил не тратиться? Наверное, пойло, цветы и конфеты тоже по распродаже взял?

«Да чтоб у тебя без пяти рублей даже не вставал!»

Растянул я губы в вежливой и очень счастливой улыбке.

«Да чтоб без денег женщины на тебя даже не смотрели, придурок!»

«Да чтоб ты каждый раз, увидев голенький женский животик или грудь, не мог сдержаться, скорострел!»

Ну да, в этот раз я решил немного подстраховаться.

Мира вернулась через пару минут, неся очередную порцию чая, и принялась разливать его по чашкам.

— Мирочка, а ты парня отпускаешь на улицу самого? — ласковым голосом спросил девушку наш гость.

— Да, конечно.

— Ну и отлично. Ему, наверное, скучно с нами, со взрослыми. Может, отпустим его?

Мира перевела на меня виноватый взгляд и тут же стыдливо опустила глаза в пол. Я тяжело вздохнул, поднялся с шезлонга и пошёл на выход.

— Только недолго, Макс! — донёсся мне в спину голос Миры. — Прости.

— Пусть погуляет парнишка. Ему нужен свежий воздух, — успокоил Миру бархатный властный мужской голос.

Никуда я не пошёл. Просто вышел в коридор и остался сидеть на лестничной площадке размышлять о превратностях судьбы и о том, почему я ревную Миру. Надеюсь, у них ничего не выйдет, и моё проклятие сработает как нужно. Его не сложно обойти на самом деле. У секса много граней. Но почему я ревную? Я ведь не её парень, не муж. Какого хера? Или дело конкретно в этом мужчине? Задумался и махнул головой — нет, не только в нём. Но почему тогда?

Да, Мира красотка, конечно. Хочется обнять её, прижать к себе и не отпускать. И дело не только в её красоте. Она просто милая и хорошая девушка. Яркая, умная, весёлая, заботливая. Не знаю... Может, я просто привязался к ней? Между нами целая пропасть — мне ещё расти и расти, целых десять лет, как минимум. Она не будет меня ждать.

Минут через десять (так быстро? о!) из нашей квартиры пулей вылетел мой новый знакомый, судорожно тыкая в сенсорную кнопку вызова лифта пальцем и усердно прикрывая пиджаком мокрое пятно на светлых брюках чуть ниже пояса. Интересно, грудь или живот? Надеюсь, живот. Он не достоин даже смотреть на грудь Миры, скот!

— Наш гость уже ушёл? — поинтересовался я, вернувшись в нашу с Мирой холостяцкую берлогу.

— Да... Ушёл.

Мирослава стояла напротив зеркала, задумчиво смотрела на своё отражение и выглядела слегка расстроенной. А может, и не слегка.

— Так быстро? Что-то случилось, Мир?

— Нет, ничего. Не бери в голову, Макс. Это взрослые проблемы.

— Мир! — настойчиво повторил я.

— Я чуть не наделал глупостей, Максим, — она села на край кровати, свела вместе свои стройные ножки и напряжённо сцепила пальцы рук между собой. — Я такая дура! Понимаешь, Максим... Женщине нужен мужчина, а мужчине женщина — это закон природы. Организм требует... общения. Иногда очень сильно требует! Но так нельзя, по крайней мере, у нас в Империи. Для девушек это клеймо. Без свадьбы нельзя. Ну или можно, но чтобы ни одна живая душа не узнала, чтобы мужчина не проболтался.

Фух! Я уж думал, что поломал ей личную жизнь. Даже успел пристыдить себя.

— Этот упырь не похож на того, кто умеет держать язык за зубами, Мир. Мне кажется, он на каждом столбе объявление развесит и сделает рассылку по всем своим контактам, чтобы сообщить о таком событии.

— Это да, — задумчиво вздохнула Мира, — но каждой женщине нужен мужчина. Хоть иногда. Иначе видишь, как начинает рвать крышу и тянет наделать глупостей.

— У тебя есть я. Я же мужчина?

— Да, милый! У меня есть ты.

Она улыбнулась, выставила руки в мою сторону, дождалась, пока я подойду к ней, и крепко прижала меня к себе. К своему горячему молодому телу и хм... к телу, в общем... Кажется, в моём юном организме начинают происходить какие-то возрастные изменения. Это скоро станет/будет проблемой.

— Ты настоящий мужчина! — прошептала Мира, уткнувшись носиком в моё плечо. — Ты вырастешь сильным, красивым, умным. Даже Олька бежит за тобой, что-то чувствует. И однажды ты осчастливишь свою женщину, а может и не одну. Кому-то сильно повезёт с тобой, Максик. Был бы ты на десяток годиков постарше.

— Мир.

— А?

— Ты же когда говорила там что-то о природе, об общении, об организме. Это ты о сексе так завуалированно рассуждала?

— Ну да... погоди, а откуда ты знаешь о сексе? Макс!

Глава 7

«Зачем...

— Что «зачем»? Задолбал ты!

«Зачем ты это сделал, идиот...»

— Так, это мы уже проходили. Знать бы, о чём ты спрашиваешь...

«Зачем ты нанес себе Чёрный Узор Регенерации, идиот...»

— Так! Неплохо бы по имени общаться. Оно у меня, кстати, есть. И ты его точно знаешь. А вот, кто ты такой?

«...»

— Эй! Ты кто такой? Исчез. Сука! Чёрной? Погоди, он сказал Чёрной? Ух, это отлично! Просто отлично! Чёрная самая сильная из всех. Да я смогу чуть ли не воскресать из мёртвых. Ну, если мозг не задет... Наверное. А я ещё думаю, как же я так выжил после воткнутого в мою щуплую детскую тушку огромного кухонного ножа...»

С моего появления в этом мире прошло уже девять месяцев. Да, это очень много. Всё шло своим чередом. Я учился, грыз гранит науки, Мира работала, уже значительно меньше, к слову. Её начальник Николай сменился на начальницу-стерву. Не знаю, что было лучше — Коля или стерва. Нужно как-нибудь наведаться к Мире на работу, посмотреть, что у них там и как. Может, проклясть кого-то.

Оля усиленно готовилась к вступительным экзаменам, я тоже. Мне нужно сдать экзамены за девятый, выпускной класс и подумать над своей дальнейшей судьбой. Мира говорила, что нужно учиться на Экономиста — может быть, когда вырасту, я даже смогу стать её начальником. А Олька... Ну а у той только одно на уме — стать следователем и ловить маньяков и преступников.

Кем я хотел стать. Кем я был в прошлой жизни? Я не помню. И это меня немного бесило. А может, и не немного.

После того случая с Николаем, Мира больше никого не приводила в наш дом. Да и я её на всякий случай проклял на целый год на безбрачие и на кучу всего остального, чтобы она даже не смотрела на мужиков. Некогда мне сейчас за ней присматривать, да и ей нужно подумать о себе, а не кидаться на первого встречного, только лишь потому, что 21 — это возраст старой девы и на неё уже все косо поглядывают. Путь перешагнёт этот рубеж.

А вообще я не специально, если честно. Не знаю, как так получилось с целым годом. Хотел чуть-чуть, дать ей пару недель передохнуть после несостоявшихся отношений с Коленькой. Но вышло, как вышло. Да, это мой косяк.

Олька тоже на время остепенилась — гулять ей было некогда. Ни подруг, ни друзей. Синеволосая девчонка как маньячка целыми днями проводила за учёбой. И единственный её друг — это парень с 25-го этажа, крышный друг. Ну, то есть — я!

А вообще, всё у нас шло по накатанной. Я исправно выполнял то, что должен выполнять прилежный ребёнок — учился и рос. Как там в старых русских сказках говорится — и рос

молодец не по дням, а по часам. Это про меня! И именно по часам. Не было уже того малого шестилетнего пацана. За девять месяцев из тощего шестилетнего пацана я превратился в настоящего подростка — 165 см худобы, дерзости, вредности и бунтарства. Сраные гормоны!

Через месяц нам назначен осмотр у врача, где будет подниматься этот вопрос. Миру очень беспокоил мой ускоренный метаболизм и быстрое развитие, но раньше принять нас в больнице не могли. Тут с этим строго — если ты не умираешь, то дуй по записи в конец длинной электронной очереди. Я пока не умирал. Да я вообще чувствовал себя лучше некуда! Энергия просто бурлила во мне! Постоянно хотелось что-то делать, куда-то бежать, двигаться, развиваться. Да хотя бы на ту же спортивную площадку. Некоторые элементы у меня выходили даже лучше, чем у Ольки, хотя техника исполнения ещё хромала.

Существенный минус в этом был, даже два минуса. Первый — это выросшая статья расходов на одежду. Я не модник, мне и одних штанов хватило бы, но жопа всё время растёт, и одежду приходилось менять. А она тут не дёшево стоит! Второй минус — я жру, как не в себя. Ну это понятно, растущий организм. Но денег это сжирало... вернее, я сжирал, просто тьму!

Я стоял перед зеркалом и смотрел на симпатичного взрослого парня в отражении. Шатен с серыми глазами и упрямым взглядом. Да, цвет глаз отчего-то сменился, раньше они были зелёными. А сейчас то ли голубые, то ли серые. На вид мне уже лет пятнадцать-шестнадцать. И это за девять месяцев! Да уж... А по документам мне всё ещё семь, точнее, уже семь. Странно это. Могут возникнуть проблемы.

Я вздохнул, зацепил термос с чаем со стола и пошёл на нашу крышу. Эта традиция мне нравилась. Да и вообще, мне этот мир жутко нравился. Технологии, свобода, новые знакомства, люди... Хорошие, плохие, добрые, злые, красивые и не очень — мне нравилось здесь жить.

Оля уже сидела на моем месте, на самом краю стопятидесятиметрового обрыва. От неё пахло алкоголем и какой-то грустью. В своих фарфоровых белых зубках девушка держала тонкую самодельную сигарету и задумчиво смотрела куда-то вдаль.

— Не знал, что ты куришь, — тихо сказал я и сел рядом с ней.

— А я и не курю. Только когда выпью.

— А пьешь ты тоже не просто так? Есть повод?

— Угу... Есть.

Давно не видел её такой. После того нашего случая в клубе, когда я притащил её к нам домой. Девушка мало что помнила с той ночи, или просто не хотела говорить об этом. Тем утром она просто скромно сказала: «Спасибо!», добавила «за всё...», выпила со мной и Мирой чашку чая, чмокнула меня в щёку и убежала. Больше мы с ней об этом не разговаривали, а по клубам и ночным заведениям она таскаться перестала.

Я забрал у неё сигарету изо рта, затянулся сам, пустил клубы дыма из носа и выкинул эту гадость с крыши. Не Ольку — сигарету.

— Ты знаешь, что ты какой-то неправильный? — взглянула она на меня своими ярко-голубыми нетрезвыми глазами.

— Знаю.

— Как так можно вырасти за полгода? Это ненормально.

— Знаю, Оль.

— И как ты это объяснишь? — она подозрительно сощурилась и пристально посмотрела в мои глаза.

Её ручеек силы начал таять. Я случайно взглянул на неё «по-другому», просто делаю так иногда на автомате, ищу похожих на себя — Одарённых. Но ни разу Оля не использовала свой Дар при мне. Я даже думал, что она не умеет пользоваться, или не знает о своей Силе. Интересно, в чём её Дар?

— Не знаю, — задумчиво ответил я на её вопрос и увидел промелькнувшее в её глазах чувство превосходства или чего-то эдакого.

— Врёшь, — вздохнула она и отвернулась.

— Такое иногда бывает, врачи так говорят.

— Ну да.

— У тебя что-то случилось, Оль? — через пару минут тишины поинтересовался я. — Что празднуешь?

— Отчим.

— Обидел? — я нахмурился и положил руку на плечо девушки. — Оль... Что случилось?

Она поджала ноги к себе, опустила голову, уткнула лицо в свои голые коленки и тихонько разрыдалась.

— Что случилось, Оль? Он тебя тронул? — я начинал нервничать и в голову полезли херовые мысли. — Изнасиловал?

— Дурак?! — вспыхнула она и резко успокоилась. — Нет, конечно! Если б только тронул, я бы его прирезала...

*

— Когда отец умер, мне было 8 лет, Макс. Через два года у мамы появился Митя. Я приняла его. Никак я его не приняла. Ну, появился у мамы новый мужик, ну чего мне лезть в их жизнь? Главное, чтобы ей было хорошо, а мне как-то по барабану. Тем более, до Мити был Петя, до Пети был Андрюша, до Андрюши был Муратик, Женёк, Стасик. Мама пыталась закрыть дыру в душе. И мама всегда была симпатичной, так что проблем с вниманием мужчин никогда не было, тем более из-за этой ситуации в мире.

Ну вот... Не должна же я каждого называть отцом? Наверное, нет. Я была в меру вежлива с каждым из её... парней. Вежлива, немногословна. О чём мне говорить со взрослыми дядьками? Тем более, я так-то тихий человек. Но Митя был необычным. Он остался у нас надолго. Сперва скромно, робко. Потом почувствовал себя хозяином и главой семьи. И принялся налаживать контакт.

Он пытался со мной разговаривать, дарил разные подарки: игрушки, телефоны, платья. Я благодарила, конечно, улыбалась — я была вежливым ребёнком. И уходила к себе, в свою комнату. У меня там был свой мир: куклы, розовые пони, игрушки, стихи и альбомы с рисунками. Я никогда не надоедала взрослым, так приучил меня отец или так у нас сложилось. Не знаю...

Если я была нужна по хозяйству, мама меня всегда звала, и я приходила. Я что — я человек маленький. И это восемь лет, всю мою жизнь, считалось нормальным и никого не смущало, даже наоборот. У взрослых свои дела — у меня свои. Нет, я не была замкнутой. Поиграться, посмотреть фильм с семьёй, распланировать выходные — я только «за».

А вот Митю такое положение дел в нашей семье не устраивало. Новый хозяин — новые правила!

И начался этап «воспитания», или даже «перевоспитания». В один «прекрасный» день я узнала, что я неблагодарная и не очень хорошая девочка. «Не очень хорошая» — это упрощённый вариант того, что я тогда выслушала.

— Какого хера у тебя плохая оценка по математике?!

— А почему ты, Олечка, не помыла за собой кружку после чая?

— Да мне насрать, что сейчас час ночи, вставай и иди мой!

Мне не нравились такие ночные визиты и вторжения в личное пространство. В мою комнату даже отец без стука не входил. Вот будет у меня любимый человек, я позволю ему без разрешения входить ко мне в любое время дня и ночи, куда он только захочет и как захочет. Но не чужому взрослому мужику в детскую комнату!

Сначала он нашёптывал все претензии матери на ушко, думая, что я не услышу. А может, специально делал так, чтобы я всё слышала.

— Почему она запирается в комнате? Где это видано, чтобы у ребёнка закрывалась дверь?!

Почему она не моет посуду? Почему не стирает и не убирает? Почему разбрасывает свои книжки везде?

Тогда я впервые разревелась. Надо отдать маме должное, она вступилась за меня. Что-то типа: «Оставь ребенка в покое!»

— Да она просто манипулирует нами! Она манипулятор! Где это видано, чтобы девочки так себя вели?

Митя объявил бой «манипуляторше». Каждый раз, когда я закрывала дверь в свою комнату, он приходил и демонстративно открывал её.

— Что такого секретного у тебя здесь может быть?!

Дверь в мою комнату бесследно исчезла уже через пару дней. Вот утром была, я прихожу со школы, а двери больше нет. Попытки повесить штору в сиротливый дверной проём строго пресекались. У меня больше не было личного пространства. Хотя, его уже давно на самом деле не было.

Но это не помогло. Нотации, критика, ругань, придирки стали регулярными. Он хотел выбить из меня дурь и сделать нормальным человеком. А ещё хотел научить жить правильно. Он ведь желал мне только добра!

Мама... Мама сначала пыталась влезть в наши дела, что-то говорила Мите, но ссориться с мужем, а Митя на тот момент стал её официальным партнёром по жизни, она не желала. Да и я не хотела этого. Я хотела, чтобы она была счастлива.

А Митя в то время расхотелся не на шутку. Периодические контрольные проверки в моей комнате стали регулярными. Осмотр шкафа, одежды, карманов, ящиков столов, ящиков с нижним бельём. Он открывал шкафы и начинал рыться прямо при мне, тыкая меня в «непорядок». Тут неправильно сложено, там нет системы, здесь помятое, а здесь, скорее всего, несвежее. Мог даже понюхать, чтобы убедиться в своей правоте.

Однажды я не сложила грязное бельё в корзину, не помню почему, то ли телефон зазвонил, то ли мама позвала. Вернулась через пять минут, а он стоит. Держит с омерзением мои трусики и с красными от бешенства глазами начинает тихо шипеть, уж лучше бы орал:

— Это неуважение ко мне, как к Мужчине! Так ведут себя только бабки в хосписе и наркоманки в притонах! И чего мне ждать дальше? Ты начнёшь свои ссанные трусы мне на стол кидать или в кровать?! Свои! Ссанные! Трусы! Забирай и не вздумай больше кидать их где попало!

А ведь трусы не были ссаными. Да вообще они не были использованы, что самое обидное. Самые обычные женские трусики с бирками, которые я только купила в магазине и хотела постирать. Самое интересное, что трусы были внизу вороха одежды. Он специально рылся, чтобы достать их и ткнуть меня носом в них.

Было много всего. Мой школьный рюкзак постоянно проверялся, не дай бог там найдётся запрещёнка. Я даже не знала, какую запрещёнку он искал. Было много упреков: «Я тебя кормлю и плачу за жильё! Уважай меня!» А ничего, что раньше я как-то жила без его еды и платы за жильё, и родители как-то справлялись и ни разу меня в этом не упрекали? Но нет, этот «кормилец» предпочитал периодически напоминать о таком.

Он злился, если мама проявляла ласку ко мне или уделяла внимание, ведь Мите тогда достанется меньше. По его мнению, с ребёнком нельзя так сюсюкаться и носиться.

— Вытащи свою сиську у неё изо рта! — брезгливо говорил он маме. — Ты с ней носишься, как с грудничком!

Я старалась как можно реже появляться дома. Уж лучше в парке на лавочке посидеть или погулять по улице, или зайти в магазин, или задержаться в школьной библиотеке. Да всё было лучше, чем идти домой! За поздние возвращения домой меня, конечно же, ругали и отчитывали. Но лучше так — короткая ругань вечером, чем слушать его нытьё целый день. У нас даже сложилась такая небольшая семейная традиция: я слушаю нотации минут десять и сразу спать. Хорошая традиция... А потом я дожидалась, пока мама с отчимом уснёт и пробиралась на кухню, чтобы поесть.

Лет в пятнадцать, когда у меня выросло здесь и округлилось здесь, Митя перешёл на новый уровень. Теперь его любимым позывным для меня было «малолетняя шалава».

— Где эта малолетняя шалава шлялась до поздней ночи?

— А, бл*довала у своих наркотов, шалава?

— Малолетним шалавам право слова не давали!

Ну, если я сижу в школе, или застряла в библиотеке, или прогулялась с одноклассниками и при этом всё имею сиськи — я точно шалава. А знаешь, какая ещё у нас в семье была... есть традиция? Каждый месяц я писаю на тест на беременность. Неплохо, да? Я хотела напроситься жить к бабе с дедом. Но кто же меня туда отпустит, ведь я просто хочу сбежать туда, чтобы бесконтрольно бл*довать!

Я пыталась бунтовать. Кричала ему в лицо «Ты мне не отец!», надеясь, что он отважится и ударит или просто хоть пальцем тронет, даст мне хоть маленький повод. Но он лишь отвечал мне словами. Не знаю, что больнее. Уж лучше бы бил, наверное... Просто молча бил.

— Вот увидишь! — говорил он маме. — Скоро она принесёт в подоле!

— Зачем ты портишь мне жизнь? — кричала на меня мать.

Наверное, сейчас он даже горд собой. Ведь только благодаря ему я не принесла никого в подоле. Только благодаря его контролю, воспитанию, нервам и потраченным на меня бессонным ночам. Это он сделал меня человеком, хотя для него я так и осталась малолетней шалавой.

Я как-то хотела сделать ему это назло и почти сделала, но так и не решилась... За несколько лет из милой тихой девочки, которая пишет стихи, рисует пони, смотрит в телескоп на звёзды и читает «Алису», я превратилась в озлобленную, нервную и замкнутую стерву.

Как я нормально училась в такой обстановке, сама не знаю. Наверное, назло ему. Я была начитанная и не глупая, но никогда не показывала этого, всегда зарабатывая средний балл и всё. Тоже назло. Однажды я прошла несколько тестов в школе, в реальную, полную силу. Получила высший балл. И меня заставили пересдавать, сказали, что я списала. Ну, я и написала, как они хотели. На твёрдую тройку, чтобы не высываться.

За эти десять лет я так возненавидела мужчин, что ты первый, с кем я стала общаться дольше недели, Макс. Наверное, потому что ты был такой мелкий и потерянный, когда мы встретились здесь на крыше впервые.

Нет, я не ненавижу их... наверное. Боюсь, избегаю, не доверяю, опасаясь. Я могу с ними общаться, учиться, работать. Но меня начинает трясти только от одной мысли о близких отношениях с мужчиной. Он может меня трогать?! НЕТ! Он зайдёт в мою комнату и начнёт рыться в моих вещах?! НЕТ! Мужчина будет трогать меня там?! НЕТ! Ни в коем случае!

Знаешь почему? Я брезгую — это ведь грязно, противно, стыдно, позорно. А ещё, от секса с мужчиной можно залететь и принести в подоле, как и внушали мне все эти несколько лет. А ещё потому, что я сразу оправдаю все слова Мити и стану шалавой!

Прости, что вывалила на тебя это всё, малой... Ты, наверное, и половины не понял. Но оно и к лучшему. С кем-то более взрослым и разумным я бы этим не поделилась. А так мне хоть стало легче.

*

— Не будешь с крыши сигать теперь? — задумчиво спросил я и посмотрел вниз.

— Да я и не собиралась! — фыркнула Оля. — Не доставлю им такого удовольствия. Да мне и потерпеть тут осталось всего несколько месяцев, скоро поступлю и съеду. Поступлю в Сыскную Академию, а там общага, учёба, новые знакомства. И я всё это забуду как страшный сон.

— Можно подкинуть ему твои трусы в карман и обвинить в совращении малолетней, — задумался я, — или сделать так, чтобы он «случайно» ворвался в твою комнату, когда ты голая.

— Проходили уже. Думаешь, я не пробовала? Трусы якобы он подобрал, потому что я их разбрасываю, хотел вернуть. А голая... Ну тут сама виновата, не хрен по дому голышом шастать, когда здесь взрослый мужик.

— Это мать сказала?

— Она, — Оля кивнула, полезла в карман и достала оттуда ещё одну самокрутку. — А он после этих случаев только злее становился.

— Выкинь, — тихо сказал я.

Она долго сверлила меня взглядом, задумчиво разминая сигарету в пальцах, затем отвернулась, положила сигарету на ноготок указательного пальца, словно взвешивая, и отправила её щелчком в полёт с крыши пятидесятого этажа.

— А что случилось в этот раз? Почему ты рыдала?

— Я не рыдала, — Оля вздохнула. — Может, чуть-чуть. В этот раз... Я... — она оглянулась по сторонам, внимательно посмотрела на меня и словно прыгнула в прорубь, выдохнула на одном дыхании. — Я мутант... У меня есть способности, необычные. Я чувствую, когда человек мне врёт.

— И?

— Сегодня была очередная ссора с матерью. Я спросила: «Ты меня хоть капельку любишь?» Она сказала, что любит. Я же её дочь. И чтобы я не выдумывала глупости.

— Соврала?

— Угу.

— Хм... Так у тебя Дар? Ты Одаренная? — задумчиво спросил я.

— В каком смысле?

— Ну, твой Дар — это определять ложь или правду.

— Тоже скажешь мне — дар, — Оля хмыкнула. — Это, скорее, проклятье. Если кто-то об этом узнает... Мне кранты.

— Почему? — теперь настала моя очередь удивляться и хмуриться.

Хотя нет. Олька выглядела удивлённой не меньше меня и лишь через несколько долгих секунд её взгляд прояснился.

— Я и забыла, что ты у нас не от мира сего, — улыбнулась она мне. — Вечно какие-то примитивные вопросы, словно ты деревенский дурачок.

— Сама ты дура! — почти обиделся я.

— Ладно, проехали. Этого ты действительно можешь не знать. Люди ведь постоянно мутируют, ты же знаешь. Гены мутируют, клетки. Что-то отбраковывается эволюцией, что-то естественным отбором. Но иногда пробиваются. Вот такой, как ты сказал, дар — это

испорченные гены.

— Херня!

— Не херня, — девушка покачала головой, — это ведь ненормально. Вот смотри. Недавно у одного паренька прорезались такие способности, и он сжёг всю свою семью. Девушка в Африке приманила стаю гиен, и они сожрали всю деревню, не тронув только её. Ещё одна девчонка плевалась кислотой. Как думаешь, чем это закончилось? Таких случаев достаточно! И у всех плачевный финал.

— А твои способности чем плохи?

— Наследственностью. Что я передам своим детям? Генетическое уродство! Мои дети будут убивать людей по воле случая, или, что ещё хуже, специально. Сейчас таких людей стараются оградить от общества и... и стерилизуют. Это генетическое уродство, которое нужно искоренить. Даже в этом я оказалась херовой. Наверное, Митя был прав...

— Да, все люди — это результат генетического уродства обезьян! — вспыхнул я. — Человек — это страшная, лысая, чересчур умная обезьяна.

— Смешно! Но не логично. Есть множество теорий, опровергающих происхождение человека от обезьяны.

— Ну да. Человек сразу родился из яйца красивым, умным, сильным, умелым, мыслящим, прямоходящим. В одной руке он держал энциклопедию, в другой — калькулятор.

— Слушай... — Ольга поморщилась. — Давай поспорим с тобой на эту тему, когда я буду немножко потрезвее. Лады?

— Лады. Зачем мне тогда сказала, раз это так страшно? О своём «уродстве», — поддел я её.

— Тебе я верю, Макс. Ты же мой младший братишка, — Ольга улыбнулась, наклонилась и потрепала меня за волосы. Что им всем мои волосы так нравятся?

— погоди! Какой братишка?! Ты же обещала замуж за меня выйти, когда я подрасту!

— Так ты подрасти сначала!

— Подрасту... — хмыкнул я. Судя по всему, осталось совсем недолго расти. Кое в чём я уже неплохо подрос, уже совсем взрослый.

— Кстати. Это твоё? — Оля достала из-под своей попки небольшой картонный лист. — Нашла здесь, на крыше.

— Моё, — признался я. — Рисовал тут на досуге.

— Красиво... Это я?

— Непохожа?

— Похожа, очень, — она помолчала, взглядываясь в простенький цветной рисунок, и тихо пробормотала. — Красиво! Можно я оставлю себе?

— Оставь, раз уж нашла.

Я задумчиво нажал кнопку 35-го этажа, спустился на 15 этажей ниже и постучал в дверь квартиры «356». Олька осталась на крыше, а у меня сегодня ещё занятия со Светланой Анатольевной. Но перед этим...

Передо мной стоял уставший мужик в растянутых трениках и чистой, белоснежной майке.

— Извините, а это квартира «346»? — широко улыбнувшись, спросил я растерянным голосом.

— Нет, малой. Как и указано здесь! — мужчина ткнул пальцем в золотые цифры на двери.

— Извините, — опешил я и сделал шаг назад.

— Погоди, — мужик нахмурился и задумчиво ткнул в меня пальцем, — а это не ты постоянно трёшься возле моей Ольки?

— Нет, не я, — испугался я и помотал головой.

— Ну да, ну да... — он хмыкнул. — Я и не знал, что Олька перешла на молоденьких мальчиков. Хотя, так даже лучше. Лучше уж так.

Я ещё раз виновато улыбнулся и попятился назад.

Значит, любишь обижать маленьких девочек и очень не любишь ссанные трусы? Тогда ближайший год для тебя лично будет очень тяжёлый, ссыкло... Силы в проклятье я вбухал немало, опустошив резерв до дна, а он у меня за эти полгода значительно подрос. Так что, может придется ему ссаться и не год и даже не два.

— Всего хорошего! — пожелал я, развернулся и пошёл в сторону ступеней, ездить после этого на лифте не самая удачная идея. Всего тебе хорошего, мудака!

Я наградил его целым букетом: и недержанием мочи, и безрукостью (у него должны отняться руки), и дебилизмом... И импотенцию сыпанул на сдачу. Импотенция — это моё любимое, в ней я поднаторел, отбивая ухажёров от Миры.

Пошел ты, Митя! И мать Ольги тоже пошла! Пусть теперь носится с инвалидом, раз у неё такая любовь к нему. Раз он ей дороже родной дочери. Да, он не насиловал, не бил... Физически. Но эта мразь восемь лет отравляла девочке жизнь. Пошёл он!

«Зачем...»

— Опять!

«Зачем ты нанес черный узор регенерации, идиот...»

— Бля! Да ты достал! Потому что это самый первый Узор. Это азы! Чтобы нанести остальные Узоры, нужна сначала Регенерация. Да и рука у меня была сломана. И не только рука. А в таком возрасте это чревато — вырос бы я кривым и косым. А так всё зажило как на собаке.

«Зачем именно Чёрный...М»

— А! Ты об этом... Если честно, оно само как-то вышло. У бывшего владельца этого тела была набита к рисованию рука. В общем, как вышло, так вышло...

«Идиот...»

— Да пошёл ты!

И вот мне в зеркале на вид лет семнадцать-восемнадцать, хотя прошло всего десять месяцев. Даже гормоны играют как у настоящего подростка или молодого мужчины. У меня уже есть утренний стояк (хотя это добро мне уже несколько месяцев мешает нормально вставать по утрам), с которым я не могу ничего сделать, и навязчивое желание решить эту проблему. Пока терплю, но в сторону душа уже поглядываю. Холодного душа, чтобы смыть с себя это наваждение и остудить его пыл.

Я и забыл, каково это быть подростком или восемнадцатилетним озабоченным пареньком. Это нелегко!

А вот моя преподавательница Светлана Анатольевна... Она и раньше мне нравилась. А теперь я просто не мог оторвать от неё взгляд. От выреза на её нескромной одежде, от её ножек, от шеи. Да какая тут учёба! Интересно, но она относилась к кардинальным изменениям моей внешности просто и как-то по-философски. Я её ученик — а как я выгляжу, ей было плевать, будь я хоть столетним дедом. Или просто привыкла.

В общем, заниматься со Светланой становилось всё сложнее и сложнее, и совсем не из-за моих умственных способностей. Кажется, я даже стал немного разочаровывать свою учительницу. Так бодро начал и так же резко сдавал позиции. Наверняка она уже мнила себя воспитателем гения в моём лице или лауреата какой-то премии. Видно, не судьба. Разочарование прям читалась на её лице. Очень жаль...

— Ну всё? Вы закончили? — нетерпеливо посмотрела Мира на часы.

— Пожалуй, да, — недовольно скривилась Светлана Анатольевна. — Что-то сегодня не идёт учёба.

Я тебе больше скажу, Светочка. Она у меня и вчера не шла, и завтра не пойдёт. Нужно что-то с этим делать, но точно не менять учителя. На это я не готов. Привык я к ней.

— Тогда мы побежали, — засобиравалась Мира. — У нас с Максиком... с Максом... — поправила Мира, глядя на 180-сантиметрового «Максика», который возвышался как минимум на голову над девушками, и давно уже не выглядел как «Максик», — назначен приём у семейного врача. Нам нужно бежать.

— Тогда увидимся в понедельник. Хороших вам выходных! — искренне пожелала Светлана Анатольевна Мире, улыбнулась ей и строго посмотрела на меня.

— И вам! — ответила Мира и зыркнула на меня. — Чего сидишь? Собирайся давай, мы опаздываем.

Точно! Сегодня же у нас встреча с этим старикашкой. Что нового он мне может сказать? На хрен оно мне нужно? Ладно, схожу ради Миры, чтобы она успокоилась наконец и перестала ночью стонать: «Максик, Макс... Как же так? Что ты делаешь». Снятся девушке кошмары, видимо. Переживает за меня очень сильно.

Мира вызвала такси, мы быстро погрузились и поехали на встречу к доктору. А я уставился в окно и задумался. Дар Проклятия... Забавно. У Оли тоже интересный Дар, а она этого не понимает. Его же нужно осознать, шлифовать, развивать, разбираться в нём, а не стыдиться. Вот я, например, разбирался. Тренировался, развивал его. Мне насрать, что тут за это могут кастрировать. Пусть только попробуют!

Я уже прекрасно знал, что недостаточно просто обругать человека: «Чтоб ты обсирался каждый раз, когда у тебя встанет член!», например. Вернее, это-то как раз просто, это самое настоящее проклятие. Имеются все атрибуты: и плохое самочувствие проклятуемого, и плохие последствия... В общем, всё плохо для него.

Но я не могу проклясть так, чтобы это было бонусом, вернее, чем-то хорошим. «Чтоб ты жил двести лет» или «Чтоб у тебя член стоял до конца жизни». Ничего не выйдет. Просто потому, что это хорошо в моём понимании. Работаю только те вещи, которые я сам считаю плохими. И даже если скомбинировать плохое с хорошим «Чтобы ты дристал после секса и жил двести лет», выйдет только часть, которую я считаю плохой. Не жить ему двести лет, а вот обсираться — пожалуйста, сколько хочешь. Точнее, столько, сколько я вложил Силы в Проклятье. Может, только один день, а может и год.

И чем больше я тратил Силы, тем хуже последствия оказывались для меня. Вплоть до фатального исхода. Единственный вариант — это замереть на месте и не шевелиться. Ну, или не рыпаться. Иначе я не уверен, что моя Регенерация выручит меня. Хотя, как раз уверен в обратном. Отрезанную голову регенерация не вернёт обратно. Или не соберёт меня по кусочкам, если рядом со мной опрокинется бочка с жидким азотом.

Да, в те два раза меня спасло лишь чудо или моя паранойя, заставлявшая вертеть головой во все стороны. Но руку пришлось приращивать обратно. Было очень больно и очень

неприятно. Хорошо хоть, никто этого не видел.

Мой Дар развивался такими же стремительными темпами, как и тело. Силы стало заметно больше, она прям сияла и переполняла это молодое тело. Резерв рос. А самого затрата Силы на каждое проклятье требовалось теперь совсем чуточку. Да, я мог проклясть человека на год и не потратить на это даже десятой части резерва. Или проклясть одновременно целую группу.

Кстати, теперь я мог дозировать свою Силу. Проклясть на неделю — не проблема, проклясть с задержкой — не вопрос, проклясть так, чтобы «клиент» просто спотыкался или споткнулся и расхерачил себе всё е... всю рожу — проще простого.

Да, ещё одна заметка в копилку о моём Даре... Секс. Да, именно об этом. Не о самом сексе, а о его последствиях. Во время секса, вернее, сразу после него, вернее, во время кульминации, я не могу контролировать Дар. Во время кульминации — во я загнул! Во время оргазма! Чего я ломаюсь как целка? Пытаюсь соответствовать Мире, её культурной речи и манере поведения. Мы же культурная семья, бя! С кем поведешься...

Во время оргазма всегда идёт выброс Силы, до последней капли, до истощения моего Резерва, полностью. И я ничего не могу с этим сделать. Интересно, это у всех Одарённых так, или только у меня? Ещё и Силы выплескивается на порядок больше. Прям море Силы! И откуда она только берется, интересно? Даже немного завидую сам себе — в обычной ситуации я так сделать просто не в состоянии. А если ещё правильно направить Силу во время этого, в смысле проклясть какого-то намеренно, сформулировать проклятие, этому человеку или людям точно не позавидуешь. Вообще это сложно, наверное, сделать — одновременно заниматься сексом и пытаться кого-то проклясть. Ну ладно, пустые мысли! Думаю, такой ситуации у меня никогда не возникнет. Развеется Сила в пространстве по большей части — и хрен с ней!

Я так и представляю, как лежу в своей кровати, раскинув руки с умиротворённым выражением на лице, и моя Сила накрывает Проклятием всех жильцов ближайших к нам квартир. Один сосед утром спотыкается и расквашивает себе хряпку о стену, второй роняет ключи в шахту лифта, у третьего не заводится машина, четвёртый застревает в лифте... И хорошо, если просто застревает. Лучше бы им никуда не ходить в этот день, отлежаться, как я обычно делаю. Ну не целый день, а хотя бы два-три часа. Я заметил, такое спонтанное проклятье долго не действует. Да, оно мощнее, глобальнее, но быстро рассеивается. Только ведь я не могу повесить объявление на доме: «Внимание! Сегодня у вашего проклятуна... проклятика... проклятого сексуальный день. Всем в укрытие!»

Не могу! Но пока летальных или фатальных случаев у нас не было, так, только мелкие неприятности. Наверное, Сила рассеивается и накрывает всех жителей комплекса и каждому достаётся по чуть-чуть невезения. А может, стены немного экранируют, или Сила расходится как от эпицентра взрыва. Самая сильная волна рядом со мной, потом уже всем остальным достаются проклятые осадки.

Да, забавно. Проклятье какое-то над всем двором...

С женой, когда она у меня будет, или с подругой, это проблем не создаст, я надеюсь. Пошалили под одеялком, передохнули и разбежались, или завалились спать. Проснулись, и проклятия как не бывало. Нормально, жить можно. Как я это всё узнал? Ну... Это долгая история. И не очень интересная. Не буду рассказывать, тем более, это личное. Ладно, намекну! У меня здоровое растущее тело. Сны всякие снятся, а утром... Ну, бывают некоторые конфузы.

Недавно приснилась Мира, как я тискал и обнимал её всю ночь. Как ласкал её везде, и как она тихонько постанывала от моих ласк. Проснулся я сконфуженный, весь в поту и с опустошённым резервом Силы... Бывает. Я же сказал, молодой растущий организм. Пришлось посреди ночи бежать в ванную и застирывать свой конфуз. К электроприборам, выключателям и розеткам по пути я старался не прикасаться.

— О! Мой самый любимый пациент! — воскликнул мой самый любимый и одновременно нелюбимый, так как он у меня вообще единственный, доктор.

Опять эта морда! Он мне определённо не нравился... И как он меня узнал, интересно? Наверное, Мира ввела его в курс дела или прожужжала все уши по телефону. Она это может.

— Как ты вырос, однако! Растёшь не по дням, а по часам! Интересно, что ты такого ешь? — он с вопросом взглянул на мою спутницу.

— Добрый день, Семён Андреевич! Да ничего необычного, — ответила Мира за меня. — Только порции раз пять больше, чем должны быть.

— О! Хороший аппетит — это всегда хорошо. Присаживайтесь.

Старик дождался, пока мы уселись напротив него, внимательно посмотрел на меня и сложил руки на столе, сцепив пальцы.

— Спасибо, что приняли нас вне очереди, Семён Андреевич! — поблагодарила Мира и поставила доктору на стол бумажный пакет с презентом.

Так мы ещё и без очереди влезли? Ничего себе! Несколько месяцев ждали и так и не дождались своей. Либо врачи работают спустя рукава, с ленцой. Либо наоборот, такая хорошая медицина и уровень жизни, что люди спокойно дожидаются приёма и никуда не спешат, никто срочно не болеет и не умирает. Забавно.

— Рассказывайте, что у вас такого срочного.

Выслушав Миру и развалившись в своём кресле, смотря в потолок и закинув ногу на ногу, он задумчиво выдал через полчаса:

— Хм... И как быстро это произошло?

— Примерно за полгода. Но скорее всего, это началось после того, как он выпал из окна, это случилось месяцев девять-десять назад.

— Точно! — хлопнул себя по колену доктор. — Он же у нас упал с двадцатого этажа! Удар головой, переломы... Я помню. Ну так это всё объясняет! Это был толчок к внезапному росту организма.

— Да? — неуверенно нахмурилась Мира.

— Конечно! У него ведь и зубы все поменялись? — уточнил доктор, взглянув на меня.

— Да. Буквально за неделю, почти сразу после того случая, молочные выпали и вылезли коренные.

— Забавно... И сейчас процесс роста замедлился, вы говорите?

— Да. Последний месяц Максим только в плечах прибавил и в массе. А последние недели две, мне кажется, он совсем не меняется. По крайней мере, раньше мы в магазин за одеждой каждую неделю ездили, а теперь вот вроде и не нужно совсем.

Так она за мной шпионит исподтишка? Ох и Мирослава! Шучу, конечно, но Мира у меня очень наблюдательная, оказывается.

— И что вас тогда беспокоит, девушка?

— Как что? — Мира неожиданно вспыхнула. — По факту ему семь лет, а выглядит он на все восемнадцать. Ещё и шайба такая... Он в два раза выше и в три шире меня в плечах.

— Ну, он мужчина, так и должно быть, — старик пожал плечами, взял карандаш со стола и задумчиво сунул его в себе рот. — А с мозгами как? Тоже на семь лет? Он всё такой же... э-э-э... отсталый?

— Нет, конечно! Макс успешно сдал экзамены за восемь классов и готовится сдавать за девятый. — Гордо заявила блондинка.

— Тогда вообще замечательно! Это упрощает дело — мне не нужно копаться и тратить время на его психологическую оценку. Рост у него замедлился, организм в порядке. Выглядит он, — доктор ткнул в меня погрызенным карандашом, — как взрослый и хорошо развитый юноша. Да ему бы в спорт пойти с такими данными, там его с руками оторвут. Или в какую-нибудь силовую структуру. В армию, например...

— Ну да, в армию в семь лет! — фыркнула Мира.

— Деточка, — снисходительно улыбнулся старик, — пора привыкать — парню не семь! Я вообще удивляюсь, почему вы так долго тянули и почему никто к вам не пришёл с проверкой. За это можно отхватить немаленький штраф или вообще загреметь до выяснения.

— В каком смысле?

— Парня нужно переоформить документально. Внести в базу, сделать фото и образцы ДНК

обновить. Вы почему так долго тянули с этим?

— Я же вас уже три месяца прошу принять нас, — растерянно произнесла Мира. — У вас время не было...

— Да? — удивился старик. — Ну ладно. Сейчас мы всё исправим.

Он потянулся к планшету, взял его в руки и принялся бегло что-то набирать в нём.

— Сейчас я отправлю заявку, выдам вам направление, и после меня вы зайдёте в кабинет на первом этаже. Найдёте, там не сложно. На двери написано «Канцелярия», там всё сделают по уму. Пять минут и у парня будут новые, актуальные и свежие документы.

— Так просто? — удивилась Мира.

— Конечно! Если он не привлекался полицией и не стоял у них на учёте... В этом случае вам придётся обращаться к ним, мы тут бессильны.

— Не привлекался.

— И если его ДНК соответствует той, что есть в нашей базе данных. А то вдруг это другой человек. В канцелярии всё проверят, это не долго. Ещё вопросы ко мне? Вас всё устраивает?

— Нет! — удивила Мира доктора.

— В смысле «нет»? Чего вы ещё хотите от меня?

— Объяснений, — уже гораздо спокойнее добавила девушка, — как и почему это произошло?

— А! Это? Это вообще не проблема! Такие случаи бывали в истории и даже в моей практике. Правда, не так быстро. Там человек проживал весь жизненный цикл за несколько лет, но это явно не тот случай.

— А он... — Мира бросила на меня быстрый взгляд и чуть тише добавила. — А Максим не постареет так же быстро, как вырос?

— Нет, не переживайте. Последние анализы показывают, что ваш парень в отличной форме. Никаких генетических заболеваний, никакого регресса в клетках организма, никакой прогерии, или как её ещё называют — синдром Вернера. Ничего! Он силен и здоров как молодой бычок.

— Спасибо, Семён Андреевич! — поблагодарила Мирослава врача. — Тогда нам в канцелярию?

— Да-да. Вниз по лестнице, первый этаж направо.

В канцелярии мы пробыли недолго, минут тридцать от силы. У меня взяли несколько анализов, кровь, слюну, отпечатки пальцев, сделали фото, попросили подождать десять минут в коридоре, и через девять с половиной минут вынесли запечатанный жёлтый конверт. Конверт с моими новыми документами. «Максим Кириллович Климов. 01.05.2078 г. Мужчина», моё фото и отпечаток большого пальца.

Я так понимаю, они просто отмотали дату рождения на одиннадцать годков назад. Забавно... Теперь мне официально восемнадцать лет. Как же у них тут всё просто — что значит цифровой мир!

— Отпразднуем моё совершеннолетие? — улыбнулся я всё ещё растерянной Мире и помахал перед её лицом рукой, выводя из ступора.

Мира взглянула на меня, улыбнулась и покачала головой. Такое впечатление, что она только сейчас поняла — я уже не ребёнок, не шестилетний пацан.

— Как быстро растут дети. Да, Мир?

— И не говори. Чувствую себя сорокалетней старухой. Раз ты взрослый, значит, я старая... Это подсознательно так отложилось.

— Ну, не перегибай, Мирусь. Не такая уж ты и старая. Сорок — самый расцвет для женщины.

— Сорок, да? — задумчиво переспросила блондинка, встала и с шутливой угрозой нависла надо мной. — А я ведь могу тебя на колени уложить и хорошенько ремнём отходить. Я всё ещё старше тебя!

— Мир, ну ты что?! — я поднялся с кресла и начал пятиться в сторону выхода. — В твоём возрасте не нужно так нервничать.

Шипение за своей спиной я уже не слышал. Выбежал на улицу и ненадолго затерялся в толпе.

Через час мы уже были в кафе. Выбрали столик в углу, сели друг напротив друга, заказали по кусочку торта и по чашечке кофе. Мира всё ещё дулась и молчала. Не знаю, о чём она думала, но обижаться на начатую собой же шутку — так себе. Девчонки не понимают юмор по поводу своей внешности или возраста, это я уже понял.

— Почему ты взяла меня к себе, Мир? — спросил я, отправив в рот кусочек шоколадного торта. — Я ведь, по сути, чужой тебе человек.

— Много причин, — наконец, нарушила девушка молчание, — но самая главная — мне было тебя искренне жаль. И я не хотела, чтобы сестра меня ненавидела за то, что я тебя бросила. Настя любила тебя.

— Спасибо, Мир! Я буду должен тебе... Всегда.

— Ты теперь съедешь от меня? — подняла на меня грустные глаза блондинка.

— Съеду... — кивнул я. — Сдам экзамены за девятый класс, потом вступительные через три месяца и съеду в общагу. Сможешь жить самостоятельно, никто тебе не будет мешать и занимать кровать.

— Уже решил, куда поступать? — удивилась она.

— Решил.

— Значит, три месяца, — она тяжело вздохнула и отвернулась к окну.

— Да. Потерпишь меня ещё чуть-чуть?

— Дурак! — фыркнула девушка и сверкнула на меня гневным взглядом. — Вроде здоровый лоб, а ничего не понимаешь! Поехали домой...

*

— Теперь ты взрослый, — задумчиво произнесла Мира, глядя на единственную кровать в их квартире.

— Не взрослее, чем вчера, — хмыкнул Макс. — Ты думаешь, как нам спать вместе?

— Угу... Я лягу на полу в кухне, — с твёрдой уверенностью в голосе произнесла девушка, взяла подушку, стянула одеяло и упрямо посмотрела в глаза Макса.

— А я на террасе тогда, — хмыкнул парень.

— Там дождь. И спать на шезлонге — не самая лучшая мысль.

— Как и на полу кухни, — пожал парень плечами, взял подушку и вышел из квартиры.

Через два часа он замёрз окончательно. Брызги дождя долетали до самого сухого места на террасе, а поднявшийся холодный ветер пронизывал до косточек. А ещё этот шезлонг... Да как вообще на нём можно спать?

Мира сдалась ещё раньше. Через час она вернулась с пола на кровать, укуталась в одеяло и тихо лежала. То ворочалась, то пыхла — сон никак не шёл. Девушка догадывалась почему — она переживала за этого противного своенравного мальчишку. Там же холодно!

«Ладно! — решительно определилась она. — Дам ещё десять минут, если не придёт сам, притащу за ухо!»

Макс пришёл через пять, словно почувствовал нависшую над ним и его ухом угрозу. Коснулся своими холодными ступнями ножек Миры, заставив её вздрогнуть и одновременно улыбнуться в темноте, и облегчённо выдохнул.

— Замерз? — тихо прошептала Мира.

— Угу... А ты?

— И я тоже. Да и жёстко на полу... — Мира тяжело вздохнула. — Ладно, завтра купим раскладушку на кухню. Давно нужно было это сделать.

— Не, я завтра не могу. У меня занятия со Светланой Анатольевной, а потом мы с Олькой договорились встретиться.

— А я работаю допоздна. Хорошо, закажу онлайн.

— Угу. Главное не забудь.

После этого Мира моментально уснула. Словно сурок, тихонько посапывая и улыбаясь во сне. За это время она уже привыкла, что рядом с ней на кровати так же тихо посапывает Максим, хотя даже сама не понимала, насколько сильна эта привычка. Главное, не проспать утром.

Девушка всегда старалась проснуться пораньше, и не потому, что любила рано вставать. Она просыпалась всё время в странных и в очень неловких позах. То обнимая Макса, то у него на плече, то закинув на него ногу. Ещё и ночнушка задиралась как назло, оголяя её трусики и длинные ножки. И это было терпимо, когда Макс был поменьше. Но теперь...

Во сне девушка абсолютно не контролировала себя и ничего не могла с этим сделать. Всегда так было, с самого детства. Даже если начнутся взрывы или салют у неё над ухом, она не проснётся. А просыпаться в странных позах, поперёк кровати или вниз головой — это вообще в порядке вещей. И хорошо, что Макс спал так же крепко, как и она. Иначе, могло быть немножечко неловко.

В эту ночь Мире снились приятные сны. У неё давно не было мужчины, и это ожидаемо. Хм... Давно. Слабо сказано «давно»! Сначала учёба, потом работа, затем в её жизни появился Макс. Двадцать один год — это очень давно. Или, если не кривить душой, то «никогда» — будет правильнее.

Такой сон ей уже снился, и не раз. Сильные мужские руки обхватили её сзади, прижали к напряжённому мужскому телу, пальцы мягко, но настойчиво облапали её всю и проникли между жадно расставленных ножек девушки. Незнакомец ласкал её руками, губами, языком. Целовал и мял всю, от кончиков пальчиков на ножках, до самых кончиков ушей. А Мира тихонько стонала и получала удовольствие. Как минимум пять раз успела получить за один короткий сон.

Утром она проснулась раньше Макса. Поправила задрывшуюся ночнушку, удивилась тому, что умудрилась натянуть её вечером шиворот-навыворот, обозвала себя «растяпой», и в прекрасном настроении, напевая себе под нос какую-то популярную молодёжную песенку, пошла на кухню заваривать кофе.

Мира нахмурилась, вспомнив сегодняшнюю ночь. Кажется, она стонала во сне. Возможно, даже очень громко. Да уж! Сегодня точно нужно заказать раскладную кровать.

— Вставай, соня! А то проспичь учёбу! — выкрикнула девушка в сторону кровати и почему-то не смогла сдержать расплывшейся на лице удовлетворённой счастливой улыбки.

Глава 9

В тот же вечер молоденький курьер привёз раскладную одинарную кровать в квартиру номер «256». Максим распаковал её, собрал, поставил возле свободной стены на кухне и задумчиво почесал затылок.

— Охренеть! И ты думаешь, я на этом смогу спать? — хмыкнул Макс.

— Я не думала, что она такая маленькая... — растерянно пробормотала Мира, перегнувшись через барную стойку. — Наверное, напутали с размерами. На фото она огромная была.

— А ты размеры смотрела, или только на фото?

— Только на фото, — призналась девушка. — Ладно, закажу новую. Завтра привезут. Я сегодня посплю здесь, а ты на нашей... — она неожиданно покраснела, — на моей кровати.

— Лады, — согласился Макс. — Но в следующий раз смотри размеры. А то такими темпами нам твои кровати ставить некуда будет.

— Твои! — огрызнулась блондинка и показала остренький язычок.

Сегодня ночью Мирославе много чего снилось, и она проснулась с очень плохим, даже поганым, настроением. На новом месте спалось плохо. Нет, не так... ОТВРАТИТЕЛЬНО!

Вместо ласковых любовных снов ей снилась какая-то чепуха. Девушка от кого-то убегала, или кто-то убегал от неё. Ей было холодно и одиноко. Она плакала и страдала во сне. И лишь под утро ей приснился нормальный сон. Не такой яркий и не такой... совсем не такой. Этот сон ничем не закончился — раздражил, показал вкусненькое и исчез. Но хоть сгладил впечатление от кошмаров. Но это был другой сон. После этого внизу живота что-то очень противно ныло, словно хотелось чего-то такого... чем обычно занимаются мужчина и женщина. Мире хотелось продолжения «банкета».

На работе всё валилось из рук, всё раздражало и бесили все подруги. Хотя их и так насчитывалось немного. Она нагрубилла начальнице, накричала на тупых клуш из бухгалтерии и поругалась с коллегой из смежного отдела — мужчина сделал тупое замечание или отпустил пошлый комментарий её короткой юбке. А ведь это была её любимая юбка!

Да и внизу живота не переставало ныть. Хотелось, чтобы этот день поскорее закончился, и чтобы снова приснилось что-то хорошее. Настроение ни к черту. На обеденном перерыве Мира сидела в офисном кафе, вяло ковыряла вилкой салат и размышляла. Когда у неё

последний раз был секс? Так, если подумать... То никогда! Ну, настоящий секс, с женщиной. Не в их обществе заниматься сексом без мужа. Так не принято. Секс только с мужем. Уже лет тридцать как. Вот раньше их бабки и деды занимались этим свободно. Хотя Мира такое и не одобряла, но её предкам в этом плане явно было полегче.

Сейчас за случайную сексуальную связь могли уволить с работы, перед этим опозорив перед всем коллективом, а потом ещё отправить в камеру от трёх до пяти... месяцев. Или на перевоспитание. Вот кому какое дело вообще, кто с кем спит?! Тем более, как это вообще связано с работой. Или сотрудник, который занимался сексом не в браке, хуже работает, или предаёт компанию? Или что? Мира этого не понимала. А ещё она не понимала, почему это правило распространяется в основном на женщин. За аналогичный поступок мужчине грозил лишь... Выговор... Честно, да? Не честно!

В голову Мира закралась предательская мысль: «Может, рискнуть? Всего один разок. Никто даже не узнает!» Она взрослая, половозрелая женщина, хозяйка своей жизни, она даже воспитала ребёнка сама. Ну, почти воспитала. Макс сам с этим прекрасно справился и без её участия. Но это не важно.

Мимо её столика прошёл Андрей, системщик с первого этажа. Несколько раз он подкатывал к ней. Но потом как-то резко переключился на кого-то другого, словно его сглазили. Андрей хорошо пахнет, всегда выбрит, ухожен, одет в чистую модную одежду. Немного худоват, но это дело вкуса.

Или Илья — симпатичная мордашка и сильные руки. Илья долго ходил за Мирой, словно хвостик. Ухаживал, дарил цветы, строил глазки, намекал. Потом от намёков перешёл к прямому тексту и сказал, что хочет её. Так сильно, что пойдёт на любые условия девушки. Тайные свидания, нейтральная территория, завязанные глаза... Да что угодно!

Мира взяла паузу, чтобы подумать над таким соблазнительным предложением, и собиралась всё же отказать, она не настолько глупа и доступна, хоть и природа звала. Но Илья словно перестал замечать её. Обиделся? Ну и зря! А может быть, она согласилась бы на его предложение? Правда, потом бы точно жалела, но это было бы потом.

Или Анатолий Васильевич — мужчина в самом расцвете сил, ему около сорока. Но это значит — опыт и умение держать язык за зубами. А ещё Анатолий очень хорошо выглядел для своих лет. Широкие плечи, узкие бёдра, модельная борода. Да, он точно умел обращаться с женщинами.

И все парни такие симпатичные.

«Вот хрень!» — выругалась про себя девушка и уткнулась в свою тарелку. Да ей сейчас любой понравится! В её состоянии, словно кто-то раздражил и бросил, так и не закончив начатое. Нужно прийти домой, залезть в душ и снять, наконец, накопившееся напряжение.

Домой она вернулась пораньше — отпустили с работы, видя её состояние. Это было так заметно?! О! И только дома её немного отпустило. Мира поговорила с Максом, они

поужинали, посмотрели телевизор и съели мороженое. Но девушка мечтала о душе. О тёплом расслабляющем душе.

Душ не удался. Вода была... не холодная, но и не горячая. Никакая. Под такой не расслабишься. Вот как так, люди летают в космос, заселяют другие планеты, а воды горячей нет? Как так?! Девушке пришлось ложиться спать так, с испорченным настроением. Хорошо хоть Макс не попал под горячую руку, а вот завтра на работе она точно снова будет кидаться на всех сотрудников. Да уж, не повезло им.

Мира выпила бокал успокаивающего вина и пошла спать на своё новое место. И только сейчас вспомнила, что забыла перезаказать кровать.

«Вот хрень!»

А ночью ей снова снился эротический сон. Как же она ждала его! Но теперь ей захотелось взять бразды в свои руки. Она выскользнула из сильных рук незнакомца и оказалась сверху. Как же это было приятно! Такое ощущение, что она впервые оказалась с мужчиной по-настоящему, вернее, мужчина впервые оказался в... Это было самое лучшее, что Мира испытала за свою короткую жизнь.

«Подумать только, как, оказывается, это хорошо! И зачем было ждать столько лет этого?»

Утром девушка проснулась в своей постели. Без ночнушки, в одних трусиках. Голая ножка закинула на Максима, рука обвила мужскую грудь, а сама она крепко прижималась к его широкой спине всем своим голеньким горячим телом. Какой стыд! Хорошо, что Макс спал спиной к ней, ничего этого не видел и не знал. Вот было бы стыдно!

«Я что, стала лунатить? Вот блин!» — удивлённо подумала Мира и осторожно вылезла из кровати, скользнув взглядом по спящему Максиму. — Какой он милый, когда спит...»

И как-то по-новому посмотрела на мальчика. Не мальчика, мужчину... Заботливо укрыла его пледом, прикрывая рукой свою обнажённую, чуть больше среднего размера, грудь, мимоходом отметила рельефный мускулистый торс парня, и пошла на кухню варить кофе.

«Лунатить мне ещё только не хватало!» — помотала головой девушка, ставя на плиту кофейник, и неожиданно поняла, что расхаживает по квартире в одних только чёрненьких трусиках.

«Вот блин! Да где же эта чёрная чёртова ночнушка?!»

В этот день в офис пришла совсем другая Мира. Спокойная, умиротворённая, собранная, расслабленная. Она ни на кого не рычала и не ругалась, и даже извинилась за вчерашнее. Мужчины с недовольством и завистью поглядывали на неё, а женщины понимающе кивали.

*

«Ты вырос...»

— О! Снова ты. Да, вырос. И отхватил кучу проблем. Сраный гормональный всплеск — гормоны просто бушуют. Перепады настроения, и, сука, постоянное желание секса... Мне даже снится секс каждую ночь!

«Идиот... Чёрная Регенерация подстраивает тело до оптимального состояния... Нужно было идти своим чередом».

— А! Теперь я понял. Бля! Мог бы и раньше сказать. Ты кто, кстати, такой? Моя фея-крестная? Хотя, голос мужской, значит, фей?

«Идиот... Раньше ты был поприятнее, серьезнее, умнее. И правда гормоны портят людей».

— погоди! Ты знал меня прежде? Ты знаешь, кто я? Кто я? Ты ещё здесь? Проклятье, сука!

Этой ночью мне снова приснился секс с Мирой. Знала бы она, наверное, отвесила мне леца и больше не подпускала такого извращена к себе на пушечный выстрел, не то что в свою кровать. И точно не ложилась бы рядом, а может, даже не садилась на один диван. В свою защиту — это только сон! Мало ли что мне там снится. Наяву я даже не думаю о ней... Ну почти. Но ничего пошлого — точно... Почти. Но я стараюсь!

Открыл глаза. На столе записка, как обычно, рядом термос с кофе и горячий бутерброд. Опять она проснулась раньше меня и сбежала. Вот и чего ей не спится? А, точно! Опять спала на этой неудобной мини-кровати. Нужно напомнить ей, а то снова забудет. Эх! А сон действительно был хорош. Смутно помню, но точно хорош!

Блин! А сколько время-то? 7:50. У меня же в восемь занятия со Светланой Анатольевной. Кстати, брюнетка мне ни разу не снилась, в отличие от Миры. Странно. Хотя, это и понятно. Чего ей сниться-то?

Ровно в восемь (как всегда пунктуальна! ну хоть бы раз опоздала!) раздался звонок в дверь. Я едва успел принять душ и дожевать бутерброд в сухомятку — кофе выпью потом.

— Доброе утро, Максим! — произнесла моя учительница, зашла в квартиру и подала мне лёгкую курточку, чтобы я поухаживал за ней.

Да уж, манерная девушка.

— Как настроение? — поинтересовалась Светлана. — Сегодня будем работать или снова будешь витать в облаках?

— Будем работать, — словно нашкодивший ребёнок, произнёс я.

— Хорошо. Тогда пошли.

Я проводил её на кухню, усадил за стол, подставив стульчик (иначе она просто не садилась!), предложил чай, от которого девушка не стала отказываться, и через десять минут мы уже занимались. Я соврал... Ну невозможно с ней работать! Ну как?! Ещё и этот вырез на платье.

От самой шеи чуть ли не до пупка. Она ко всем ученикам приходит так, или только чтобы меня позлить и помучить?

«У! Озабоченная стерва!»

Бля! Зачем?! Зачем, Макс. Ну кто тебя за язык... за ум дёргал? Опять ведь начнётся, опять будешь чувствовать себя виноватым. В прошлый раз ведь уже обещал себе! Ну да, обещал. Само вырвалось. Каждый раз, когда она вот так приходит, я срываюсь.

— Так что? Какой ответ у этого биквадратного уравнения? — ядовитым голосом произнесла учительница и постучала линейкой по моему лбу.

Вот не нравилась мне эта её привычка или метод. Всегда злился, раздражался и мог проклясть ненароком.

— О чём снова задумался, Максим? Я не верю, что ты не можешь решить это! — она нахмурилась и поправила свои очки. — Запомни! Твоя голова всегда должна быть холодной! А она у тебя сейчас горячая, там кипят посторонние мысли. Ты слышишь меня?

Снова этот стук по лбу.

«Да чтобы у тебя в трусиках было так горячо, как в моей голове, стерва!»

Ну вот! А я говорил. Ну почему у меня все проклятия в её сторону с сексуальным подтекстом? Хорошо хоть слабенько проклял, на пару часиков. А! Ладно. Одним больше, одним меньше. Уже проклял её трижды за какой-то час наших занятий, а ещё два часа заниматься.

Взять бы эту линейку и настучать тебе по голой заднице! Взять моду, стучать. Хм... И правда, что-то я сегодня не о том думаю. Подростковые гормоны. Тело слишком быстро развивается. Знать бы, как с этим совладать.

— Ладно, вижу, ты сегодня не готов к учёбе. Тогда просто слушай, память-то у тебя хорошая, я знаю. Что-то, да и отложится. Тема — история Российской Империи двадцать первого века.

Она встала и принялась расхаживать по квартире, читая лекцию по истории и задумчиво хлопая линейкой по своей ладонке. Какой-то у неё бзик на линейке. Девушка медленно подошла к стене, посмотрела картины, сделал круг по комнате, посмотрелась в зеркало, ни разу не сбившись и не отвлекаясь от лекции, и пошла на террасу.

— Тебе слышно, если я буду отсюда говорить? — донёсся её звонкий голосок.

— Слышно, слышно, — проворчал я, встал и поставил чайник. Хоть чем-то займусь, а то самому сидеть скучно.

Краем глаза заметил, как Светлана присела на шезлонг, а затем откинулась на спинку,

подставив лицо солнечным лучам.

— Проверочный вопрос, — неожиданно прервала она лекцию. — В каком году вступил на престол Император Владимир?

— 7 апреля 2064 года, — без запинки произнёс я.

— Правильно... Хорошо...

Сидела она на террасе не долго. Всё-таки не прохладиться сюда пришла, а работать. Вернулась в комнату и принялась расхаживать взад-вперёд, снова поигрывая линейкой. Зацепилась за угол кровати мизинцем, зашипела и пригнулась, припрыгивая на одной ноге. Да как пригнулась! Оттопырив попку в облегающем платье, и демонстрируя её мне в полной красе. Ещё и платье полупрозрачное, если смотреть через него в сторону окна.

— Ты куда уставился? — нахмурилась Светлана Анатольевна, наткнувшись на мой озадаченный взгляд.

— На вашу задницу, Светлана Анатольевна, — честно признался я. — Она очень... симпатичная...

— Правда? Тебе нравится? — совсем другим голосом произнесла девушка, как будто её подменили. Посмотрела на меня и задумчиво покрутила локоны.

Да уж...

Что было потом, я помнил смутно. Хотя, нет. Я всё помнил хорошо. Но как порядочный молодой джентльмен, предпочёл забыть, словно ничего и не было. Следующий час я просто выбросил из своей головы. Снова.

— Прости, я вела себя непрофессионально, — отдышавшись и приведя себя в порядок, произнесла моя учительница. — Я должна передать тебя другому преподавателю.

— Нет, — категорично отрезал я.

— Нет? — удивилась Светлана Анатольевна.

— Я привык к вам. А новый... Не уверен, что новый учитель не совратит меня. Вас я уже хотя бы знаю и доверяю.

— Хорошо! — она поправила очки и натянула на себя строгое выражение лица, деловое. — Но между нами больше ничего такого не будет.

Бля! Опять: «Я плохая учительница!» и «Что скажет Мирослава?»

— Мы никому не скажем, — пожал я плечами.

— Я не смогу молчать, Максим. Я не такая!

— Я могу стереть тебе память...

— Правда? — она обрадовалась, удивилась, испугалась, обнадѣжилась. Такая гамма чувств на её всегда строгом лице. — Так ты из этих... — задумчиво произнесла она совсем без брезгливости.

— Да.

— Уверен?

— Конечно, уверен, — и тихо добавил, — не впервой.

— Я даже не буду спрашивать «как». Если ты говоришь, что сможешь, я тебе верю! Я согласна. Только... Только ты больше не поддавайся на мои заигрывания. Я ведь специально пальцем ударила.

— Я знаю.

— И специально тебя выводила из себя, чтобы ты обратил на меня внимания.

— Я знаю, — вздохнул я. — И оделась так специально?

— Нет... Здесь как раз всё без подвоха. Хотя, подсознательно, наверное, да.

— Ясно. Ну ладно.

— погоди! А что значит твоё «не впервой»? Ты уже это делал? Ты стирал мне память? И сколько раз?

— Да пару раз, — нехотя признался я. — Семь, если этот не считать.

— Пару?! Семь?! Да как... — она поперхнулась и попросила у меня воды, и, только смочив горло, продолжила возмущаться. — Два и семь — это большая разница, Максим!

— Я знаю.

— А я думаю, гадаю, почему мне секса с мужем не хочется, — возмущѣнно расхаживала девушка по комнате, жестикулируя руками. — Потому что меня дерут в другом месте! Ёбушки-воробушки! Прости, что выражаюсь в твоём присутствии. А я гадаю, почему у меня ноги подкашиваются после занятий с тобой.

— А! Это смешная история, — улыбнулся я. — Последние три раза ты мне очень интересную позу показывала, говорила, давно хотела попробовать, но всё не решалась.

— Со шпагатом? — Светлана на секунду остановилась на месте и посмотрела в мою

сторону.

— Со шпагатом, — подтвердил я.

— И как?

— Ну... Нормально. Но мне больше нравится...

— Стоп! Не хочу даже слышать об этом! Бедный мой муж.

— Ты замужем?

— Ты не знал?

— Откуда?

— Ну, у меня же татуировка замужества, — Светлана закатила рукав платья и продемонстрировала мне змею, обвивающую её запястье.

А! Так вот что за смешная живая татуировка на её руке.

— Так что? Стирать память? — поинтересовался я и надавил на её профессиональную мозоль. — Нам ещё нужно занятия закончить.

— Стирай, — обречённо вздохнула девушка, — и не говори мне больше, что у нас это было, и что ты стирал. Просто стирай молча. Всегда, если это снова повторится, — она сморщила лобик и подозрительно посмотрела на меня. — Серьёзно? Я это уже говорила? Мы это уже обсуждали?

— Ага, — кивнул я. — Семь раз, если не считать этого.

— Очуметь! Я попала в сексуальное рабство к малолетке.

— В добровольное! И заметь, тебе это нравится.

— Если у нас с мужем будет разлад в семье, это будет твоя вина!

— Согласен.

— Стирай давай! Нам ещё заниматься учёбой.

Самое простое проклятье забывчивости, и она ничего за последний час не вспомнит. Это легко, в этом я уже поднаторел.

— погоди! — резко выкрикнула она и схватила меня за руки, словно я этими руками собирался её гипнотизировать. — Раз уж я всё забуду, и раз у нас уже всё было, давай хоть повторим это ещё разок.

— Серьёзно?

— Серьёзной некуда!

— Такого ещё у нас не было. Это впервые, — произнёс я и увидел довольную расплывающуюся улыбку на лице Светланы.

Легким движением плечиков девушка скинула платье, оказавшись абсолютно голенькой, и улыбнулась ещё шире.

Глава 10

— Макс! Вставай! Завтрак готов! — разбудил меня звонкий голосок Миры.

— Да встаю, встаю, — пробормотал я.

Я сполз с кровати, посмотрел на часы, которые показывали восемь утра, недовольно проворчал что-то в сторону вечно бодрой и переполненной энергией Миры, и побрёл в душ.

Горячий, холодный, снова горячий. И почему у меня такое ощущение, словно я всю ночь мешки ворочал, или вагоны разгружал? Как будто кто-то не давал мне спать. Ещё и сны всякие снятся. Хотя сны — это отдельная история. Сны хорошие, яркие, живые и на душе после них так легко.

Выбрался из душа, почувствовав себя немного бодрее, добрёл до кухни и плюхнулся за стол, где уже «дымился» кофе, и свежие булочки вовсю пахли ароматной корицей и ванилью.

— Как спалось, соня? — весело прошептала Мира и плюхнулась напротив меня, держа огромную чашку сразу двумя руками и осторожно дуя в неё.

Довольное сияющее лицо, короткая чёрная ночнушка, распущенные волосы и мечтательная улыбка до ушей — Мира, как всегда, выглядела великолепно!

— Не очень! Не могу никак выспаться, — признался я. — А ты как?

— А я что? Сплю как сурок.

— Уже привыкла к новому месту? — кивнул я на маленькую раскладную кровать в углу кухни.

— Привыкла.

— Новую раскладушку заказала?

— Забыла... — тяжело вздохнула блондинка и потупила взгляд. — В понедельник точно закажу.

— Хм... А ты вообще ложились сегодня? — нахмурился я, зацепившись взглядом за небольшие несоответствия на кровати: отсутствие подушки, загнутый, как и вчера вечером, уголок простыни и аккуратно отброшенный край одеяла. Зная, как спит Мира, кровать должна быть перевернута с ног на голову, а не в первозданном виде. Как будто она лишь час на ней поспала. — Твоя кровать не тронута.

— Ложились, конечно! — фыркнула девушка. — И прекрасно выспалась.

— А как твоя подушка очутилась у меня? — нашёл я, наконец, взглядом подушку Миры на нашей большой кровати, и задумчиво нахмурился, пытаясь сложить пазл. Что-то не сходилось.

— Утром вернула на место, чтобы здесь не мешалась. Наверное... Я не помню! И вообще, это что, допрос? — Мира неожиданно смутилась и покраснела. — А скажи-ка мне, Максим! Почему вы вчера занимались со Светланой Анатольевной до самого вечера? Она что, целый день у нас провела?

— Готовились к сдаче экзамена, — пожал я плечами. — Очень интенсивно готовились.

— Я заметила. Ты вчера уснул, даже не поужинав.

— Да, Светлана выжала меня как лимон.

— Готовились они, — проворчала Мира. — Знаю, как она готовила тебя!

— Да? — удивился я прозорливости блондинки.

— Да! Специально даёт такую нагрузку и выжимает из тебя все соки.

«Соки это да», — мысленно согласился я.

— ...чтобы записать твой результат в своё портфолио. Её ученик прошёл девятилетний курс за год — это неплохая реклама.

— Точно, я как-то не подумал об этом, — покачал я головой, соглашаясь с Мирой.

— Ты её хоть накормил?

— Нет, некогда было.

— Растяпа!

— Но чаем напоил, — попытался оправдаться я.

— Ладно, но в следующий раз предупреждай, когда вы будете так долго заниматься. Я хоть приготовлю что-нибудь поесть.

— Да я и сам не знал, что так выйдет. Оно как-то само получилось. Кстати, Мир, как ты относишься к современному институту брака?

— Нормально. А что за вопрос такой?

— Да... Не могу кое-что понять. Может, ты объяснишь?

— С удовольствием. Спрашивай. Тебе ещё кофе долить? — обратила девушка внимание на мою опустевшую чашку, подскочила со своего места и через секунду вернулась, держа в руке кофейник и поглядывая на меня.

— Да, спасибо, вот смотри. Как так получается, что иметь три жены считается хорошим тоном, нормой, а трёх мужей — моветон. Почему?

— Хм... Ты же знаешь, что соотношение женщин и мужчин в Империи стремительно меняется в пользу последних. Сейчас мужчин почти в два раза больше, чем женщин. И эта разница с каждым годом всё увеличивается. Говорят, лет через триста, соотношение будет один к десяти — на одну женщину десять мужчин.

— И? — не понял я. — К чему это?

— К тому! Мужчин много, женщин мало, — повторила Мира.

— Тогда нужно сделать наоборот. Раз девушек меньше, значит, должно быть разрешено многомужество, чтобы пристроить всех мужчин.

— Н-н-нет, — Мира помотала головой, — это не так работает. Смысл не в том, чтобы пристроить всех мужчин, а обеспечить лучшую рождаемость, что ли. Вот представь, будет у женщины десять мужей — и что? Она сможет в десять раз быстрее или больше рожать? Каждый месяц? Нет!

— Хм... А в обратную сторону можно, значит?

— Выходит, что можно. Если ты можешь позволить себе содержать всех своих женщин, хорошо их обеспечить и заделать своим жёнам качественное и здоровое потомство, будущих подданных Империи, то почему нет?

— Звучит, словно мужик — это племенной самец.

— В какой-то мере. Всё на благо Империи — даже воспроизводство граждан! Да это и правильно, в какой-то степени. Мужчина, который смог привлечь сразу несколько женщин — априори хороший. Как ты так выразился... племенной самец. И дети у него будут хорошие — сильные. Это всё природой заложено.

— Хм... И как женщины к этому относятся?

— Не знаю. По-разному, наверное, — пожала плечами блондинка, откусила булочку и

отхлебнула кофе из чашки.

— А ты сама как отнеслась, если бы у твоего мужчины был десяток женщин?

— Глаза бы выцарапала! — фыркнула Мира.

— Всем десяти? — усмехнулся я в ответ.

— Нет. Ему одному.

— Хм, ты собственница, Мир.

— Да нет, — искренне улыбнулась девушка. — Если он меня любит, и я его... Я готова простить и разрешить ему три женщины. Но никак не десять. Десять — это перебор!

— То есть, ты нормально к этому относишься?

— Ну да. А что здесь такого? Тем более, такой семьёй и жить веселее и детей воспитывать.

— Я бы не смог ужиться в семье, где одна жена и три мужа. Это не моё.

— Наверное, поэтому так и не принято делать. Мужчины больше собственники, чем женщины. Какие-то исследования проводились, доказывающие, что в такой семье рано или поздно начинаются конфликты. В семье, стае, прайде должен быть только один вожак, альфа-самец.

— То есть, ты не против, если у меня будет несколько девушек? — хитро спросил я.

— У тебя? При чём тут ты и я? — нахмурилась Мира.

— Ну, в смысле, я не упаду в твоих глазах на самое дно? Не буду для тебя гулящим, развратником, похотливым козлом? Просто пытаюсь понять, как себя вести, я же теперь взрослый, — включил я дурачка.

— А, ты об этом, — отмахнулась Мирославка. — Да, пожалуйста, я буду только рада, если у тебя будет две или даже три подружки.

— Я рад, что ты не ревнивая, Мир.

— Ой! Было бы кого ревновать! — фыркнула девушка и немного покраснела.

— А что за история с тем, что обязательно нужно выйти замуж до двадцати? Прямо кровь из носу! — задумчиво спросил я. — Недавно Олька о чём-то таком обмолвилась, я не понял. Тебе двадцать один и ты замуж не собираешься.

— Не обязательно до двадцати, это такое негласное правило, — Мира допила свой напиток, отодвинула чашку от себя и села удобнее, закинув ногу на ногу и чуточку больше оголив

стройные ножки. — Всё из-за того же — женщин мало, нужно пристроить каждую и как можно раньше, в период детородного возраста.

— Негласное? — уточнил я. — То есть, не обязательно?

— Да. Но представь, вот ты такая красивая, в эпоху дефицита женщин, не хочешь выходить замуж и рожать детей. Кому это понравится? На тебя будут косо смотреть, придираются на работе. Могут, в конце концов, назначить специальную комиссию, чтобы расследовать твой случай.

— Комиссию? Что за бред? — удивился я. Впервые такое слышу и даже не подозревал об этом. Как же я ещё мало знаю об этом мире!

— Комиссия ПМС, — улыбнулась Мира шире обычного и прыснула в кулачок, не сдержавшись.

— Ладно, я понял. Разводишь меня? — осуждающе покачал я головой.

— Представь себе, но нет. Комиссия Правильной Морали Семьи. Страшные тётки, скажу тебе. Я один раз сталкивалась с ними по работе... Это просто жуть!

— Охренеть! Первый раз такое слышу. И что эта комиссия делает?

— Ну, могут выдать замуж силком, например.

— Да иди ты!

— Ну не силком, — исправилась Мира, — но сначала придут домой, посмотрят на жилищные условия девушки и покопаются в её нижнем белье, в переносном смысле, чтобы изучить вопрос и составить психологический портрет. Наведут справки у гинеколога: как часто ходит к нему данная особа, живёт ли половой жизнью и сколько у неё партнёров было за последнее время. Не дай бог девушке оказаться гулящей, или из этих.

— Из каких? — не понял я.

— Ну, из этих... — смутилась Мира. — Любительницей не колбасок и сарделек, а наоборот.

— Мира! — наигранно возмутился я. — Не знал, что ты такая пошлая.

— А я что?! Ты сам спросил! Я и так пыталась завуалировать, чтобы не травмировать твою ранимую психику.

— Ладно, проехали, — хмыкнул я. — И что дальше?

— Дальше эта комиссия берёт девушку под свою опеку. После изучения и составления психологического портрета, они выдадут ей десяток анкет кандидатов, подходящих под её психотип, потенциальных мужей.

— Какой-то сраное брачное агентство получается.

— Не выражайся! — строго нахмурилась блондинка. — Хотя, в принципе, ты прав. Сраное агентство принудительного брака.

— К нам никто не приходил, — вспомнил я.

— Пока не приходил. Я воспитывала малолетнего ребёнка, но теперь ты не малолетний, — она тяжело вздохнула. — Чувствую, скоро начнут ходить.

— Ну извини!

— Ты не виноват, — улыбнулась мне моя «кормилица».

— Это вся функция Комиссии? Подбирать мужей?

— Не только. Они хранят семейный очаг и блюдут мораль. Стоит девушке переспать с кем-то вне брака или до брака — они тут как тут, на по пороге её дома. Штрафы, может быть, даже тюремное заключение, а потом выдадут замуж уже без спроса. Если девка гулящая, её даже спрашивать не будут — отдадут на перевоспитание к специалисту.

— К специалисту? — мои брови взметнулись вверх. Сегодня прям день открытий!

— Да. Выдадут замуж за проверенного и надёжного человека, он будет заниматься воспитанием жены и отвечать за неё.

— А если не сможет перевоспитать? Если она продолжит гулять, или будет уличена в этом?

— Сможет! У этих работниц ПМС целый список таких специалистов. Я сама видела. Там даже категории есть и присваиваемые каждому воспитателю разряды. Чем выше категория, тем моложе и симпатичнее жену он получит. А если не справится — передадут другому... специалисту.

— Погоди. Так у этих специалистов по десятку жён на перевоспитании, что ли? — задумался я над вырисовывающейся в моей голове картиной.

— Почему по десятку? Девушку дают только на перевоспитание, а не в пожизненное владение. На передержку — на один-два года. Потом официальный развод, а далее перевоспитанную женщину и, теперь уже порядочную жену, отдают другому мужу, с которым она построит семью и нарожает детишек.

Охренеть! На передержку!

— Мир. А ты сама замуж собираешься? Я так думаю, тебе лучше самой подсуетиться, пока Комиссия не нагрязнула. Напугала ты меня, однако!

Мирослава снова покраснела и задумчиво покрутила в руках свою пустую чашку.

— Собираюсь. Ты забыл про Николая, который к нам в гости приходил?

— Ты хотела за этого упыря замуж выйти?

— Как будто у меня есть выбор? — фыркнула Мира. — Я же нигде не бываю, работа-дом, дом-работа. И выбор мой сводится к Николаю, так как он казался на тот момент самым нормальным вариантом, или к теткам из Комиссии по Морали.

— Да уж... А сейчас? Есть кто-то на примете?

— Да нет никого, — тяжело вздохнула блондинка и тихонько добавила, — да и не сильно хочется последнее время. Наверное, переросла или привыкла обходиться без мужчины. Раньше хоть организм требовал, а последнее время и он молчит.

— Давай так, если за год не найдёшь себе мужа, я, так и быть, женюсь на тебе. Правда, блондинки не в моём вкусе, — я преувеличенно-фальшиво поморщился.

— Ох! Вы посмотрите на него! От горшка два вершка, а у него уже вкус есть! — возмутилась Мирослава. — Спасибо, господин Климов, за такое щедрое предложение! — фыркнула она. — Я уж как-нибудь сама, хоть и сирая и убогая, и не вышла лицом, но найду себе мужа!

— Мир, а шутки это не твоё, да? — попытался успокоить я разошедшуюся на глазах фурию.

— Да иди ты!

— Ладно, — поднялся я со стула, и, как оказалось, не зря, — но в каждой шутке есть доля правды. Если через год всё ещё будешь никому не нужной старой девой и не найдёшь мужа...

От чашки, запущенной в меня, я легко увернулся, как и от блюда. Развернулся и, пригнувшись, рванул подальше от опасности. Над моей головой просвистела тарелка, затем разделочная доска и сахарница. А через секунду я уже прятался от Миры на нашей террасе.

— Ладно, — отдышавшаяся и заметно успокоившаяся минут через пять Мира посмотрела на часы, — собирайся, поедешь со мной.

— Куда? — удивился я и тоже взглянул на часы — 8:30. Никаких планов на такую рань у нас, вроде, вчера не было.

— Ко мне на работу.

— Сегодня же суббота — у тебя выходной. Забыла?

— Последняя суббота месяца, отчёты. Альбина Петровна просила выйти весь коллектив. После работы обещала проставиться.

— Хм. А я тебе там зачем?

— Покажу тебе, как всё устроено. Как мы работаем.

— Зачем? — не сдавался я.

— Может, немного ума наберёшься, — хмыкнула блондинка и добавила, сжалившись надо мной. — Хочу, чтобы ты определился с дальнейшим выбором профессии.

— Так я вроде определился уже.

— Знаю, на что ты определился, — поморщилась Мира. — Но с твоими данными... Всё же глянешь, где я работаю, чем занимаюсь. Может, выберешь экономическую стезю.

— Ладно, поехали, — согласился я и пошёл переодеваться. — Давно хотел глянуть, что там у вас происходит, и чем ты занимаешься.

— Правда? — обрадовалась девушка.

— Да, правда. Почему удивляешься?

— Не думала, что ты так быстро согласишься.

— Ради тебя, Мир — я готов на всё! Даже на это.

— Да иди ты, маленький льстец! — обрадовалась она, подбежала к шкафу стянула через голову ночнушку, забыв отвернуться, и ненароком продемонстрировала мне свои упругие полушария с крупными напряжёнными розовыми бусинками.

Такое чувство, словно я это уже видел. Точно видел! Она мне снилась именно такая, всё с точностью до мельчайших подробностей. И сон был таким правдоподобным. Только сейчас это вспомнил.

— Эй! Отвернись! — возмущённый возглас Миры вывел меня из размышлений.

— Прости, задумался! Я ничего не видел, если что.

— Ничего не видел он... — проворчала Мира, шурша одеждой.

Офисное здание, где работала Мирослава, выглядело необычно. Трёхэтажное сооружение в черно-золотом исполнении стояло в небольшом сквере в самом центре города. На входе серьёзная пропускная система, досмотр, сканер, и пятёрка подозрительных охранников, сверлящих всех входящих и выходящих суровыми, подозрительными взглядами.

Даже не знаю, как меня пропустили. Может, Мира спланировала и договорилась о моём визите заранее, а может, достаточно того, что меня привела она. Не знаю.

Мы поднялись на второй этаж, отметились на ресепшене у симпатичной девушки в чёрных кожаных штанах и пошли дальше по пустому просторному офису. Самый обычный офис:

большие столы, кресла, стильные лампы, свисающие с потолка, зелёные деревья в больших горшках, понатыканные на каждом углу.

— А где все? — повертел я головой, но так и не увидел ни одного человека.

— Будут к десяти.

— Ясно. А твоё рабочее место где?

— Моё — вот.

Мы остановились возле большой двери из матового стекла, Мира приложила ладонь к боковой панели и дверка легко отъехала в сторону, пропуская нас внутрь.

— Ого! А у тебя тут круто! — повертел я головой. — Да этот кабинет больше чем наша квартира.

— Не больше! — возразила Мирослава, затем огляделась по сторонам, нахмурилась и задумчиво проговорила. — Ну, может чуть-чуть.

Большое пятиметровое панорамное окно от пола до потолка, белый рабочий стол, белые стены и розовое кресло. Неплохо она устроилась. Может, действительно пойти учиться на экономический? Хотя, нет. Не моё это.

Мира села за свой стол, активировала огромный интерактивный экран и принялась что-то стучить на нём, а я заскучал.

— Мир! — отвлёк я девушку от работы.

— Что?

— Я пойду погуляю, если это не запрещено. Чтобы не мешать тебе.

— Хорошо, иди, — задумчиво кивнула Мира, уйдя с головой в работу. — Там есть столовая, кофе, печенье... Если не разберёшься, спроси у Мики.

И я погулял. Конечно же, как молодого озабоченного парня меня потянуло туда, где есть симпатичные девушки, или как минимум одна.

— Привет! — снова поздоровался я с девушкой на ресепшене. — Меня зовут Макс.

— Мика, — представилась она и вежливо дежурно улыбнулась.

— Привет, Мика. Давно работаешь здесь?

— Уже два года.

— И как тебе?

— Хорошо, — пожалала девушка плечиками. — Работка не пыльная, платят хорошо. Сижу здесь, строю глазки сотрудникам, улыбаюсь, разношу кофе.

— Наверное, ты знаешь больше, чем любой из этих, — я брезгливо кивнул в сторону пустующего офисного зала.

— Да, возможно, — более искренно улыбнулась Мика. — Я умею слушать, а меня воспринимают больше как предмет мебели, а не как живого человека. Никто не стесняется при мне говорить откровенно.

Удивительно, что может сделать самое простое человеческое отношение, добрые слова и... и проклятие «потрепаться и выболтать всю правду первому встречному», накинутое на Мику. Девушка оказалась кладезем информации. Она знала, кто с кем спит, кто кого недолюбливает, кто презирает, кто подворовывает из офиса кофе и кого назначат следующим начальником этого большого здания. Но меня больше интересовала информация о моей Мире.

У Мирославы отношений ни с кем не было. Такая маленькая белая офисная ворона. Хотя, многие парни хотели видеть её если не женой, то хотя бы своим трофеем. И это неспроста — Мира вторая красавица офиса, по мнению черноволосой Мики, сразу после неё. Кстати, Мика, несмотря на её откровенный внешний вид, тоже ни разу не дала слабину и ни с кем из сотрудников не состояла в отношениях. Даже в разовых. Вернее, тем более в разовых.

Мою Миру недолюбливали. За её ум, за работоспособность, за нежелание выслуживаться перед начальством. За то, что она была кандидаткой на пост главы, вместо Альбины Петровны, уходящей через пару месяцев на повышение.

— Но! — по секрету, наклонившись к моему уху и продемонстрировав мне своё шикарное декольте, сказала разговорчивая под моим проклятьем Мика. — Никто Мирославке повышения не даст.

— Почему? — удивился я.

— Альбина Петровна сюда своего братца хочет поставить. Уже все документы о его переводе подписаны. Твою Миру никто не поставит на руководящую должность, она слишком хороша на своём месте, её даже некем заменить.

— Забавно. Спасибо, Мик. Я твой должник, — подмигнул я девушке, распрощался с ней и пошёл навстречу Мире, которая уже всю искала меня и, обнаружив на ресепшене, шла в мою сторону с ревнивым и не сулящим ничего хорошего, взглядом.

— Пошли со мной, — строго сказала блондинка и стрельнула злым взглядом через моё плечо в сторону Мики.

Не знал, какая она строгая и жёсткая на работе. И с чего вдруг такая ревность? Может, у них

какие-то личные тёрки? Нужно было спросить и брюнетки, хотя, это не так уж и важно. Самое главное — узнать я успел, и источник попался очень надёжный.

— Куда идём?

— Посидишь у меня в кабинете, — проворчала Мира, — от греха подальше.

А ведь и правда. Брюнетка, не сильно стесняясь, начала откровенно постреливать в мою сторону глазками во время нашего разговора. И если бы я включил своё природное обаяние ещё сильнее, до греха было рукой подать. Эх! Влажные подростковые мечты.

— А домой когда? — снова начал канючить я как маленький ребёнок, у которого отобрали игрушку.

— Серьёзно? Мы только пришли, Максим! — Мира сбилась с шага, обернулась и удивлённо посмотрела на меня.

— Скучно здесь у вас.

— Я хотела познакомить тебя с Альбиной, моей начальницей.

— Хорошая женщина?

— Стерва!

— Тогда не горю желанием.

— Ладно. Через час, — тяжело вздохнула блондинка. — Мне пару отчётов сделать, и я буду свободна.

— Отлично. Лучше в парк смотаемся, съедим мороженое и прокатимся на антигравитационных каруселях, чем сидеть в этом душном здании.

Мы ушли раньше, чем пришла основная часть сотрудников. С десятков сонных мужчин сидел за своими столами, клацали в большие экраны и даже не обратили на нас внимания, когда мы выходили из кабинета Миры.

— Сколько у вас человек работает?

— Сто восемнадцать, — не задумываясь, мгновенно ответила Мира, — если не считать сотрудников на удалёнке и на аутсорсе.

— И что ты там делаешь? В чём твоя функция заключается?

— Я считаю деньги, как и куда они уходят. Рационально используются средства компании или нет. Я аналитик второго класса.

— Ясно, что ничего не ясно.

— Как тебе мой кабинет? — оживилась Мира, пока мы шли по скверу в сторону стоянки такси.

— Шикарный, — не соврал я.

— Ты не видел кабинет Альбины. Вот там точно шикарный. Когда-нибудь он будет моим.

— Не будет, Мир.

— Почему это? — девушка нахмурилась.

— Ты слишком хорошо работаешь на своём месте. Идеально даже. Какой смысл тебя повышать? Туда возьмут кого-то из своих.

— Ну не скажи, — Мира покачала головой, не соглашаясь.

Я тяжело вздохнул.

— Мир, сколько начальников уже поменялось при тебе?

— Четверо.

— И почему всё ещё не взяли тебя на эту должность?

— Не знаю. Ладно. Лучше скажи, как тебе здесь вообще? Что думаешь? Жаль, что ты с ребятами не познакомился.

— Честно?

— Да.

— Мир, это не моё. Наверняка, у вас там процветают интриги, сплетни, ссоры. Нездоровая атмосфера... Какая-то тяжёлая аура, — соврал я.

— Это правда, — Мирослава вздохнула, — но зато платят хорошо.

— Не сказал бы. Или ты где-то прячешь свои миллионы? Под подушкой? Ты сапожник без сапог — хорошо считаешь чужие деньги, а посчитать свои не можешь. Вернее, посчитать то, что тебе не доплачивают.

— Перспективы... — начала Мира, но я перебил её.

— Мир, у тебя шикарный кабинет, но тебе платят, словно ты работаешь уборщицей. Ты работаешь за еду! Совсем недавно ты работала по двенадцать часов без выходных. Тебе внушают твою значимость и машут перед носом пряником под названием «потерпи, ты

станешь здесь главной». Я поговорил с Микой, она многое знает и многое слышала.

— И?

— Ты не думала сменить профессию? Эта работа не для тебя.

— До этого разговора, нет, — Мира хмыкнула. — Теперь задумалась. Но я ничего другого не умею, только считать цифры и деньги.

— Не скромничай, Мир. Ты умеешь вкусно готовить, рисовать, даже петь. Я слышал, как ты поешь в душе.

— Ой! — она смутилась. — А я думала, что делаю это тихо.

— Не очень. У нас отличная слышимость и плохая звукоизоляция. Всё, что ты там делаешь, слышно.

— И даже...

— И даже это...

— Бляха! Прости, — она покраснела как спелый томат, а я лишь хмыкнул.

Ну да, бывало несколько раз, я слышал, как она расслаблялась в душе. Молодой организм требовал выхода накопившейся энергии — я её понимал. Странно, последние пару месяцев я этого не слышу. Ну ладно, чего я об этом размышляю?! Это немного невежливо и некрасиво.

— Мир, ты подумай над моими словами.

— Спасибо, Макс, я обязательно подумаю, — кивнула девушка, наморщила свой лобик и проворчала. — Сводила на свою голову к себе на работу... Хотела показать, похвастаться, завлечь. Теперь сама в поиске.

Глава 11

—Я ничего не помню о своей прошлой жизни... Жизнях...

«Тебе и не нужно помнить».

— Ты многое знаешь.

«Да».

— Как мне вспомнить?

«Никак».

— Я хочу! Я должен вспомнить!

«Нет, ты помнишь ровно столько, сколько должен помнить».

— Да пошел ты на хер! Значит, это ты сделал со мной? Закинул сюда и лишил памяти?

«Да».

— Я всё равно вспомню!

«Нет, не вспомнишь».

— Вспомню, сука! Вспомню!

«...»

Я и не заметил, как прошел год. Целый год я здесь, в этом необычном мире. Он мне нравился. Да, этот мир не без изъянов, но он интересный, загадочный, молодой. Такой молодой — тут всё только начинается. Словно это самый расцвет человеческой эпохи.

Интересно, если бы я помнил свои прошлые жизни, хотел вернуться в одну из них или нет? Загадка. Может, меня там ждут друзья, дети, жёны, любимые. А может враги, желающие вонзить нож мою грудь. Если я исчезну из этого мира, никто даже не будет горевать по мне. Только Мирославка. Ну и Олька, наверное. Но это мир мне уже дорог. Я не хочу больше никуда исчезать.

Год и один месяц. Вот это я тупица! А ведь пора ставить третий Узор. Вот только Перерождение я так и не вспомнил, и есть подозрение, что не вспомню никогда. Неспроста это всё. Тогда что? Какой Узор будет третьим?

Нужно что-то такое, чтобы я перестал, наконец, с опаской оглядываться по сторонам или отсиживаться каждый раз после использования своего Дара. Сраный Дар! Хотя ладно, Дар неплохой, а вот побочка от его использования.

И какие варианты у меня есть? Регенерация — не панацея, она не спасет меня от всего, вернее, не вытащит. Стальная кожа — не вариант, это полумера. Я банально могу умереть от яда или подавившись чем-то. Ну да, подавившись — это я загнул, конечно. В этом случае даже моя регенерация будет бесполезна, как ни странно. А с моей удачей подавиться, захлебнуться или отравиться несвежими анчоусами — раз плюнуть. Тогда что? Что такого поставить, чтобы, сука, жить нормально?!

Был в моей дырявой памяти смешной Узор. Точнее, со смешным названием. Нужно быть идиотом, чтобы поставить его на себя, или мазохистом. Маленькая временная петля на своё тело. Опасная штука! Можно запереть себя в петле, словно в аду, и умирать сотни, тысячи раз, пока твоё сознание не сломается, пока ты не перестанешь быть собой, или пока Сила не иссякнет, и ты не умрёшь окончательно. Опасная штука.

Узор Сурка. Не знаю, кто его так назвал. Наверное, это чья-то глупая шутка. Шутка — умирать бесконечно. Хотя, что-то в нём было.

Я достал бумагу с карандашом и принялся чертить Узор на листке, восстанавливая его в памяти и заставляя руку «вспомнить». Узор Сурка. Интересно, почему он так называется? При чем тут сурок, но раз я назвал его так. Погоди, я? Да, я. Этот Узор я вывел сам. Наверное, это единственный мой Узор. Модификация Узора Перерождения, с вплетёнными в него линиями Узора Рывка, Ускорения и Якоря, поставленного самим на себя. И всё это закрутить в бесконечную спираль, водоворот узоров.

Интересно, почему я не использовал его в прошлой жизни? Я замер над листком и задумался, пытаюсь вспомнить. Память нехотя выдавала порцию воспоминаний за порцией, словно я проталкивался через плотный густой кисель.

Или я использовал его, но всё равно умер? Всё же это не универсальная пилюля от смерти. Можно, например, связать носителя Узора и убить его через час. Толку, что я вернусь после смерти на 5 минут назад, в то же связанное положение, и снова сдохну? И так раз за разом... Каждые пять минут глупая, бесполезная смерть...

Или я придумал его, когда на моем теле уже не было места для нового Узора? Как вариант. Точно! Он ведь не совместим с Перерождением. Оба узора завязаны на гибель владельца — это конфликт. Смешно.

Нужен он мне сейчас? Да, как бы. Выбора у меня особого нет. Если вспомню Перерождение, всегда смогу сжечь, «стереть» Узор Сурка со своего тела.

Хм, а могу я сделать обратное? Вывести, вычленив Узор Перерождения из Узора Сурка. Наверное... Вот только как я узнаю об этом? О том, что Перерождение работает. Никак. Вернее, методом пробы. Всего лишь нужно нанести Узор и умереть, потеряв это тело навсегда. Да уж, так себе вариант. Но так я делать не буду, по крайней мере не сейчас и не без особой нужды.

Решено! Узор Сурка. Я взял небольшой нож, подошёл к зеркалу, ещё раз взглянул на лист бумаги, вспоминая каждую закорючку фрактала, и принялся рисовать. Два с половиной часа кропотливой работы. Без перерыва, отдыха и перекуров. Это того стоило. Я взглянул на слегка порозовевшую, испещрённую царапинами воспалённую кожу, мысленно коснулся Узора и влил в него Силу, активируя. Царапины полыхнули ярким светом и тут же пропали, смываясь регенерацией, словно морской волной с песка. Дело сделано.

В голову пришла неожиданная мысль, и я, немного погоняв её между извилин, решительно кивнул сам себе. Мысль неплохая. Нужно всё предусмотреть заранее и позаботиться о таком варианте.

Вызвал к дому такси, переоделся и через пару минут был на улице. Машина уже ждала меня. Я запрыгнул на заднее сидение и задумчиво замер.

— Куда едем, парень? — отвлёк меня водитель, седой усатый дедок, годков так под шестьдесят. — Ты не указал пункт назначения, когда делал заказ.

— Да я и сам ещё точно не решил, — признался я. — Мне нужен магазин оружия. Не знаете, есть где-то поблизости?

— Магазин оружия... — задумчиво подёргал себя за усы дед. — Нет такого у нас в городе. По крайней мере, я не помню такого... А я здесь всю жизнь прожил!

Засада... Не кухонным же ножом мне играть.

— Может, подойдёт «Рыболов и Охотник»? Там, кажется, есть какое-то оружие. Правда, охотничье.

— Пойдёт! — обрадовался я. — Поехали!

Машина беззвучно тронулась с места, я откинулся в кресле и задумчиво уставился в макушку водителя. Интересно, почему в таком технологичном и цифровом мире люди всё ещё работают таксистами? Автопилоты ведь давно используются и очень успешно — это обыденность. Хотя, может, есть какая-то квота на работающих людей, чтобы они не жили на пособие. Например, двадцать процентов обслуживающего персонала должно состоять из живых людей. А может, дело в другом. Забавно, а ведь знаменитые фантасты прошлого, предрекающие засилье роботов, работающих на благо и вместо людей, немного ошиблись в прогнозах.

Так и вижу эту картинку перед глазами, которую они предсказывали: люди живут в своё удовольствие, читают книги, гуляют, путешествуют, рисуют картины, пишут стихи, занимаются творчеством и умственным трудом. Живут в раю. А всю тяжёлую и грязную работу делают роботы: носят грузы, убирают мусор, моют, обслуживают.

Да уж... Предсказание получилось с точностью до наоборот. Оказалось, что написать текст для статьи или нарисовать картину для робота, для искусственного интеллекта — раз плюнуть! А разгружать машину с тяжёлыми грузами или выполнять простую физическую работу — дешевле нанять живую рабочую силу, чем использовать для этого дорогостоящую и технически сложную замену.

Люди думали, что сначала роботы оставят не у дел обычных работяг, тех, кто трудится на производстве или шоферит. Затем переключатся на профессии, которые не связаны с физическим трудом, но не требуют высокой квалификации. А затем и на те, что требуют — типа программистов. В последнюю очередь пострадают те, кто занят творчеством. На самом же деле ИИ зашел с противоположного конца. Если не ошибаюсь, всё началось с нейросетей, рисовавших картинки.

Трудяги до сих пор крутят руль, разносят посылки, грузят и разгружают, а вот журналисты, художники, писатели, композиторы и актёры отправились «на пенсию» первыми. Грустно...

— Приехали, — объявил водитель, прижавшись к обочине. — Магазин справа за углом.

— Спасибо! — я коснулся своим браслетом экрана терминала, оплатив поездку, и вышел.

Неприметный вход со скрипучими дверями и древней вывеской пустил меня внутрь магазина. Здесь было не так ярко, как на улице, и, пока глаза привыкали, я растерянно замер на пороге. А через пару минут, освоившись, уже бродил между рядами, осматривая товар на витринах. Ружья, фонарики, сети, силки, головы зверей на стенах, разнообразное походное снаряжение и даже лодки — всё не то. Мне бы что-то компактное, небольшое и не вызывающее вопросов.

В самом дальнем углу магазинчика наткнулся на стеклянный стенд с ножами. Большие, маленькие, разделочные, охотничьи, для рыбалки, складные, выдвижные — Тьма!

— Вас что-то заинтересовало, молодой человек? — вынырнул откуда-то немолодой уже мужчина в камуфляжной одежде.

— Да... — задумчиво пробормотал я и ткнул пальцем в стекло. — Можно посмотреть вот этот?

— Хм, а вам для каких целей? — то ли для поддержания разговора, то ли из профессионального интереса спросил он, открывая замок витрины и протягивая мне небольшой нож с тонкой деревянной рукояткой.

— Для охоты, — ответил я, — чтобы не портить шкурку и убить животное как можно более гуманно и безболезненно. Милосерднее.

— Хм, — хмыкнул мужчина, — странное решение. Но этот нож точно подойдёт для ваших целей.

Короткий кинжал с 15-сантиметровой рукояткой и точно таким, тонким, расходящимся лепестком лезвием. Похож на нож для колки льда.

Я покрутил его в руке. Лёгкий, острый, металл очень прочный на изгиб, рукоятка хоть и гладкая и тонкая, но хорошо лежит в руке и ни капли не скользит.

— К нему ещё такой чехол в комплекте идёт, — протянул продавец мне небольшой деревянный футлярчик.

Я вогнал нож в чехол, залюбовался получившейся аккуратной тридцатисантиметровой палочкой и покрутил её в своих пальцах вертолётom. Элегантно.

— Возьму три штуки, — определился я с выбором.

Один в любом случае потеряю, второй сломаю, с моим-то везением. А третий... Надеюсь, третий никуда не денется и послужит мне верой и правдой. Ну или просто послужит.

— Три? — удивился продавец.

— Три, — подтвердил я.

— У нас есть только два.

— Хорошо, заверните.

Два тоже хорошо. Потом ещё прикуплю. Где магазин — я теперь знаю.

— Гарантия на ножи десять лет, — торжественно объявил продавец и, не моргнув, озвучил мне цену. — С вас триста пятнадцать рублей, вместе с налогом.

— Почему так дорого? — слегка, а может и не слегка, удивился я.

— Ножи не определяются металлодетекторами и не светятся на сканерах.

— Что за ножи такие? — проворчал я. — У вас же, вроде, обычный охотничий магазин, а не шпионский.

— Охотники такие люди, — пожал мужчина плечами, — которые не любят отдавать свои вещи посторонним и расставаться с ними надолго. А нож — это вообще личное, почти интимное.

— Ясно... Ладно, беру. Давайте терминал, пока я не передумал.

Дороговато, но нужно.

Я оплатил покупку и вышел на улицу под яркое весеннее солнышко. Ну что ж, дело сделано! Один нож в кармане курточки, второй в заднем кармане брюк. Они почти ничего не весят и не ощущаются, так что мешать не будут, а вот послужить, может, и послужат ещё. Может, я зря переживаю, и ситуации, в которой мне придётся их использовать, никогда не возникнет. Но лучше быть готовым ко всему.

Мой первый мизерикорд. Забавно. А ведь и правда похож. Мизерикорд, кинжал милосердия. Его использовали для добивания поверженного противника, для быстрого избавления от смертных мук и агонии, либо для убийства коня противника, бесполезного с точки зрения продажи.

Удар таким оружием назывался «ку-де-грас» — «удар милосердия». В Японии такое оружие известно под названием «ёрой доси» — «сокрушитель доспехов». Наибольшее распространение мизерикорд получил у рыцарского ордена госпитальеров, у которых подобное оружие входило в обязательную часть вооружения.

Откуда я это всё знаю, интересно? Не важно, главное — я всё сделал, что задумывал. Осталось проверить Узор Сурка.

«Может не нужно?» — предательски пискнуло где-то на задворках сознания моё чувство самосохранения.

«Нужно!» — ответил я ему, загнал подальше и пошёл бродить по городу в поисках

подходящего для моей затеи места.

Место я нашёл через час блужданий. Хорошее такое место — как раз, как я люблю. Долго смотрел на сто пятьдесят метров пустоты под собой. Пятьдесят этажей — это высоко. Пять секунд, как я однажды сказал Оле. Пять секунд полёта.

Страшно будет только в первый раз, пока я точно не узнаю, работает Узор или нет. Должен работать, он же полыхнул при активации. Но правильно ли он работает, всё ли я рассчитал и учёл? Вот в чём вопрос. Не попробуешь — не узнаешь.

И испытать его нужно — кровь из носу, чтобы знать свои возможности. Чтобы точно знать и быть уверенным в них — не сомневаться, не медлить, не колебаться. Наверное, я псих! Нормальный, обычный человек не будет этого делать. Возможно, я не обычный человек.

Я отошёл от края крыши и принялся расхаживать по ней. Нет, я уже не колебался — я принял решение. Просто нужно всё точно рассчитать. Даже время, тем более время. Включил десятиминутный таймер на часах и принялся ждать.

10 минут... 7... 3... 0.

Таймер противно запищал, сигнализируя об окончании отсчёта, я растянул губы в улыбке психопата, разогнался, оттолкнулся от края крыши и прыгнул. Пять секунд свободного падения, и мир вокруг меня погас. Погас, чтобы через секунду снова загореться ярче обычного.

Я точно псих! Это было... Это было необычно и поучительно! И у меня всё получилось — это главное! Я больше не умру просто так! Сердце билось в груди так, что казалось, вот-вот выпрыгнет, адреналин стучал в висках, а на моём лице расползлась самодовольная улыбка. Головокружение, небольшая потеря ориентации — я едва удержался на ногах. Пришлось присесть на нагретую солнцем поверхность крыши и немного посидеть так.

Я взглянул на часы, на таймер, отсчитывающий оставшихся пять минут. Всё верно — я вернулся на пять минут назад, как и планировал. Всё ведь работает! Фух! А я ведь нервничал — значит, я не псих. Я исследователь, я экспериментатор, я творец! С творцом я, конечно, перегнул, но это адреналин говорит в моей крови, а не я. Но это было круто!

Ты идиот, Макс! Что было бы с Мирой, найди оно твоё тупое тельце на асфальте? Хорошо хоть выбрал не наш двор, а забрался на здание совсем в другой части города. Правда, утешало это мало, моё ДНК есть в базе, и Мира всё бы узнала. Идиот!

Но я ведь жив! Да и шансов умереть у меня было очень мало на самом деле, я ведь не дурак. Просто нужно было перебороть себя в первый раз, показать самому себе, что умирать — такое же обыденное дело как сходить в туалет. Нужно будет сделать это ещё несколько раз, выработать привычку. Но чуть позже, сейчас я просто полежу на тёплой крыше, подставив лицо весеннему солнцу. Нужно немного привести мысли в порядок.

Я лёг на спину и прикрыл глаза.

До вечера я сделал это ещё семь раз, приучая своё тело не бояться. Каждый раз это давалось всё легче и легче. Я был прав — главное сделать первый шаг, в моём случае первый прыжок, чтобы побороть встроенные в тело рефлексy и природную боязнь высоты, или падения с высоты.

Домой возвращался в приподнятом настроении духа. Налетался, наумирал, получил удовольствие и выпустил пар. Да это почти так же весело, как секс! Хотя нет. Секс гораздо интереснее и приятнее. А вот предсмертное чавканье тела об асфальт и короткая вспышка боли всё портили, но я старался не заикливаться на этом. Тихонько насвистывая популярную мелодию себе под нос, свернул в тёмную арку, ведущую к нашему дому, и не заметил, или не обратил внимания на неуклюжую тень, отделившуюся от стены. А через секунду прозвучал первый выстрел, и резкая боль прошла мою лопатку и обожгла грудь. Сука! Сквозное...

Я прыгнул в сторону, уходя от следующей пули, и пьяными зигзагами рванул на свет в конце тоннеля. Символично. Второй выстрел я уже не услышал, лишь догадался о нём. Моё сознание поглотила тьма. Выстрел в голову так просто не пережить, даже с моей регенерацией.

И вот я снова иду по темной улице. До дома пять минут ходьбы, и лёгкое дежавю не отпускает меня. Нет, вру — не лёгкое. Наверное, такое везение со мной впервые за последний год. Нет, не пуля от неизвестного, а то, что я умудрился поставить Узор именно сегодня, а не отложил это на завтра, например... Повезло. Мне очень сильно повезло!

Выстрел в голову. На поражение. Неожиданно! А поговорить? А сказать, за что? Он просто молча взял и выстрелил. И кто именно «он»? Грабитель? Захотел отжать денег у одинокого усталого путника? Что-то я не слышал о криминальных элементах в нашем районе. Да и не похож. Я напряг память, вспоминая детали увиденного мельком. Слишком он хорошо был одет. Да и внешность интеллигентная, точно не грабительская. Ещё и дорогие часы на руке, чистые новенькие ботинки. Странно. Устранение конкурентами? Какими конкурентами? У меня их в этом мире точно нет. Да и дорогу я не успел никому перейти. Вроде... Может, перепутали с кем-то? Может быть.

Снова эта тёмная арка. Я немного замедлился, затряс ногой и тихо выругался. Достаточно тихо, чтобы человек, прятаящийся в арке, услышал. Сделал несколько неуверенных шагов и снова выругался.

— Да что ж такое! — проворчал я и опустился прям напротив него.

А хорошее он тут местечко нашёл — если не знать о том, что он здесь стоит, ни за что не догадаешься. Рывок, нож к горлу. Вот и пригодился ножичек, хотя и не для этого был приобретен.

— Ты кто такой? — прошипел я ему в лицо и сжал его руку с пистолетом, направленным в

землю.

Он рыпнулся раз-второй. Дёрнул рукой, пытаясь вырвать её из моего цепкого захвата, и как-то сразу резко поник, расслабился и сдался. Это точно не убийца!

— Николайчук... — тихо ответил мужчина на мой вопрос.

— И? Мне это о чём-то должно сказать?

— Я муж...

— Муж? Чей муж? — не понял я и чуточку усилил нажим лезвием.

— Светланы Анатольевны Николайчук.

О! Так это моя учительница, вроде... Бляха-муха! Так это всё из-за ревности, из-за случайных рогов? Даже как-то обидно. Вот и расплата за связь с замужними женщинами. И заодно урок на будущее — держи ширинку на штанах на замке. Не все мои похождения закончатся так просто, можно отгрести серьёзные неприятности. Тем более тут какая-то хрень творится с этой Комиссией по Морали. Мне с ними пересекаться точно не с руки.

— Ты трахаешь её! Я это знаю!

— Это она тебе сказала? — на всякий случай уточнил я.

Мои глаза уже достаточно привыкли к темноте, и я разглядел перед собой мужчину с аристократическими чертами лица, острыми скулами и тоненькими чёрными усиками под носом. Можно сказать, он был симпатичный. Повезло Светке с мужем... А вот ему с ней, похоже, не очень.

— Нет. Я сам понял. У Светланы есть одна особенность, — он заметно смутился. — После секса у неё всегда расширены зрачки и горят щёки.

Хм, а я ведь тоже заметил это, но не придал значение. Да я и о муже только в последний наш раз узнал.

— Я проверил её расписание, — продолжал изливать душу несчастный Отелло, — в эти дни она была только у тебя. Особенно в последний. Вы уже совсем не стесняетесь, да? — гораздо громче и злее спросил он. — Жахаетесь там целый день! — мужчина гневно посопел, сверля меня взглядом и продолжил. — Ты дурак! Она тебя просто использует. Я ведь не первый раз её ловлю на этом.

— И убиваешь всех её любовников? — хмыкнул я.

— Нет... — заметно смутился муж Светки. — Ты первый, кого я решил. Просто она ни с кем больше одного раза. А с тобой как минимум трижды. А последний раз вы вообще... Целый день напролёт.

— Может, тогда ты лучше жену грохнешь, чем будешь охотиться за её любовниками? — усмехнувшись, предложил я. — И пули сэкономишь.

— Не могу, — принял он мои слова всерьёз. — Я люблю её и готов терпеть эти проделки. Был готов... Пойми, парень, — принялся Светкин муж увещевать меня. — Ты молодой, доверчивый, юный, наивный. Не нужна она тебе! Она использует тебя и выкинет, а ты будешь страдать. Я знаю, я это проходил. Потом очередной Светкин ученик стоит у нас под окнами и не желает уходить без объяснений.

Тяжело ему. И что мне с ним делать? Ну не убивать же. И оставлять так просто нельзя, он снова припрётся с пистолетом. Доверчивый и наивный, говоришь? Ну-ну...

«Да чтоб ты был таким доверчивым и наивным, каким считаешь меня!»

— Слушай, Николайчук... У меня с твоей женой ничего не было.

— Правда? — доверчиво глянул он в мои глаза и расслабил хватку на пистолете.

— Правда, — соврал я. — Поверь мне! Светлана любит тебя. Очень сильно! Постоянно говорит о тебе.

— Да?

— Да. Иди домой. Сделай ей ванну с пузырьками, зажги свечи и устрой романтический вечер. Девчонкам такое нравится. И купи цветы, и подарок обязательно.

— А если не сработает?

— А если не сработает, значит, она тебя не достойна. Разводись и женись заново. Ты же симпатичный мужик! Не опускайся до вот этого, — я кивнул на пистолет в его руке. — Сломаешь жизнь и себе, и ей, и её очередному воздыхателю, и его семье. Столько судеб сразу.

— Я понял, прости... — он потупил виноватый взгляд в землю.

— Иди домой, — я убрал нож в карман и внимательно посмотрел в его глаза.

— Спасибо! — кивнул он, спрятал оружие и уверенным шагом двинулся навстречу своей новой жизни.

Надеюсь, у него со Светкой будет всё хорошо. Хм, из-за баб я ещё не умирал. Наверное.

Глава 12

Домой я вернулся поздно. Пока прогулялся по пустынным улицам (хотя полностью пустынными они здесь не бывают, даже ночью кто-то куда-то идёт или едет), пока пообщался с мужем Светланы. От рук ревнивых мужей я ещё не умирал. Хотя, всякое могло

быть. Может, я и сам когда-то был точно таким мужем, всё может быть.

Со Светланой, кстати, нужно прекращать. Скоро сдам экзамены и оставлю этот этап за плечами. Хотя, она мне реально помогла справиться с гормональным подростковым всплеском. Хорошая девушка и преподавательница.

Домой я вернулся ближе к полуночи. Получил строгий выговор от обиженной Миры за позднее возвращение, поел и пошел спать. В эту ночь Мира мне не снилась, видимо, обиделась сильнее, чем я думал. Или я просто устал.

Проснулся, позавтракал, прочитал традиционную записку на столе от моей блондинки, убежавшей на работу. И задумался. Деньги как вода. Я задумчиво тыкал в электронный планшет и смотрел/любовался/горевал над своим банковским счётом. Вернее, над суммой на счету.

Поиздержался я — сто пятнадцать рублей это не та сумма, с которой стоит начинать взрослую, независимую и самостоятельную жизнь. Благо, уроки у Светланы Анатольевны оплачены наперёд, коммуналка на три ближайших месяца, а на одежду и еду я уже тратился не так сильно. Но сто пятнадцать! Это будет маловато, даже с учётом стипендии за девятый класс. Стипендия в размере пяти с копейками сотен меня тоже не сильно спасёт. Есть всё-таки минусы в сдаче экзаменов сразу за год — стипендию начисляют по какому-то мифическому коэффициенту и от хорошей сумму остаются лишь слёзы. Эх.

Может, зря я купил эти ножи? Думаю, нет. Рано или поздно они мне понадобятся — жопой чую! А вот с деньгами нужно что-то решать.

Мне скоро поступать, в там и расходы появятся: книжки, форма, взносы какие-нибудь. Да и Миру без денег нельзя оставлять, а то снова начнет работать круглыми сутками и без выходных. Да, ей без меня будет полегче, но она же девушка. Платья, прически, походы в кафе с подругам. Ей нужно общаться и жить полноценной жизнью, а то и правда через год придется жениться на ней. Хотя, я и не против. Мирослава очень симпатичная девушка.

Эх, потискать бы как-нибудь за её симпатичные холмики, выпуклости и упругости. Но боюсь, она этого не поймёт. Снова дурацкие мысли в голову лезут, а со Светланой я дал сам себе слово завязать. И как теперь решать эту проблему? Найти, что ли, себе девушку? А, точно! В этом мире просто так девушку не найдёшь, нужно искать жену. Не! Для женитьбы я ещё не созрел! Никаких жён, пока я не устроюсь в этом мире основательно, пока у меня не появятся деньги, работа, уверенность в завтрашнем дне... и деньги. Дважды упомянул? Возможно.

Деньги... Деньги имеют свойство заканчиваться. Куда я потратил столько денег, кстати? Я успешно сдал экзамены за восемь классов и получил за это стипендию в размере 1575 Имперских рублей. И понеслось! То нужно было купить одежду, то подарок Мире и заодно Ольке, то по мелочи.

А мне жутко хотелось купить байк. Нормальный современный байк. Наверное, это

переходный возраст на меня так влиял, или кризис среднего возраста. Хрен знает, сколько мне там стукнуло психологических лет. Судя по моим поступкам, импульсивности, дурости — мой возраст как раз соответствую моему биологическому телу. Ну а как ещё? Все мои знания (почти все), опыт (накопленный годами), личность (уникальную и неповторимую) — стёрла какая-то тварь!

Осталось от меня прежнего хоть что-то? Возможно. Кое-какие обрывочные знания присутствовали. Много знаний, если честно. Я лишь не помнил ничего, что касалось меня лично. Ничего о себе, своей семье, друзьях. Ну и сраный Узор Перерождения тоже никак не хотел вспоминаться. Смириться? Хер там! Но байк я всё равно куплю. Пока не знаю как, но куплю.

Не зря же я присматривал его в онлайн каталоге не первый месяц подряд и пускал слюни на красивую студийную картинку. Воин ТТ-1387 — новая популярная сейчас среди молодёжи модель. Каких-то 2500 рублей. Каких-то... Вот именно! Я даже выкинул три сотни рублей и получил удостоверение на право вождения этим монстром.

Да, не с моим везением, вернее, проклятьем покупать себе мотоцикл. Но пошло оно всё в жопу! Если так рассуждать, мне вообще нужно закрыться в комнате с мягкими стенами и никуда не выходить. Это не моё! Моё — это скорость, драйв, адреналин, свобода. Пока во мне играют бунтарский дух и подростковые гормоны.

Звонок и следом за этим наглый стук в дверь вырвал меня из мучительных размышлений. Я откинул планшет в сторону, залпом допил кофе и пошёл открывать.

— Привет! Прогуляться не желаешь? — улыбалась с порога моя подружка с 35-го.

— А есть идеи куда?

— Та нет, просто, — пожала плечами Олька.

— Тебе разве не нужно зубрить, готовиться к вступительным?

— Та! — отмахнулась девушка. — Уже голова не варит. Всю ночь зубрила, нужно немного проветриться. Глаза уже вылазят из орбит. Вот! — она ткнула в свою переносицу, указывая на большие стеклянные очки.

— Хм, а я думаю, что в тебе поменялось? А ты просто очки зачем-то напялила.

— Говорю же! Глаза болят от зубрёжки. Так ты идёшь?

— Иду, иду, — проворчал я. — Дай хоть ботинки натянуть.

Через пять минут мы уже бродили по весеннему двору. Люблю такие вот утренние дворики: кто-то убежал на работу, кто-то в школу и детский сад, а кто-то ещё дрыхнет в своей тёплой постельке. Тихо, безлюдно и по-утреннему свежо. А мы словно сбежали от своих обязанностей, словно выше всего этого — можем бродить и наслаждаться.

— Куда пойдём? — прервала мои идиллические размышления Олька, едва мы пошли на второй круг.

— Не знаю, так далеко я не загадывал. Да и это не я тебя вытащил, а ты меня. Предполагалось, что план есть у тебя.

— Ясно, — разочарованно хмыкнула девушка. — Нет у меня плана.

— Оль, а у нас где-то рядом есть казино? — неожиданно пришла мне в голову, как мне показалось, прекрасная светлая мысль.

Ну а что? Вроде всё логично — где ещё можно быстро поднять деньги? На скачках, на тотализаторе, в казино.

— Казино? Зачем тебе?

— А зачем обычно людям казино? — ответил я вопросом на вопрос. — Так есть или нет?

— Ну есть. И не нужно тут умничать! Но тебя туда всё равно не пустят, мал ещё.

— Оль!

— А, точно! — хлопнула себя по лбу синеглазка. — Заучилась немного! Я же говорю, голова совсем не варит, ещё и не спала всю ночь. Совсем забыла, что ты у нас официально взрослый. Как, кстати, себя чувствуешь? Не стареешь больше?

— Нормально всё, — отмахнулся я от неё. — Жить буду. Так что там с казино?

— Да есть тут одно. Пятнадцать минут ходьбы.

— Тогда веди.

— Точно? Ты там все деньги оставишь! Единственный шанс выиграть в казино — это быть владельцем этого казино.

— Или иметь сумасшедшую удачу.

— Ну-ну, где ты и где удача?

— Я выпал с двадцатого этажа год назад и остался жив, — напомнил я.

— Повезло! — хмыкнула Оля. — Ладно, пошли. Самой интересно глянуть, как тебя раздевают до трусов.

— Если тебя интересуют мои трусы — могли остаться дома.

— Иди уже, герой-любовник! Мал ещё для таких намёков, — Оля на секунду задумалась и

добавила. — И нужно поработать над твоими этими фразочками — так ты девушку точно не склеишь. Ладно, дам тебе потом парочку советов как старшая подруга.

— Это да. Практических, если можно.

— Обойдётся! — фыркнула Олька, смерила меня задумчивым взглядом, вздохнула и покачала головой.

Казино! И как я раньше об этом не подумал? Как ещё можно быстро и законно поднять денег? Это же проще простого. Проклясть крупье на косорукость и неудачу, сделать три ставки и уйти с ошалелым видом и кучей денег в кармане. Новичкам везёт! Никто не успеет ничего понять и ничего заподозрить.

Поставил 100. Выиграл. Поставил ещё раз — и вот у тебя 120 тысяч в кармане. Вернее, у меня! Две ставки и сто двадцать штук на моём счету. Ещё раз сыграть ва-банк, и можно снять 4 миллиона. Хотя, там же наверняка есть лимиты. Ну и пусть! Поставлю десятку, выиграю два раза — и двенадцать тысяч мои. Мне много не нужно, а двенадцать тысяч — это зарплата Миры за три года работы. Скажу, чтобы увольнялась со своей рабской службы и занялась чем-то нормальным, тем, что ей по душе.

Эх! Так и становятся шальными игроманами. В теории оно всегда всё легко. Ладно, посмотрим.

— Вот!

— Что «вот»? — не понял я, куда кивком указывает Ольга.

— Казино, — пояснила девушка и снова кивнула на отдельно стоящее здание с большими зеркальными окнами.

Простое, двухэтажное — я часто проходил здесь и ни разу не догадался, что там. Думал, офисный центр или контора какой-то фирмы. На парковке всегда много машин и днём, и ночью, и даже сейчас.

— А вывеска где? — задумчиво поинтересовался я, рассматривая самый обычный вход с распашными автоматическими дверьми. Вместо вывесок просто яркие неоновые панели — наверняка, ночью они привлекают внимание публики, как свет мотыльков.

— А зачем? Игроки и так знают, куда идти, а остальным и не нужно.

— Резонно, — согласился я. — Пошли?

— Пошли.

Двери распахнулись перед нами, едва мы приблизились на расстояние двух шагов. Внутри красная ковровая дорожка, два охранника и рамка досмотра. Серьёзно тут у них! Олька запищала сразу же, как только вошла под рамку. Точнее, не Олька, а сама рамка. Два

охранника тут же возбуждились и ринулись наперерез с ручными сканерами.

— Оружие, металлические предметы? — поинтересовался один из двух здоровых спортивных парней с именем «Паша» на маленьком золотом бейджике.

— Оружия нет, — пожала плечами Оля и расставила руки в стороны, не мешая охраннику сканировать её.

Ручной сканер пискнул в районе её груди, и охранник наморщил свой суровый лоб:

— Что там?

— Сам как думаешь? — проворчала девушка и скомандовала. — Давай дальше.

— А там? — снова нахмурился Паша на писк сканера в районе лобка девушки.

— Примерно то же, — пожала она плечами. — Показать?

— Я бы не возражал, — растянул Павел довольную ухмылку до ушей.

— Обойдётся! — отрезала Оля, оттолкнула парня с прохода плечом и нагло пошла в игровой зал.

— Есть же специальный штуки для этого, на которые датчики не реагируют, — растерянно проворчал он ей вслед.

— Нравится ей так, видимо! — успокоил его товарищ, и они перевели на меня равнодушные взгляды. — Проходи, парень.

Это первый раз, когда я порадовался своему приобретению — нож в кармане штанов даже не пикнул. Спокойно преодолел рамку сканера, кивнул парням, тут же потерявшим ко мне всякий интерес, и пошёл за своей подружкой.

Самое обычное казино. Яркий свет, тихая музыка, закрытые тяжёлыми чёрными шторами окна. Пять столов с рулеткой, десяток с покером и куча игровых автоматов по-над стенкой, на любой вкус и цвет. Посетителей достаточно много, но все облюбовали покер. Четыре рулетки из пяти пустовали — выбирай любую. А за пятой резвилась компания дамочек среднего возраста. Весёлых и явно пьяных дамочек. Женщины сыпали фишками, спорили с крупье о чём-то и громко смеялись. Веселье!

— Ну как? — поинтересовалась Оля. — Оправдало ожидания?

— Да. Примерно.

— Во что будем играть?

— В рулетку, — хмыкнул я, взял Ольку за руку, чтобы на неё никто не покушался, и уверенно

повел её за собой. Девушка, не ожидавшая такого напора, довольно пискнула и, вертя головой по сторонам, потащилась следом.

Мы заняли самый дальний столик, через пару минут к нам подошёл крупье, и игра началась.

— Делайте ваши ставки, — отработанным голосом объявил крупье и запустил шарик. — Ставок больше нет. Ставки не принимаются.

«Минус десять...» — мысленно отсчитал я свой первый проигрыш. Да уж.

Здесь же, за игровым столом, я купил десять фишек по десять рублей и успешно продул свою первую ставку. Нормально, с первого раза я и не рассчитывал на победу. Нужно же немного подыграть, спустить немного денег. А вот потом... Просто проклясть крупье на неудачу, невезение — что может быть проще? Так я подумал и проклял ничего не подозревающего парня уже на втором запуске рулетки. Но это так не работало. Если ему и не везло (у него вылетал шарик из рук, и бедняга больно ударялся пальцем), то мне не везло вдвойне. Олька была права. И эта вредина сидела справа от меня и довольно посмеивалась, видя, как я спустил восемьдесят рублей за каких-то восемь вращений рулетки.

Да уж... Нам не везло обоим, ни мне, ни крупье — но казино было в выигрыше. Это плохо... Я дал одну фишку Оле, кинул свою последнюю на «32» красное, посмотрел, как довольная собой девчонка ставит на «13» чёрное, хмыкнул в ответ на её улыбку и уставился на барабан.

— Пятнадцать чёрное! — объявил крупье и сгрёб две наши несчастные фишки.

Олька ничуть не расстроилась. Протянула руку в мою сторону, входя во вкус и требуя ещё одну «дозу», разочарованно хмыкнула, увидев, что я пуст, и с вопросом в глазах посмотрела на меня. В них явно читалось: «Ну что, доигрался?»

Доигрался. Всё! Приплыли! В кармане, вернее, на счету пятнадцать рублей. Можно купить три фишки по пять рубчиков, но это уже край. Я спущу всё в ноль, а это реально «до трусов». Вот синеглазка будет ржать надо мной!

Ладно. Есть ещё один вариант. Очень неприятный и болезненный. Но деньги мне очень нужны, придётся терпеть. Да и что здесь такого, я уже умирал в этом мире и не раз. Да и просто интересно попробовать временную петлю в реальной ситуации. Я, наверное, всё же немного псих... Или не немного. Чего только не сделаешь ради лёгких денег.

Достал из кармана нож, освободил лезвие из деревянного футляра. Блеснув хищной сталью, увидел округлившиеся глаза парня с обратной стороны стола и воткнул клинок себе в глаз, а через глаз прямо в мозг. Мерзко, больно? Скорее, мерзко. Боли я почти не почувствовал.

— Макс! — толкнула Олька меня в плечо.

— А?

— Ты ставить будешь?

— Не, пропушу пару кругов. Понаблюдаю.

Забавно, что крупье должен крутить, даже если мы ничего не ставим. Да, он может спросить, а может продолжать делать это молча, пока мы сидим за его столом. Работа такая.

Охренеть! А я ведь вернулся на пять минут назад. Не то, чтобы это меня удивило, я ведь уже сигал с крыши, но чувство совсем другое. Теперь у меня были зрители, и всё это выглядело иначе, словно флэшбэк или видение. Забавно.

Как же там было-то... «17» чёрное, затем «35» чёрное, потом «11» чёрное. Три чёрных подряд. И в руках у меня пять фишек, значит, я успел проиграть пять раз.

— Одиннадцать чёрное! — объявил крупье. — Делайте ваши ставки.

Вот оно. Следующее будет «5» красное. Я протянул руку, поставил на пятёрку и замер. Час истины.

Хрен там! «Зиро!» Выкуси, лопух! Это как так? Я что-то неправильно запомнил? Не может этого быть! У меня идеальная память. И «зеро» точно ни разу в прошлый раз не было. Какого хрена?! Может, не нужно было пропускать, а нужно ставить? Нужно повторить всё как прошлый раз? Даже свои ставки.

Ладно, сделаю. Подумаешь, ещё разок нужно сдохнуть. Снова вытащил из кармана нож, наткнулся на удивлённый и заинтересованный взгляд Ольки, и демонстративно попробовал лезвие на остроту.

— О! У нас нельзя с оружием. Сейчас прибежит охрана, — растерянно проблеял крупье.

— Да я быстро, — вздохнул я и вонзил кинжал милосердия себе в глаз.

— Макс! — толкнула Олька меня в плечо.

— А?

— Ты ставить будешь?

— Да, сейчас.

В моей руке восемь фишек. Я умер чуть раньше и откатился назад чуточку дальше. Такими перебежками можно вернуться на пару часов назад, в свою тёплую кровать и начать день заново. Нужно всего лишь двадцать четыре раза вонзить себе нож в мозг. Я не настолько псих! Надеюсь.

В этот раз я сделал всё в точности до последней детали. Все те же ставки, те же движения. Но вот числа на барабанах выпадали совсем не те. Всё не то... Да как так?! Я снова проиграл, не помогли даже две фишки, которые я дал в этот раз Оле, и которые она с тем же неизменным безрезультатным успехом поставила на «13».

— Смотри, как я умею, — толкнул я девушку локтем в бок, достал нож и снова вонзил его себе в глаз.

Да, хоть какое-то развлечение, а то я начал скучать.

— Да уж. Умеешь ты удивлять, — донеслось до моего затухающего сознания голосом Ольки.
— Всегда после слов: «Смотри, как я умею», происходит какая-то хрень. Но я даже не думала, что такая. И что я скажу Мире?..

Как-то спокойно она восприняла мою смерть. Даже чуточку обидно. Хотя, чего я от неё ожидал? Криков, воплей, соплей? Точно нет. Оля отреагировала именно так, как и должна. Потом её настигнет нервный шок и накроет. Но не сейчас. Вернее, не настигнет, я ведь жив живёхонек.

— Макс! — толкнула она меня в плечо.

— А? — вынырнул я из-за задумчивости и взглянул на часы, показывающие время на пять минут назад.

— Ты ставить будешь?

— Буду.

Почему я не могу выиграть? Может, у них магниты в рулетке? Та нет, хрень какая-то. Но я ведь всё сделал с точностью до мелочей. Всё было точно так же, как и в первый раз, и во второй. Кроме чисел на барабане. Шарик упорно не хотел повторять свою прошлую историю жизни и падать в те же самые пазы.

— Семь красное, — объявил крупье. — Ставки не сыграли. Делайте ваши ставки.

Всё правильно. Я вернулся назад, и игра повторилась с точностью... До случайности. Точно так же случайно выпало число, и оно не было абсолютно тем же, оно оказалось тем же случайным. Ключевое слово — «случайным»! Да уж. Пережить покушение и свою смерть я смогу, а вот выиграть... Нет. Ну и хер с ним! Сраное казино! Чтоб ему! И крупье! Чтоб тебя... Чтоб ты только и проигрывал...

«Чтоб ваше казино вообще просрало все деньги сегодня!»

— Пойдём, Оль!

Я россыпью кинул оставшиеся фишки на игровое поле, развернулся и пошёл в сторону выхода. Удача и я несовместимы, Олька была права. Успел заметить, как девушка украдкой подвинула одну из фишек на «13» (хоть это не изменилось!) и замерла, наблюдая за шариком на барабане.

— Поздравляю, ваша ставка сыграла, — донесся голос крупье с соседнего столика и за ним последовал дикий визг пьяных девчонок.

— Братан! У меня «Рояль»! — прозвучал растерянный и счастливый голос одного из игроков за покерным столом.

— А у меня червивый «Флэш-стрит»... — так же растерянно ответил ему «братан».

Ну, хоть кому-то я принёс удачу. Пусть люди порадуются. Могу подработать талисманом за долю выигрыша. А что, хорошая идея.

— Тринадцать чёрное, — объявил голос крупье.

— Макс!

— Что, Оля?

— Я... Я выиграла! — растерянно пробормотала моя подружка и уставилась на выдвинутую в её сторону небольшую стопку фишек — два неполных столбика.

Всего 350 рублей. Так себе выигрыш.

— Ставь ещё раз, — задумчиво проговорил я, не сдвинувшись с места, так и оставшись стоять в проходе в пяти метрах от нашего стола.

— Сколько? — не веря своему счастью и довольно улыбаясь, глянула она на меня.

— Всё. Ставь всё.

— Легко!

— Ставки приняты, ставок больше нет! — объявил крупье.

Я посмотрел на стол, покачал головой и мысленно распрощался с деньгами. Всё на «13» — кто бы сомневался.

— Тринадцать чёрное, — дрогнувшим голосом объявил выигрышный номер наш крупье. — Поздравляю! Вы выиграли двенадцать тысяч двести пятьдесят рублей. Выдать фишками или зачислить на ваш счёт?

— Макс? — растерянно посмотрела на меня Оля.

— Нам всю сумму на счёт, — подсказал я. — Мы уходим.

Не уходим, а сваливаем. Пока лавочку не прикрыли. Со стороны пьяных девчонок раздался очередной победный визг и звук открываемого шампанского. Там тоже идёт победная серия. А оживление за покерным столом уже немного напрягало.

— Братан! Ну ты глянь! Второй «Рояль» подряд!

— Та не гони!

— Да я тебе базарю! Сам в шоке... Это как так? Братишка, а можно нам фото на память? Мне никто не поверит, что я два «Рояля» собрал. Это же куча денег! Прощай, кредит; прощай, старая машина; прощай, старая жена-кошёлка.

— Поздравляю.

— Вы выиграли. Поздравляю.

— Вам фишками или на счёт?

— Поздравляю.

Отовсюду доносились поздравления и крики радости. Засуетились менеджеры, охрана. В зал вышел мужчина в дорогом костюме и подозрительно стал поглядывать на творящееся в зале безумие, веселье и спонтанно разрастающийся праздник.

— Шампанского нам! — кричали женщины за рулеткой.

— А нам водички и два по сто, — радостно заказал «братан» с покерного стола.

— Деньги у вас на счету, — объявил наш крупье.

— Валим отсюда! — шепнул я Оле на ухо, взял за руку и потащил в сторону выхода. Лучше синица в руках.

— Макс! Мы выиграли! — радостно шептала мне на ухо возбуждённая Оля и прижималась своей не самой скромной грудью. — Как будем делить?

— Пятьдесят на пятьдесят, — проворчал я, проходя мимо охраны и старательно делая вид, что мы самые обычные влюблённые, случайно заглянувшие сюда.

— Не! — капризно надула губки Оля. — Лучше купи мне что-то такое.

— Потом решим, хорошо?

— Хорошо, дорогой, — девушка прижалась ко мне сильнее, почти повиснув у меня на руке, и я почувствовал её горячее дыхание на своей шее. — А ты купишь мне те серёжки, которые обещал?

— Куплю, куплю... — поддакнул я ей и задумался: а о каких вообще серёжках идёт речь, и когда это я успел ей пообещать?

Только выйдя на улицу и сделав глоток свежего воздуха, я неожиданно понял, что всё у меня получилось. Не так, как я думал. Совсем не так. Но всё же!

— Ну как я? — весело спросила моя спутница, как только мы отошли от казино на пару десятков шагов.

— Что именно?

— Изображала наивную влюблённую дуру?

— Так это была игра, — почти расстроился я, — а я-то думал.

— Ты дурачка из себя не строй, — строго сказала девушка. — Что это было, Макс?

— А что было?

— Ты выиграл.

— Вообще-то, выиграла ты.

— Я же специально поставила на «13» второй раз. Ты знаешь, какая вероятность была выиграть?

— Один к тридцати шести?

— Нет... Да... Возможно, — нахмурившись, проговорила Оля. — Не дури мне голову! Я же всё поняла! Почти всё, — уточнила она. — Мы неспроста пошли туда и не просто так подняли двенадцать тысяч с одной тощей сотни за пять минут. Макс!

— Ладно. Давай так — твои двадцать процентов, и мы забываем об этом.

— Тридцать! — тут же выпалила она. — И этот разговор мы не забудем, а отложим. Как-нибудь поговорим ещё.

— По рукам! — согласился я, тяжело вздохнув.

— По рукам! — согласилась в ответ Оля, довольно улыбнувшись, словно кошка, поймавшая мышку.

— Кстати о руках. Руку уже можешь отпускать, — проворчал я.

— Ещё чего! Вдруг ты сбежишь с моими деньгами. Я лучше перестраховюсь, — она крепко сжала мою ладонь, улыбнулась мне, и мы двинулись в сторону нашего дома. Неплохо мы так погуляли.

Да уж! С казино выгорело, скорее, совершенно случайно. И пока я больше такой вариант использовать не буду. Слишком много следов. Уже в следующий раз меня срисуют по камерам и поймут закономерность. Игорный бизнес — очень серьёзная штука, и люди им управляют не самые простые. Пожалуй, на этом я пока и остановлюсь. Хорошего понемногу.

Да вообще, деньги — не главное, от них только проблемы, это я хорошо помню. Нужна реальная власть, иначе, деньги не удержать.

Глава 13

Цифры. Голые цифры, после моего набега на казино, 12 500 рублей оказалось у меня на руках, вернее, на счету. Очень удобно, кстати, не нужно тягать с собой ни кошелёк, ни сумку — всё на запястье моей руки. 4 000 рублей перепало моей сообщнице Ольге за молчание. Хотя, она их реально заслужила. Я бы даже сказал, если б не она, хрен бы я что вынес из того казино.

Итого 8 500 рублей я оставил себе, по-жлобски. Ладно, я предлагал Ольке взять половину, всё по-честному. Но она лишь скривилась и помотала отрицательно головой:

— Не, Макс! Если за тобой придут, за вот эти твои махинации, я хочу быть в стороне, а не сообщницей.

Ну-ну... Наивная. Если за нами придут, кто там у неё будет спрашивать, взяла она пять рублей или десять тысяч? Но этого не будет, мы предельно аккуратны. И сделали это всего разок.

А вот байк я себе всё-таки купил. Не остыл, не передумал, не дал заднюю. Чёрно-золотой, мощный, быстрый, новенький, блестящий на солнце и рычащий. Хер там! Совсем не рычащий... Я даже немного подвис, когда впервые завёл его, вернее, не завёл, а включил. Тоненький писк на грани слышимости и тишина. Разве так должно быть? А где хищное рычание? Где громоподобный рокот? Где треск, закладывающий уши и долбящий по перепонкам? Вот и заказывай после этого онлайн! А ещё на Миру ворчал за неудачно заказанную кровать.

И с чего я вообще взял, что он должен рычать? Я же никогда не садился за руль байка. Или садился? Непонятно... Ладно, но скорость он развивал сумасшедшую! В первые три дня я почти не слезал с него. объездил все городские трассы и парочку стадионов. Но на стадионе было как-то пресно, хоть и скорость можно развить гораздо большую. Нет того адреналина, а вот на ночных трассах — вот там было где разогнаться!

А через три дня, накатавшись, я поставил его в подземную стоянку. Наигрался. Не насовсем, конечно. Периодически брал его, когда нужно было выпустить пар, выкручивал ручку газа на полную, и гнал. Ну да, «газа»... Откуда в нём «газ»? Где бы раздобыть нормальный бензиновый байк? Хотя, тоже ведь наиграюсь и поставлю в гараж дня через три. Тогда зачем? Тогда и незачем. Махнул рукой на свои непонятные хотелки и на этом успокоился.

И вот сегодня решающий день. Или переломный. Я ведь так и не сказал ни Мире, ни Оле, куда собираюсь поступать. Нет, не прельщала меня ни профессия экономиста, ни преподавательская стезя, куда подбивала меня моя драгоценная соблазнительная учительница, ни что-то другое.

Не знаю, чего я хотел от жизни... Пока не знаю. Но из всего, что знал, решил попробовать профессию следователя, сыскаря, полицейского. Почему нет? Имперская Сыскная Академия, или просто ИСА. Тем более с моими баллами за девятый класс и с моими подросшими физическими данными. Вымахал то я неплохо — теперь по утрам из зеркала на меня смотрел совсем не щуплый пацан.

Да и открывающиеся перспективы, периодически озвучиваемые Олькой, которой только дай волю поболтать об Академии, давали достаточно пищи для размышлений. Офицерское звание, получаемое после окончания Академии, эта самая младшая ступень благородной аристократии в этом мире — Боярина. Самая низшая ступень, не передаваемая по наследству, но дающая ряд преимуществ.

Здесь тебе и повышенная зарплата, пенсия, госжильё, бесплатный проезд и проживание в гостиницах, бесплатная еда в госресторанах и бесплатная медицинская страховка, и не какая-нибудь стандартная, а максимальная из всех возможных. Ну и отношение к тебе окружающих: военных, судей, прокурорских, полицейских и врачей здесь очень уважали. Про аристократов рангом постарше я вообще молчу. Аристократы жили совсем по другим правилам и законам, им позволялось то, что не позволялось простым смертным.

А ещё Боярин — эта самая маленькая, но самая первая ступенька наверх. И реальная возможность со временем получить полноценный благородный титул, начиная от Барона и заканчивая Князем.

Ничего необычного, всё как всегда — вместе с каждым титулом предполагаются определённые преференции: земли, поместья, заводы, пароходы, доступ во дворец Императора. Князья и их семьи вообще владеют целыми городами. Но об это можно даже не мечтать. Пройти путь Боярин-Барон-Виконт-Граф-Маркиз-Князь в одну жизнь вряд ли у кого выйдет. А вот наследники, получившие титул от предка, могут двигаться по этой цепочке, постепенно усиливая мощь, состояние и влияние Рода.

Нет, не ради уважения или мифических поблажек я на это решился, а чтобы не быть с обратной стороны. Чтобы не лебезить там, где лебезят остальные, чтобы не прогибаться ни под кого и ни от кого не зависеть. Не хочу я быть низшим звеном пищевой цепочки. Да и Олька неспроста туда рвётся, она девчонка умная, а выбрала именно это. Значит, что-то в этом есть.

Со временем, если сильно повезёт или удастся хорошо проявить себя перед Отечеством, можно основать свой Род и передать фамилию и титул по наследству, чтобы никогда больше не быть плебеем. Ну и избание в Законодательное собрание доступно только для аристократии. Аристо решают судьбу не только своей Империи, но и всего Мира. Сейчас меня мало интересует политика и вся эта возня во власти. Но я откуда-то знаю — придёт время, и я всем этим заинтересуюсь. Так устроен человек.

Сначала игры в песочнице, потом игры повзрослее, мальчишки бьют носы соперникам за господство в прайде. Потом мы открываем для себя секс, потом игры в войнушку и справедливость. А затем наступает такой период, когда хочется власти, хочется править и

повелевать. У одних он наступает раньше, у других позже, но наступает. Даже у тех, которые говорят, что им ничего не нужно, только домик в деревне и покой. А ты заслужи этот домик и покой! Стань тем, у кого никто не посмеет отобрать это. А вот для этого уже нужна власть. Минутка философии и планов на далёкое будущее объявляется закрытой!

Оля стояла на углу нашего дома с маленьким чемоданчиком и нетерпеливо поглядывала на часы. Красивая, как всегда. Нарядная, фигуристая, яркая, привлекающая чужие взгляды, словно магнит. Яркая помада, синие волосы, чёрная кожаная косуха, короткая юбка, чёрные гольфики до колен и чёрные кожаные ботинки. И дерзкая жвачка во рту. Ну да, куда же без жвачки!

Я резко дал по тормозам, оставив за собой чёрный след, взвизгнул на весь двор (хоть какой-то звук могло издавать это «травоядное») и остановился напротив неё как вкопанный. Откинул зеркальное забрало мотоциклетного шлема и оглядел девушку с ног до головы ещё раз, уже поближе.

— Привет, модница! Прокатить с ветерком? — стянул я чёрный шлем с головы.

— Макс?! — сменилось выражение на её лице с раздражённого на радостное. — Ты купил байк?

— Ну да, — похлопал я своего «жеребца» по бочине, — деньги девать некуда было.

Это, отчасти, было правдой. Половину я оставил Мире, три тысячи спустил на байк и экипировку, и тысячу оставил на своём счету на чёрный день и мелкие расходы. Вот и все деньги от, казалось бы, большого выигрыша.

— Чемодан? — вопросительно кивнул я на багаж за её спиной. — Оль, а ты с концами или как?

— С концами, — вздохнула она и отвела глаза в сторону. — Не хочу сюда возвращаться — этот этап позади. Поступлю и сразу заселюсь в общагу.

— А если не поступишь?

— Тогда найду там работу и сниму комнату у какой-нибудь старушки.

— Хм, звучит как план, — задумчиво хмыкнул я и снова посмотрел на её чемодан. — Ты ведь даже не попрощалась.

— Не хотела разводить сопли.

— Эй! Не будь к себе так строга. Ты же крепкая девчонка, уверен, сдержалась бы.

— А я не о себе, вообще-то, — фыркнула моя подруга и с вызовом посмотрела на меня.

Понятно. Снова прячет чувства за пассивной агрессией. Тяжело ей, видимо, далось такое

решение. Ладно, не стоит тогда и наседать, а то и правда начнёт беситься, и мы поссоримся.

— Так как, прокатить? — похлопал я ладонью по широкому кожаному сиденью.

— Ну поехали. До автовокзала подбросишь? — улыбнулась Оля, кинула чемоданчик на багажник, перебросила ножку через седло, наверняка обрадовав дворовых мальчишек, наблюдавшими за нами, взлетевшей вверх юбкой и открывшимся на секунду видом, обхватила меня руками за талию и крепко прижалась к моей спине всем своим телом.

— Держи! — протянул ей девчачий розовый шлем с ушками (специально купил для пассажирки, ну не парней же мне катать, ей богу!), дождался её недовольного фырканья и тронул байк с места.

— Я не люблю розовый, — не удержалась она от комментария, натягивая шлем на головку.

— Я в курсе!

Сделал небольшой круг по территории комплекса, давая ей попрощаться с родным домом, и не спеша поехал в сторону пропускного шлагбаума.

— Почему не телепортационной Аркой, Оль? Так ведь в миллион раз быстрее?

— Ты знаешь, сколько междугородний переход стоит? — прошептала она мне в ухо, заставив бегать мурашки по шее.

— Не-а. Никогда не интересовался.

— Три сотни рублей. А автобус всего пять.

— Ну да, есть небольшая разница.

— Могу подбросить до конечной остановки, — предложил я, хотя повёз бы её до конца в любом случае, нам всё же по пути. Правда, Оля этого пока не знает.

— Четыре сотни километров, Макс!

— Да что я, лучшую подругу не довезу, что ли? Что я за друг такой?!

— Лучшую? Наверное, единственную?

— Ну, так-то да... — не стал спорить я, натягивая шлем на свою голову.

— Тогда поехали. Грех не воспользоваться твоим предложением и сэкономить пять честно выигранных рубчиков.

Мы выехали на трассу и разговаривать из-за шума ветра и скорости стало невозможно. Я показал всё, на что способен мой двухколёсный друг и даже чуточку больше. Надеюсь, Оля

додумалась сесть на юбку, а не накинула её поверх сидения, иначе, автомобилисты сзади нас имели уникальную возможность лицезреть развевающуюся на ветру девичью юбочку и то, что скрывалось под ней.

До пункта назначения мы добрались за пять часов. Сделали одну остановку в небольшом придорожном кафе, перекусили, выпили по две здоровые чашки чая, немного посидели и в два часа дня были уже на месте.

Вот она какая — Академия Сыска. В зелёном секторе, на самой границе города в каком-то историческом парке. Красивые ухоженные деревья, газоны, кусты, просто тьма автомобилей и даже несколько аэрокаров, приземлившихся на крышу трёхэтажного учебного комплекса, выстроенного буквой «П». Интересно, на аэро прилетели детки мажоров, или преподаватели?

— Приехали! — объявил я, припарковав байк на свободном месте в тени высокой ракиты. — Так где, говоришь, экзамены будут проходить?

— Я так и знала! — радостно воскликнула Оля, спрыгнув с байка и ткнув в меня пальчиком. — Ты тоже приехал поступать!

— Возможно, — не сумел я удержать улыбку.

— Ты уверен? — нахмурилась моя бывшая соседка.

— В чём?

— Что хочешь поступать со мной?

— Нужно же за тобой приглядывать! — тяжело вздохнул я и пожал плечами. — Ты вечно в неприятности влипаешь.

— Да иди ты! — наигранно возмутилась Оля и стукнула меня кулачком в грудь. — А строил из себя! «Почему не попрощалась, почему уезжаешь!» — покачав головой, спародировала она меня густым мужским басом, который у неё ни фи́га не получился.

— Я так не разговариваю! — слегка возмутился я.

— Ладно, пойдём. Расскажу тебе всё и покажу. Бери мой чемодан, — Оля взяла меня под руку, ещё раз довольно улыбнулась и повела в сторону центрального входа. — Значит, экзамены будут проходить три дня. Вернее, первый день регистрация, потом два дня экзаменов и объявление результатов.

Три дня... Ну или два, смотря как считать. И где мне ночевать? Или придётся мотаться домой на ночёвку? Пять часов туда, пять обратно. Нет, ну если поднажать, не останавливаться по дороге, то можно и за четыре часа управиться. Или снять в городе жильё? Деньги у меня есть. Ладно, разберёмся.

Мы выстояли долгую, длинную очередь в огромном просторном зале с десятиметровыми потолками и зарегистрировались вручную у живого оператора. Да, об онлайн-регистрации здесь, видимо, не слышали. Или может, хотели видеть регистрируемого в лицо.

Людей здесь, конечно, тьма! Все суетились, толкались, пытались пролезть. Были диванчики и кресла для отдыха, расставленные тут и там, но их сегодня для всех не хватило. Часть абитуриентов вывалилась на полу, устав стоять в ожидании и покидав сумки, рюкзаки и чемоданы рядом, часть оккупировала большую каменную лестницу, ведущую на второй этаж к столовой.

А вообще, здесь красиво: большая открытая площадь, огромные окна во всю стену, деревья в больших плетёных корзинах и даже маленький фонтан в центре.

Приняв, наконец, наши заявления, нас отправили в столовую и комнату отдыха. А затем по громкой связи объявили о распределении приезжих по комнатам.

— Нам выдадут комнаты? — удивился я.

— Конечно. А ты думал, мы на улице будем ночевать три дня. Не все живут рядом.

— Это я понял. Пошли на регистрацию? Снова.

— Пошли, — согласилась Оля, и мы двинулись в очередную километровую очередь.

Выстояли, получили номерки от комнат, пакеты с вещами первой необходимости и сверили номера. Номерки были разные. У Оли — «3/16/10».

— Третий корпус, комната номер «16» на десять человек, — пояснила девушка-распределитель.

А у меня «3/35/10». Выходит, корпус третий, комната «35», нечётная. Значит, чёр-те где от комнаты Ольки.

— Мальчики с мальчиками, девочки с девочками? — предположил я.

— Ага! Держи карман шире, — разочаровала меня Оля. — Тут всё общее, без исключений. Курсанты бесполое существа, Макс. Тут даже душевые и туалеты общие.

— Но мы же ещё не курсанты!

— Но ночуем в академии. А тут свои правила, — Оля на секунду задумалась, обернулась к столику регистрации и коротко бросила мне. — погоди, я сейчас.

Вернулась она минут через пять. Долго о чём-то тарыхтела с девушкой-распределителем, и, судя по недовольному виду, ни к чему они не пришли.

— Ну, что узнала? — поинтересовался я, как только Оля подошла ко мне.

— Ничего! — фыркнула она и упала на диван рядом со мной. — Хотела просто выбить нам совместную комнату. Не отдельную, заметь! А просто чтобы в один барак попали. Так эта дура ни в какую! Упёрлась рогом и всё!

— Ладно, не переживай. Это только на две ночи, — утешил я.

— Это же бюрократы! Как изначально сделали, так никто уже ничего менять не будет, даже после зачисления, — тяжело вздохнула девушка. — Ладно, пойдём искать наши комнаты и занимать самые выгодные места. Жаль, конечно, что ты без присмотра останешься.

— Эй! Это кто без присмотра! — возмутился я.

— Кстати о присмотре. Как Мирка тебя отпустила сюда одного?

Я сделал вид, что не расслышал вопрос. С Мирой мы поговорить не успели.

— Макс! Чего молчишь? — Оля нахмурилась. — Мирослава не знает?!

— Не успел сказать. Думал, мотанусь сюда, завалю по-быстрому экзамены и вернусь. Зачем её зря беспокоить? Ну, или пройду отбор — тогда уже и обрадую.

— Звони! — сунула она мне свой телефон. — Звони, я сказала!

Пришлось звонить Мире и расстраивать её раньше времени.

— Привет, Мир! — поприветствовал я блондинку, смотрящую на меня с экрана телефона. — Не отвлекаю от работы?

— Привет, Максик! А где это ты?

Я ведь знал, что она расстроится. Чувствовал. После такой новости глазки у Миры чуточку заблестели, и где-то в самой их глубине притаилось немного грусти. Слишком рано я вырос, наверное, и улетел из гнёздышка. Мира явно была к этому не готова, или просто привыкла ко мне.

Олька слегка повернула телефон в моей руке, чтобы оказаться в зоне действия камеры, и приветливо помахала Мирославе рукой:

— Мир, не переживай я присмотрю за сорванцом!

— Вас хоть покормили там? — не переставала переживать блондинка с экрана телефона.

— Кормят, конечно! Мы уже пообедали в столовой.

— А вещи? Ты же ничего не брал с собой, Макс!

Я показал ей большой серый бумажный пакет и даже открыл его, продемонстрировав

содержимое.

— Не переживай, Мир. Мне всё выдали. Сменное бельё, моюще-чистящие принадлежности, спальное. Даже тапочки дали.

— Хорошо... Давай там, не подкачай! — дала короткое напутствие Мирославка. — Я буду держать кулачки за тебя. И хоть выплусь, наконец! — проворчала она в конце разговора, устало улыбнулась и прервала связь.

Можно сказать, прошло всё хорошо. Наверное, нужно было взять её с собой. Хотя, для родителей и сопровождающих здесь комнат не предоставляли. Так что так даже лучше. Если поступлю, смотаюсь домой, куплю торт. И тогда уже отметим и моё поступление, и проводы во взрослую жизнь. Пока ещё рано о чём-то говорить.

— Господа абитуриенты! — объявил громкий мужской голос из динамиков под самым потолком. — Большая часть заявок уже принята и обработана. Тех, кто уже оформился, просим не расходиться по своим комнатам и собраться в центральном зале.

— А где этот центральный зал? — на всякий случай уточнил я у Ольги.

— Здесь, — нахмурившись, ответила девушка.

— Осталась последняя маленькая формальность, и до завтрашнего утра можете быть свободными. Желаю вам всем удачи на экзаменах! — закончил мужчина свою короткую речь и отключился.

— Что за формальность?

— Не зна-ю-у-у... — задумчиво протянула Оля и повертела головой по сторонам.

— Так может ну её на хрен? Пока все здесь, пойдём кинем вещи на кровати, забьём койки?

— Бля! — Оля побледнела и ещё раз тихо выругалась. — Бля...

Я проследил за её взглядом и наткнулся на группу из десяти человек в военной форме, вышедших из широкой двустворчатой двери с надписью: «Служебное помещение». Мужчины и парочка женщин в форме растеклись среди толпы, принялись тыкать ручными сканерами каждого абитуриента и что-то отмечать в своих наладонниках. Проверяют все ли на месте, что ли?

Хотя, нет... Не сканеры это. Я пригляделся внимательнее — не сканер, а то ли шприц, то ли анализатор. Люди в форме прикладывали к ладони каждого человека свой прибор, некоторые девчонки тихонько вскрикивал, кривились и трясли рукой. Да уж.

— Я не знала об этом! — пробормотала Оля и затравленно оглянулась по сторонам. — Ну почему?! Бля!

— Чего ты не знала?

— Проверка на ген мутации. Я не знала, что в Академии ввели эту сраную проверку, — прошептала девушка, выдохнула, откинулась на спинку диванчика и прикрыла глаза.

— Хм, почему именно сейчас? Когда уже почти оформили. Логичнее отсеивать ещё на входе, — задумчиво продолжал я следить за десятком сотрудников, просеивающих ряды абитуриентов и постепеннодвигающихся в нашу сторону. Рано или поздно они и сюда дойдут.

— А ты не понял?

— Нет.

— Так они отлавливают Мутантов. Меченых, как ещё их... нас называют.

— Одарённых, — на автомате поправил я, но Оля этого не заметила.

— Сначала оформили, взяли все данные, а теперь проверяют. Никто не сбежит, не даст заднюю — все студенты уже в системе. Мне жопа, Макс! Тебе лучше отойти от меня подальше, чтобы на тебя чего не подумали.

— Уверена?

— Да, — Оля кивнула, — мне в любом случае конец. Если я сбегу сейчас, на этом этапе, они поймут и придут за мной, или объявят в розыск. А если не сбегу... Через пять минут они и так меня вычислят.

Глава 14

— И что будешь делать? — посмотрел я на всё ещё бледную Ольгу, нервно постукивающую ножкой по полу.

— А какие у меня варианты? — скривилась девушка. — Прикинусь валенком, скажу, что сама очень сильно удивлена. Придётся лечь под нож, на добровольно-принудительную стерилизацию. Сука! Как сраная кошка! А потом... Потом видно будет. Но в Академии мне теперь делать нечего. Элита, полиция должна быть чистая, незапятнанная. И сюда берут только чистокровных — аристократы не должны иметь порченную кровь.

— Ты это всё знала и всё равно решила сюда поступать?

— Я не знала, что будет проверка!

— А как по-твоему они допускают к учёбе «чистокровных»?

Олька зло сверкнула на меня голубыми глазами, посопела и отвернулась, так ничего и не ответив.

Куда я попал?! Что-то здесь слишком предвзято относятся к мутантам. Бля! К каким, на хер, мутантам, что я мелю?! К Одарённым. И ведь не за себя переживаю, а за эту дурочку.

Значит, эта штука в руках вояк... или кто они тут — служба охраны, наверное. Не важно! Это — анализатор. Сотрудники академии берут кровь на анализ, по чуть-чуть у каждого. Вряд ли делают какое-то сложное исследование по одной лишь капле. Но я-то знаю, что у Одарённого течёт по венам. Сила... По венам Одарённого кроме крови течёт Сила.

— Странно тут у вас всё устроено. Странные правила, странный мир, — задумчиво проговорил я. — Оль, а как ты думаешь работает этот приборчик? Ну, которым эти славные люди тыкают в студентов.

— Я откуда знаю! — огрызнулась девушка не со зла.

— Скорее всего, он улавливает Силу, — ответил я на свой же вопрос вслух, решив просветить подругу. — Не верю я в эту историю с определением мутировавшего гена. Не так это всё просто, как кажется. А вот засечь Силу — это легко.

— О чём ты вообще говоришь? — нахмурила лоб синеволосяя девчонка и посмотрела на меня.

— Активируй свой Дар, Оль.

— В каком смысле активируй? Я не понимаю! — прошипела она, украдкой оглядываясь по сторонам, чтобы нас никто не услышал.

— Ну, сделай то, что ты делаешь, когда хочешь, чтобы твоя эта способность работала.

— Так, что ли?

Её Сила начала потихоньку убывать, словно по капельке.

— Да, всё верно, — подтвердил я, посмотрев на неё. — Трать Силу до конца, опустошай резерв. Можешь увеличить поток?

— Не понимаю, о чём ты, но я делаю всё, что умею.

— Понятно, — скептически помотал я головой.

У неё узконаправленный Дар, ничего другого она не может: ни регулировать его, ни расширять поле действия. Только два положения: «вкл» и «выкл», как на старом стабилизаторе в моём далёком прошлом. Хм, вот надо же — сраный стабилизатор помню, а где он стоял и как я им пользовался — нет!

— Ладно, ты не отвлекайся! — сделал я Оле замечание, заметив, как уровень Силы в ней пополз вверх. — Трать давай всё, до остатка!

— Думаешь, выйдет? — в голосе девушки, перепуганной маячащими на горизонте перспективами кастрации, проскользнула надежда.

— Бля! — вместо ответа выругался теперь я, увидев, как один из проверяющих остановил свой внимательный легавый взгляд на мне и уверенно двинулся в нашу сторону. Вот сука!

Лови, дружище! Пора и мне немного потратить свою Силу. Проклятие на неудачу, рассеянность, забывчивость, невнимательность. Вот так, мой хороший, держи... Да я настоящий профессионал! Моя Сила просела на четверть. Да уж, всех проверяющих я так не отважу, да и в систему не смогу влезть, чтобы отметить нас как «чистых» — это не по моей части. Значит, придерживаемся первоначального плана — спускаем весь резерв в ноль.

Какая смелая пухленькая девушка — кинулась, словно грудью на амбразуру! Незнакомая мне абитуриентка, заметив моего недоброжелателя издалека, двинулась ему наперерез сквозь толпу будущих студентов и, добравшись до цели, гордо сунула руку мужчине под нос. Моя ты умничка! Нужно будет запомнить её и как-то отблагодарить.

Взгляд у проверяющего затуманился, он растерянно взглянул на девушку, кольнул её анализатором, посмотрел на дисплей и занёс данные в наладонник. Сделав дело и кивнув девчонке, он подслеповато стал озираться по сторонам, словно забыв, зачем здесь и что хотел сделать. Вспомнив, хлопнул себя по лбу, развернулся в противоположную от нас сторону и двинулся в толпу делать своё грязное дело. Вот и славно!

— Выйдет? — ещё раз переспросила меня Олька.

— Должно выйти, — вздохнул я, окинул Олю оценивающим взглядом и уткнул глаза в пол, чтобы больше не притягивать никого из проверяющих своим изучающим взглядом. — Правда, ты слишком медленно расходуешь Силу — потратила примерно пятую часть. Но должны успеть.

— Погоди, ты видишь эту... Силу? — округлила она глаза, снова перейдя на заговорщицкий шёпот.

— Ну да, есть немного.

— Ты не врешь, — задумчиво вздохнула и, неожиданно хитро прищурившись, посмотрела на меня. — Слушай, Макс... Давно смотрю на тебя, и мучает один вопрос, связанный с твоим быстрым взрослением, ростом и возмужанием.

Вот те на! Решила проверить меня своим Даром и выведать мои секреты? Интересно. Да, за этот год я спалился перед Олькой по максимуму. Рост, казино, фокусы всякие, не удивился её Силе, тогда на крыше, ещё и сейчас раскрылся. Шпион бы из меня вышел хреновый. И что ей отвечать? Раскрываться перед ней, или отмолчаться? Отбрехаться сейчас не выйдет, с её-то активным Даром Правды. Ладно, скажу всё как есть. Если что, подотру память, как Светлане.

— Спрашивай уже, хватит сверлить меня взглядом, — вздохнул я.

— Ты девственник? — хитро улыбнувшись, задала свой вопрос Ольга.

— В смысле? Как это... — хотел сказать «связано», и как она дошла до таких странных вопросов, какими умозаключениями руководствовалась, но просто махнул на неё рукой. Что ещё можно ожидать от взбалмошной девятнадцатилетней девчонки? «А ты — дура?» Именно этот вопрос созрел в твоей голове?

— Просто интересно. Не дуйся! Ты же так быстро вырос — гормоны, наверное, с ума сходят. Ведь если развитие ускоренно раз в десять, то и гормоны дают в десять раз сильнее. Так ведь? И мне интересно, как ты с ними справился и справился ли.

— Могла бы и раньше поинтересоваться, — хмыкнул я, — и предложить свою дружескую помощь!

— Ага! Ещё чего! Знаю я вас, парней, вам же в шестнадцать лет только это и подавай! Замучилась бы помогать! Ну так как? Ответишь?

— А ты отстанешь тогда со своими глупыми вопросами?

— Обещаю! — торжественно поклялась она и приложила руку к сердцу.

— Нет. Не девственник.

— Хм, не врешь... И когда ты только успел. Я же всё время была рядом.

— Значит, не всё, — ехидно кольнул я её ответ.

— Это да. Прошляпила... — тяжело вздохнула девушка, мельком бросив опасливый взгляд в толпу.

Теперь понятно, откуда эти глупые вопросы. Она очень сильно переживает и боится. Ладно, пусть спрашивает — хоть отвлечётся.

— А я тебе нравлюсь? Как женщина.

— Бля, Оль! Серьёзно? Ты решила допросить меня по полной? — для вида возмутился я.

— Ну да! А чего зря силу, как ты говоришь, переводить.

— Она восстановится через пару часов, — проворчал я.

— Ну всё равно! — упрямо мотнула головой. — Так нравлюсь?

— Да! Довольна?

— Немного... А как? Ты просто хочешь ко мне в трусики залезть? Или у тебя серьезные чувства ко мне?

Прибить её, что ли?

— Да, только и мечтаю стянуть с тебя трусы! — легко подтвердил я.

— Враньё. Хм, а ты бы смог меня предать или сделать мне больно?

— Легко! Вот прямо сейчас и сделаю, если не заткнешься.

— Опять врёшь... На оба вопроса. Макс!

— Что ещё?

— А хочешь знать, какого цвета у меня трусики?

— Да я и так знаю, — отмахнулся я. — Черные стринги, которые ничего и не прикрывают толком.

— Откуда? — брови Ольки на секунду взлетели вверх.

— А ты не сильно скрывает их.

— Извращенец! — фыркнула девушка и демонстративно отвернулась в противоположную сторону.

— Я? Seriously? Да я... Да мне даже нечего сказать на это... Так, ладно! Ещё половину Силы потратить, а то проверка всё ближе и ближе.

— Может, чуть отойдём в сторону?

— Нельзя. Будет выглядеть подозрительно. Тут камеры везде понатыканы и за нами по любому наблюдают, — покачал я головой и незаметно пробежался взглядом по толпе. Проверяющие всё ближе и ближе.

И мне же ещё нужно Силу спустить — я и забыл с этой болтовнёй. И кого же мне проклясть?..

Прибор одобрительно пискнул один раз, и дисплей анализатора загорелся мягким зелёным светом. Проверяющий, мужчина лет сорока с роскошными чёрными усами, хмыкнул, нахмурился, зачем-то стукнул по корпусу анализатора и задумчиво посмотрел на Ольку.

— Что-то не так, господин.

— Осипов, — подсказал проверяющий, — нет, всё хорошо. Просто, смотрю — вы тут нервничаете... А с чего — не пойму.

— Мандраж перед экзаменами, — отбрехала синеглазка. — Отец был полицейским, и я очень хочу поступить и пойти по его стопам. Мечтала об этом с самого детства!

— Да, я знаю. Видел ваше дело, Ольга. Ну что ж, желаю удачи на экзаменах! — он козырнул ей и повернулся в мою сторону. — Теперь вы, молодой человек. Протяните руку ладонью вверх.

Тоненький писк, зелёный свет и ко мне больше никаких вопросов. Было легче, чем я думал. Господин Осипов удовлетворённо кивнул, сделал отметку в своём наладоннике и пошёл дальше, словно упырь, собирая по капельке крови с каждого студента.

— Получилось! — прошептала Оля мне на ухо и крепко обняла за шею. — Спасибо, Максим! Что бы я без тебя делала?

Фух! А ведь сработало! Теперь мои слова о том, что я буду присматривать за Ольгой, казались пророческими. Действительно, придется присматривать, чтобы не встряла в очередную беду.

— Извините, молодые люди! Вас уже проверяли?

Я поднял глаза и наткнулся взглядом на женщину средних лет в точно такой же форме, как недавний господин Осипов и с точно таким же анализатором в руке.

— Да, проверяли, — растерянно буркнула моя подружка.

— Ничего. Проверим ещё раз. Ваши руки?

— Но... — попыталась возразить Оля, выпустив меня из объятий, наконец.

— Без «но», пожалуйста! — строгим выговором отчеканила женщина. — В стенах этой Академии распоряджения старших выполняются беспрекословно. Вы поступаете учиться в учреждение с воинскими этикетом, уставом и правилами. Если вы пришли сюда, вы уже не гражданские! Помните это. Руку!

— Извините, — пробормотала Оля и мельком глянула на меня.

Сука! А ведь Сила уже немного успела восстановиться.

«Да чтоб у тебя твой сраный прибор взорвался!»

«Да чтоб у тебя руки из задницы росли, когда ты клацаешь эту кнопку!»

Фух! Остаток Силы ушёл, словно в пропасть, и я протянул руку первым, давая время Оле спустить свою. Надеюсь, догадается.

— Хорошо, — кивнула женщина, глядя на зелёный экран, и всё ещё не убирая анализатор от моей руки.

Что-то в нём тихо хрустнуло, запахло палёным, и приборчик в руках тётки мигнул ещё раз, издал жалобный писк и задымился. А потом мою руку и пятку словно пронзили иглами. Сука! Больно-то как! Челюсть сама собой сжалась, кроша мои зубы в песок, а меня затрясло в судороге. Сука! Проклял на свою голову. И откуда в таком маленьком приборчике столько энергии?

Я упал на пол с единственной мыслью в голове: «Хоть бы не обмочиться!» Ссыкуну будет тяжело жить и учиться здесь, даже если это не его вина.

Запахло палёными волосами, где-то на потолке завывла пожарная сигнализация и я отрубился.

— Причёска, конечно... Бомба! Волосы торчат в разные стороны, и, кажется, до сих пор идёт лёгкий дымок. Или мне просто кажется. Тебе повезло, парень, — донёсся незнакомый мужской голос до моего сознания.

— Ты кто? Ангел? — спросил я у незнакомца и медленно добавил. — У тебя такой приятный голос. Такой нежный и добрый.

— Док! А с ним точно всё нормально? — обеспокоенно произнёс второй незнакомый мне голос.

— Да что с ним станется, не переживайте, Иван Петрович. Просто я немного переборщил с обезболивающими. Перебздел, как говорится. Но судя по его томографии, всё хорошо. Внутренние органы не пострадали, мозг, как говорится, не задет. Жить будет.

— Это хорошо.

Я приподнял голову и посмотрел по сторонам. Большая медицинская комната с белыми стенами, куча приборов и огромный шкаф с лекарствами. И два человека, стоящие у меня в ногах и поглядывающие в мою сторону любопытными взглядами. Значит, не ангелы. Ну, тоже хорошо.

Один из незнакомцев — пухленький мужчина лет тридцати в очках и в больничном белом халате. Второй постарше — седой старик в строгом чёрном костюме и с бородкой как у новогоднего старика.

Первая моя мысль — проверить штаны. Фух! Сухие. Значит, самое страшное меня миновало.

— Как себя чувствуете, Максим? — спросил тот, что был постарше и без халата.

— Нормально. Вроде, — неуверенно ответил я, хотя чувствовал себя прекрасно. Что мне какой-то удар током, и не такое переживал!

— Я ректор этой замечательной Академии — Павлов Иван Петрович, — представился седой старик с бородкой. — Мне очень жаль, что произошла такая неприятная ситуация. Вам что-то нужно? Просите, что угодно — мы всё исполним!

— Да, вроде, ничего. Спасибо за заботу, — поблагодарил я.

— Сможете сдавать экзамены завтра? К сожалению, отсрочить или перенести их я не смогу.

— А что, есть варианты? Зачислите меня без экзаменов за то, что чуть не убили? — удивлённо вскинул я брови.

— Такое у нас впервые, — пожал ректор плечами. — Я бы предложил зачислить вас, но не могу. Так что или сдаёте, или попробуйте свои силы в следующем году.

— Да уж, пообещали конфетку и сразу забрали, — расстроился я. — Смогу, всё нормально.

— Ну, могу предложить вам что-то другое. Чтобы загладить вину нашего сотрудника и уладить это маленькое недоразумения.

— Ну... Не такое оно и маленькое, — я болезненно скривился и даже очень артистично схватился за сердце.

— Максим! — одёрнул меня ректор, раскусив мой спектакль. — Это я из вежливости предложил — вины нашего сотрудника не было. Техника штука сложная, особенно, когда всё собирается на одном военном заводе. И шокеры, и штурмовые парализаторы, и анализаторы... А там у них знаете какой бардак?! Перепутали элементы питания, и всё.

И именно мне повезло наткнуться на это чудо техники. Кто бы сомневался!

— Ладно, — тяжело вздохнул я, смирившись со своей участью. Так-то я уже давно с ней смирился. — А могу я выпросить комнату с хорошим видом на озеро или лесок?

— И поменьше коек, наверное? — понимающе хмыкнул Иван Петрович.

— Вы сами предложили. Я за язык не тянул! И со мной ещё девушка — сестра по материнской линии. Можно её со мной поселить?

— Вам повезло, Максим. Есть у меня одна такая — всего на четыре кровати.

— Всего? — удивился я.

— Да. В основном у нас комнаты на десять и двадцать человек. На четыре персоны только для... для почётных учеников.

— Или для едва не убитых.

— Ну или так, — хмыкнул ректор. — Так что, по рукам?

— По рукам. А комнаты на двоих точно нет, или на одного? На одного я тоже согласен, если что.

— К сожалению, нет, — расстроил меня глава академии.

— Хорошо. Спасибо, Иван Петрович.

— Да не за что, молодой человек. Номерок получите на первом столике у распределителя. Я распоряджусь, а пока отдыхайте. И там девушка какая-то к вам ломилась.

— С синими волосами? — на всякий случай уточнил я.

— С синими, — подтвердил Иван Петрович и недоверчиво хмыкнул. — Та самая сестра?

— Ага.

— Странно. А кричала, что она твоя девушка, одной ногой — невеста. Вы уж там версии сверьте.

— Хорошо, сверим, — улыбнулся я в ответ.

— Надеюсь, вы сдадите экзамен, Максим. С такой фактурой, выдержкой и волей к жизни, вы будете одним из лучших учеников. Поверьте, я разбираюсь в людях. До встречи на экзаменах. Я буду принимать у вас историю Империи Российской.

Иван Петрович что-то шепнул на ухо стоящему и не проронившему ни слова за всё это время доктору, они синхронно развернулись и вышли из комнаты, оставив меня одного. А я закинул руки за голову и задумчиво уставился в потолок.

Нет худа без добра, как говорится. Током шибануло, но выбил комнату поменьше. Уже хорошо... И мой первый день здесь подошёл к концу. Надеюсь, что подошёл. Какой-то он был сложный. Наверное, потому, что я впервые забрался так далеко от дома и вышел из зоны комфорта. Было непросто. А ведь экзамены ещё даже не начались.

— Хватит валяться! — заглянула в медкабинет головка с синими волосами. — Пошли комнату посмотреть, мне уже номерок выдали.

— Пошли... — тяжело вздохнул я, поднялся с медицинской койки и побрёл за шевбутной девчонкой. — Оль, а что там за история с девушкой или даже невестой?

— А, это? — отмахнулась она. — Да меня к тебе не пускали, пришлось импровизировать.

— Могла сказать — сестра.

— Что-то не подумала. Я же одна в семье, на автомате выдавала. Не парься.

— Лады.

Через десять минут ходьбы по просторным и светлым коридорам академии мы с Олькой уткнулись в дверь нашей комнаты, переглянулись и шагнули внутрь. А неплохо тут! Можно

сказать — просторно. Две двухъярусные кровати, два стола, два кресла. Настольная лампа на тумбочке. Большое окно и вид из него прямо на зелёный ухоженный газон. Можно выйти через широкую стеклянную дверь, или вытащить на улицу кресла и посидеть там, наслаждаясь природой. Так и сделаю, если будет время.

Эх! Даже жаль, что эта комната будет нашей лишь пару ночей. Хотя, Оля говорила насчёт бюрократии — так что шанс есть.

— Я сверху! — сразу определилась Оля и кинула свою маленькую сумку на второй ярус.

— Тогда я снизу, — сказал я, словно у меня оставался выбор. — Привет, парни! — поздоровался я с двумя другими обитателями нашей берлоги, притаившимися на второй двухъярусной кровати. Один уткнулся в планшет, второй просто лежал с закрытыми глазами, сложив руки на груди.

Разговорить их получилось с трудом. Любитель планшета отмалчивался и отвечал короткими односложными предложениями, а любить поспать в основном угукал.

Выяснить удалось немного. Никита, первый парень, из какой-то глухой деревни. Высокий, худой, стройный и весёлый. Вроде, весёлый. По крайней мере, когда он отлип от планшета, стал гораздо разговорчивее и заметно повеселел. А второй — полная его противоположность. Столичный парнишка Ярослав — сбитый, приземистый, с толстой накачанной шеей, черными глазами и слегка сторбленным носом. Наверняка с примесью горных кавказских кровей.

— А вас за какие заслуги поселили сюда? — решил поинтересоваться я.

— Случайность, — пожал плечами Никита.

— Без понятия, — отвернулся к стенке Ярослав. — Поселили и поселили.

— Врут, — хмыкнула Оля со своей второй полки, на которую уже успела забраться.

— Понятно, — скривился я, — врунишки-шалунишки.

— Эй, парниша! Не базарь так! — вспыхнул горячий Ярослав, вскочил с койки и набычился.

— Выпьем? За знакомство? — предложил я.

— В смысле? — не понял и сразу растерялся мой визави.

— Ты, когда спрыгивал с кровати, сумку задел ногой, и там что-то характерно звякнуло, — пришлось мне пояснять ему. — А нам в этой комнате ещё две ночи вместе жить, как минимум. Вот я и спрашиваю тебя — выпьем? Чтобы легче жилось.

— Хм, а ты мне нравишься, — широко улыбнулся Ярослав. — Выпьем!

Он нырнул под кровать к своим сумкам, а через секунду вынул обратно, держа в одной руке лимон, а в другой — красивую бутылку с надписью: «Арарат» на этикетке.

— За знакомство!

С меня был нож, с которым я не расставался и который очень удачно подошёл для резки лимона. С Ольки приятная женская компания, а с весельчака Никиты — стаканчики, за которыми мы послали нашего юного гонца в столовую.

А через каких-то полчаса я уже знал, как звали родственников Ярослава минимум до третьего колена, как он очутился в нашей вип-комнате и как зовут двух его невест, на которых он совсем не хочет жениться. И как они оба очутились в этой комнате, мне тоже не пришлось долго выяснять. Парни всё рассказали сами.

Отец Никиты был поставщиком Академии по фермерским продуктам и неплохо ладил с администрацией. А Ярослав — горец с чисто славянским именем, просто выставил ректору ящик вот такого прекрасного напитка, каким сейчас угощал нас. И это была его предпоследняя бутылка, о чём он в глубине души очень сожалел. Коньяк в академии — это самая твёрдая валюта, которая подходит как для преподавателей, так и для натурального обмена со студентами.

— Не переживай, Яр! Напишешь письмо предкам, вышлют тебе ещё пару ящиков, — утешал я парня.

— Это да... — пьяненько хмыкал мой новый друг.

Кстати, вторую бутылку коньяка мы тоже уговорили. Одной на четверых... хотя, даже на троих, было маловато. Я почти не пил, а вот парни и Оля накидались будь здоров!

Оля, конечно, была смешная. Всё время благодарила меня за всё, что я для неё сделал, и называла лучшим другом, ставя в пример парням.

— Мой братюня! — хлопала она меня по плечу и гордо задирала носик.

Отрезвлять я её не стал — пусть расслабится после пережитого за день стресса. Через два часа я уложил всех по койкам и отправился спать сам. Завтра тяжёлый день — первые экзамены.

А ночью была гроза. Да ещё какая! Настоящая, майская. Так я и вырубился, под раскаты грома и блеск молний. Просто лучшая ночь в моей жизни в этом мире.

Глава 15

Будильник прозвенел ровно в пять, ведь в шесть нам нужно быть на построении. Никто кроме меня даже не среагировал на него. Вот те на! Я, что ли, должен за всех отвечать? И что за тело придавливало меня к стене? Стройное, обнажённое женское тело, прижимающееся ко мне своей округлой попкой. Знакомой попкой.

Я проморгался и сосредоточил взгляд на синих волосах, разбросанных на моей подушке. Олька? Голая? И что она здесь делает? Ничего не помню, а я ведь и не пил вчера — так, пару глотков за компанию, чтобы не переводить драгоценный продукт Ярослава, всё равно ведь Регенерация выведет из организма алкогольное опьянение за несколько минут.

Хм... А попка у кое-кого очень даже ничего! А я не железный, у меня сразу что-то шевельнулось... в душе, и упёрлось между упругих ягодичек девушки. Хорошо, хоть я не голый был. Или плохо. Тут с какой стороны посмотреть.

— Оль! — прошептал я на ухо девушке, пока не случилось что-то непоправимое.

— Что? — откликнулся хриплый голос моей подруги.

— Что ты делаешь в моей кровати?

— Я?

— Ты.

— Что я? — не поняла она.

— Что. Ты. Делаешь, — повторил я по словам. — В моей кровати!

Секундное замешательство, неловкое задумчивое молчание — я, кажется, даже слышал, как ворочаются и скрипят извилины в её головке. Оля медленно обвела нашу комнату взглядом, приводя мысли в порядок, умудрилась повернуть голову ко мне, взглянула, узнавая, тяжело вздохнула, откинула одеяло, под которым мы лежали, и тут же завернулась в него снова, ещё крепче.

— Ух ты ж, твою мать! — едва не выругалась она, обнаружив под одеялом голую себя. — Я ничего не помню... Ох и накидалась же я вчера! Голова трещит. Говорила же, нужно периодически практиковаться — навык теряется! А ты: «Прекращай пить, прекращай пить».

— Вообще ничего не помнишь? — пропустил я её ворчание мимо ушей.

— Руку убери, кстати! И где моя одежда?

— Какую руку? — На всякий случай уточнил я, нахмурившись.

— Свою! Которой ты меня за грудь лапаешь!

Точно! А я ещё думаю, что такое приятное, горячее и мягкое лежит в моей правой ладони. И ничего я не лапаю! И так левую руку отлежала мне, развалившись на ней, так ещё и права качает.

— Прости, на автомате, — изобразил я пожатие плечами и попытался убрать руку, прижимающую ко мне голенькое тельце Ольки.

— Верни обратно, бляха! — едва не свалившись с узкой кровати, зашипела она и опять закуталась в одеяло. — Да не на сиську же! Просто держи, чтоб я не упала. Так... Дай подумать, — принялась рассуждать Ольга и снова зашипела, как рассерженная кошка. — Руку убери, я сказала!

— Да ты определись уже!

— Держи меня за живот, что тут сложного?

— А ты не прижимайся ко мне задницей! — не остался в долгу я.

Оля посопела немного, для проформы, и снова шёпотом принялась вспоминать:

— Помню урывками. Сначала пили... Потом ты отвёл меня спать... Укрыл... Потом эта долбанная гроза!

— Долбанная?

— Да, я грозу боюсь с детства. Потом слезла с кровати, сбегала в туалет. Это помню. А потом забраться не смогла на второй этаж, не могла лестницу нащупать. Долбанная лестница!

— А гольшом обязательно было ко мне ложиться?

— А вот этого я не помню. Просто... Всегда мечтала, когда наконец съеду из дома родителей, спать гольшом. Наверное, одно на другое наложилось.

— Понятно, — вздохнул я.

— Макс! — осторожно позвала меня Оля.

— Что?

— А ты... Ты не воспользовался моментом? — затаив дыхание и активировав свой Дар, осторожно спросила она.

— Нет, не успел, — ехидно ответил ей и сразу смягчился. — Я только под утро обнаружил тебя здесь, да и очень крепко сплю, если честно.

— Спасибо, Максим.

— Кому-то из нас двоих противопоказано пить, и это точно не я, — язвительно заметил я. — Хорошо, что ты ко мне пришла, а не к кому-то из парней. Хотя, Ярик бы точно не стал отказываться — он парень горячий!

— Да пошёл ты!

— Давай уже вставай и одевайся, хватит тереться об меня и сиськи мять! Пригрелась она здесь.

— Да пошёл ты! — снова фыркнула Оля, легко спрыгнула с кровати, стянув с меня одеяло и укутавшись в него. — Я вообще-то не по парням! Ты забыл?

Она поправила растрёпанные волосы, скрутив их в хвост, достала из сумки сменную одежду, прихватила полотенце и обернулась ко мне:

— Я в душ, а ты буди своих собутыльников, а то проспят! — вильнула попкой и вышла из комнаты.

А фигурка и тело у неё просто отпад, особенно, когда она голенькая! Идеальная девушка. погоди! В каком смысле не по парням? Ну не любит она их, это я помню, конечно. Ладно, потом задамся этим вопросом.

— Так, парни! — выкрикнул я, подскочив со своего места и громко хлопнув в ладоши. — А ну, подъём!

На построение мы не опоздали, как ни странно. Мои соседи по комнате достаточно дружно и бодро подскочили со своих кроватей, но затем так же дружно рухнули обратно, придерживаясь за больные головы. Зато вчера им было хорошо!

Растолкав их и отправив в душ, пошёл следом. Душевая нашлась быстро, я просто двигался по указателям и вошел в дверь с нарисованной на табличке душевой стойкой. Было не сложно. Скинул одежду в шкафчик и направился принимать водные процедуры.

А душ действительно был общий... Я и забыл слова Ольги. Ни перегородок, ни стеночек, ни кабинок. Просто несколько десятков душевых леек прикреплённых к стене с одной стороны и столько же с другой. По душевой расхаживали парни и девчонки, и лишь парочка таких же как я растеряшек, неуверенно глазели на обнажённых или прикрытых лишь полотенцами людей. Да уж... Почему-то это зрелище вызывает во мне бурю чувств и эмоций. Ладно, привыкну.

Увидел в дальнем конце Ольку, ещё раз оценил её ладную фигурку издалека, заметил несколько парней, откровенно пускающих слюни на мою соседку, и пошёл в противоположный угол. Странно, перед другими стоять голым и трясти «слоником» мне не стыдно, да можно сказать абсолютно пофиг, а продемонстрировать наготу перед Ольгой, почему-то некомфортно. Хотя сам видел её голой уже дважды. Станный выверт сознания.

Быстро принял контрастный душ и помчался на построение, не став никого ждать. Не маленькие, найдёмся как-нибудь. А не найдёмся, вечером встретимся в одной комнате. Нам ещё одну ночь кантоваться вместе.

Построение было торжественным. Я насчитал как минимум пять тысяч абитуриентов, хотя, возможно, ошибался в подсчётах. Людей было просто тьма! Мы выслушали речь ректора,

познакомились с преподавателями и кафедрами, узнали неписанные правила и кодекс академии и, конечно же, правила и порядок сдачи вступительных экзаменов. А потом всем табуном двинулись в столовую. Ни Ольку, ни наших новых знакомых я не видел. Ну и ладно.

И ровно в девять часов начались экзамены. Я попал в аудиторию с такими же пятью сотнями претендентов, как и я, расселись в произвольном порядке, по своим отпечаткам пальцев вошли на учебных планшетах в систему и принялись проходить тестирование.

Пять часов без возможности покинуть своё место и без права общаться и даже о чём-то спрашивать соседа. Рот не раскрывать, ничего не спрашивать, не перемигиваться, не петь, не настукивать — именно об этом говорил ректор.

Нарушители, те, кто пытался сжульничать или просто отлучиться в туалет, покидали аудиторию и больше не возвращались. Логика в этом была, наверное. Если те не можешь высидеть на месте и спокойно вытерпеть пять часов не нарушая правила — тебе в академии не место.

Пять часов! Потом короткий часовой перерыв, обед, смена аудитории зачем-то, какая-то странная рокировка, и снова тесты. Нелегко здесь! А я почему-то думал, что это будет лёгкая, ненапряжная и весёлая прогулка.

Экзаменационное тестирование закончилось после восьми вечера. Я наблюдал, как из аудитории, проклиная и ругая всё на свете, вываливались измотанные абитуриенты и побрели словно зомби. Кто в свои комнаты, кто в столовку на ужин, кто-то просто падал жопой в коридоре на пол и пустым взглядом смотрел в стену. Я бы, наверное, поступил как последние — привалился спиной к стене и полчаса посидел. Но! Живот урчал, а организм настойчиво требовал питательных веществ.

Столовую нашёл быстро. Взял себе картофельное пюре, куриную ногу, салат и компот. Много компота! Пить хотелось даже больше, чем есть. А спустя минут десять, как только во мне исчезла картошка и курочка, жизнь стала налаживаться. Жить стало веселее! Душ и спать — больше сил ни на что не осталось.

Хотя, некоторые парни с девчонками начали сбиваться в кучки по десять-двадцать человек, что-то подливать в стаканчики из-под полы, и за их столами начали раздаваться весёлые смешки и оживлённые шумные споры, меня это совсем не прельщало.

Ну-ну... А ведь завтра сдавать физподготовку. Кто-то из этих ребят явно переоценивает свои силы. Хотя, может, это я такой старьёй. В душе. И не тяну такие мероприятия. Или реально смотрю на вещи — погулять я ещё успею, а вот сдать второй раз физподготовку мне вряд ли позволят.

В комнату вся наша маленькая компания вернулась ближе к десяти, волоча ноги как старички. Словно сговариваясь, из одного коридора вышли Ярослав с Никитой, а из бокового прохода, ведущего в душевые, с полотенцем на голове выплыла уставшая Оля.

— Как всё прошло? — поинтересовался я у троицы, дождавшись их возле нашей двери.

— А! — коротко отмахнулся Никита и скривился. — Походу, мне жопа.

— Устал! — так же коротко ответил Ярик. — Хочу завалиться и спать. Никогда не думал, что скажу это, но даже пить нет сил, хотя желание забыться имеется.

— Всё нормально, — пожалла плечами Ольга и покосилась в сторону Ярослава, — но если мне хоть один человек скажет, что выпивать перед экзаменами хорошая идея — я его прибью!

— А я что?! — возмутился горец со славянским именем. — Сами вчера просили добавку! Всё, я спать! — Ярослав протиснулся между нами, открыл дверь комнаты и пошаркал в сторону своей кровати. Скрипнули пружины, и через три секунды раздался суровый богатырский храп.

Мы переглянулись, едва сдерживая улыбки, и последовали примеру нашего соседа. Просочились в комнату, попадали на свои места, тупо воткнули морды в подушки и вырубались. На разговоры сил у нас уже не осталось.

Как ни странно, в своей кровати я проснулся один. Парни дрыхли на своих местах, Оля на своём. Никто не пытался ко мне пробраться гольшом. И это даже немного обидно. Эх!

Я встал, сделал короткую разминку, разбудил соседей и отправился в душевую. Второй, решающий день экзаменов.

Турник, самбо, отжимания и полоса препятствий. Забавно было смотреть на такую толпу новобранцев, которые совсем не умели работать сообща или хотя бы немного слажено. Безумная толпа дикарей — именно такое сравнение приходило на ум, глядя на молодых, весёлых и здоровых ребят, носящихся вокруг академии под присмотром строгих инструкторов, подмечающих каждую мелочь. А завершилось всё забегом на дистанцию в 30 км.

Мне показалось, или в этот день я меньше устал? Нет, не показалось. Ноги не волочились, спина не ломилась, да и я сам был бодрячком. Да и остальные ребята выглядели гораздо свежее, чем вчера.

К пяти часам мы сдали все нормативы, окинули скорбящим взглядом небольшую кучку отсеявшихся самостоятельно, и двинули грязной, потной толпой в столовую. Сначала пожрать, а уже потом водные процедуры — обед у нас сегодня не было.

Сегодня мы ужинали вместе. Ещё утром договорились собраться и встретиться в условном месте и сейчас сидели за большим столом, уминая каждый свою порцию. Никита выглядел растерянным и уставшим. Ярослав светился счастьем, а Оля задумчиво ковыряла вилкой в тарелке. Какую-то вялую компанию я себе подобрал. Даже довольный Ярослав отмалчивался и просто наворачивал гречку с мясом. Вон, за соседним столиком тройка девчонок вовсю

тарахтела и обсуждала события дня с окружившими их парнями. А мы... Словно траур какой-то.

— Ты чего такой счастливый? — не выдержал и поинтересовался я у Ярослава.

— Ты не в курсе? — подняла на меня свои голубые глаза Оля. — Ярик у нас взял первое место по самбо. Чемпион!

— Да? Так я проиграл чемпиону? — удивился я. — Ну, теперь это не так обидно.

С Яриком мы схлестнулись сегодня разок на песочной импровизированной арене, когда наши инструкторы устроили соревнование на вылет. Я победил в двух поединках и в третьем проиграл своему соседу по комнате. Теперь это, и правда, не так позорно.

— Та! — скромно отмахнулся парень от простенького комплимента Ольги. — У меня три брата, и все не ниже мастера взяли. Так что, это у нас семейное.

— Поздравляю! — хлопнул я его по плечу, и он зарделся ещё чуточку сильнее.

А ровно в шесть вечера пришли результаты. Одновременно пять тысяч часов издали громкий писк. Ладно, не пять тысяч — в столовой только тысяча мест, и часть из них была свободна. Ровно в шесть часов каждому абитуриенту пришло оповещение о результатах тестирования, и по столовой прокатился дружный вздох то ли разочарования, то ли облегчения, то ли радости... А может, всё вместе взятое.

— Бля! — зло выругался Никита и, не сдержавшись, ударил кулаком по столу. — Провалил! Сука! Отец меня с говном сожрёт!

— Мне жаль... — попытался утешить я парня, сам ещё не взглянув на свои результаты. — И что дальше? Пересдачи нет?

— Нет. Дальше только домой. В сообщении указано: «Просим освободить занимаемую комнату до 21:00 и сдать ключ. Желаем удачи в следующем году!». Суки! — скрипнул Никита зубами. — Устроили тут какую-то херовую игру на выживание! Я напишу куда следует, устрою им сладкую жизнь!

Парень молча подскочил со своего места, громко скрипнув стулом по полу, развернулся и, не прощаясь, покинул нас. Да уж...

— А меня зачислили, — вздохнул Ярослав. — У тебя что, Макс?

— Тоже принят, — ответил я, прочитав сообщение на часах вслух. — Максим Климов, поздравляем вас с поступлением в Имперскую Сыскную Академию! Вы зачислены на курс «Силовая специализация», Группа «В». Ваша новая комната «3/32/20». Не забудьте оповестить родных и близких. И не пропустите своё первое учебное построение — завтра в 6:00.

— Я не понял... А в каком смысле — построение? Разве мы не по домам? — возмутился Ярослав.

— Нет. Завтра уже начинаются занятия, — сообщила Оля.

— Так быстро? — растерялся он ещё сильнее. — Мне же нужно стол дома накрыть в честь поступления. Отец машину обещал купить... Да и девчонки ждут.

— Может, именно поэтому? — хмыкнула Ольга. — Чтобы половина не растерялась после празднеств. Через месяц первый отпуск, если залётов не будет, тогда можно будет смотаться домой.

— На неделю?

— На два дня, — хмыкнула девушка.

— Так не честно! — Ярик надулся, возмущённо покачал головой и снова принялся за еду.

— Оль! Ты как? Поступила? — решил уточнить я у синеглазки, а то она как-то подозрительно отмалчивалась.

— Ага! — девушка счастливо улыбнулась и продемонстрировала мне свои часики.

— Курс «Административная юстиция», Группа «А». Ваша новая комната «3/32/20», — прочитал я вслух. — Так мы будем на разных курсах?

— Зато жить в одной комнате! — обрадовалась она меня.

— У меня тоже «3/32/20»! Будем жить вместе, фебята! — улыбнулся Ярик полным ртом гречневой каши.

— «3/32/20» — это ведь комната на двадцать человек? — задумчиво почесал я висок.

— Угу! Комната... Не комната, а барак! — фыркнула Олька. — Побаловались уютными апартаментами — добро пожаловать в общагу!

Я откинулся на спинку стула и стал наблюдать за теперь уже моими сокурсниками. Людей в зале заметно убавилось, но те, кто остался, радовались и чуть ли не плясали от счастья. За одним из столов сидели наши инструкторы в форме, снисходительно поглядывая на ребят и стихийно разгорающееся веселье. Кто-то вскрыл шампанское, кто-то стрельнул хлопушкой.

Один из инструкторов, хитро прищурившись, прошептал что-то на ухо другому, и те весело рассмеялись. Понятно — отыграются потом. Сейчас они явно давали нам поблажку.

— Силовая специализация — что это вообще такое?

— Силовики! — пожал плечами Ярослав.

Яснее не стало.

— Это полицейские, спецназ, следователи... — пояснила Оля. — Направлений много, главное, что не на кабинетную работу, не переключать бумажки. Да вас бы и не взяли — таких кабанов и в кабинет!

— Поговаривают, на «бумажках» зарплата больше как минимум на пятьдесят процентов, — тяжело вздохнул Ярик. — Палка о двух концах. Сидишь скучаешь, но больше получаешь.

— А Административная юстиция? Это с чем едят? — решил я восполнить свой пробел в знаниях.

— Элита! — фыркнул Ярик на мой вопрос и покосился в сторону Ольги. — Но туда в основном девчонок и берут. Не знаю, чем они там занимаются.

— Спецотделы или прокуратура, — пояснила Оля. — Не очень интересно, я хотела в следователи податься.

— Может, ещё и подашься. После учёбы будет распределение.

— Это да, — наклонившись ближе к нам, чтобы её никто не услышал, Оля прошептала. — Отпразднуем?

— Так нет ничего! — грустно пожал плечами Ярослав и опечалено уставился в сторону компании с шампанским.

— Я знаю, где взять. Я тут с одними девчонками познакомилась.

С девчонками. Ну что могла добыть Оля у девчонок? Две бутылки вина и... всё. Но это и к лучшему. Праздновать нам всё равно было негде. Нашу маленькую комнату нужно сдать, переехать в большую, а там уже была целая толпа парней. Да и нельзя нажираться как в прошлый раз — одного раза достаточно. В общем, мы тихонько посидели в столовке, маскируя вино под компот, отпраздновали и пошли переселяться. А на следующий день началась муштра и учёба.

Ярослав попал со мной в одну группу, сразу подсел ко мне на лекциях, и мы неплохо с ним сдружились. А вот с Олей мы виделись очень редко. Иногда пересекались, конечно, но в основном, вечером за ужином, или в нашем бараке, или утром на разминке, или за завтраком. Не густо.

Комната, барак, казарма... Не знаю, как правильнее назвать, но это и не важно. Большая комната на двадцать одноуровневых кроватей. Всё в ней было максимально просто — это место только для того, чтобы переночевать. Больше в ней ничего и не было. Единственный плюс — это свой душ и туалет. Хотя, свой — это громко сказано. Точно такой же общий, без перегородок и кабинок, на десять мест, но только для нашей комнаты.

Но был и существенный минус. Охрененно огромный минус! Оля была единственной

девушкой в нашей казарме. Это очень... неловко. Особенно среди заряженных тестостероном парней. Интересно, будут у нас неприятности на этой почве или нет? Хотя нет, не так сформулировал. Будут у нас серьёзные неприятности на этой почве или не очень?

По молчаливому согласию всех парней нашей маленькой казармы, Оле отвели отдельное время в душе и к ней никто не пристраивался. Ну, почти... Всегда есть исключение из правил.

Тройка избранных, мажориков, которые диктовали всем свои правила и рассказывали, как жить и что делать. И этих парней такое положение дел категорически не устраивало. Они немного ворчали и каждый раз вставляли по этому поводу свои колкие реплики, но дальше ворчания дело не доходило. Сраная золотая молодежь, которая считала себя лучше остальных. Пока они меня не трогали, я даже проклинать их не стал. Лучше не светить лишний раз своей Силой в этом мире.

Выходные здесь не предусмотрены. Если так можно вообще сказать. Шесть дней учёбы и один выходной на благо академии. Субботник, мать его! И почему я думал, что учёба — это удовольствие, гулянки и дружба? Ни на что это времени здесь просто не было! Хорошо, хоть Ярик подвернулся под руку, новые знакомства заводить просто некогда. Даже с парнями из нашей комнаты мы не сильно сдружились. Не знаю почему. Хотя нет — знаю! Сейчас расскажу.

Первый наш косяк — это дружба с Олькой. Какого хера эта девчонка дружит с этими двумя, а на остальных смотрим свысока?! Так думал каждый второй из наших соседей.

Второй косяк. Ну, здесь уже постарался Ярослав, помяв ещё при поступлении двух парней на состязании по самбо, считавших себя непобедимыми чемпионами. Больше помяв их самолюбие, конечно. Но парни злобу затаили и даже настроили против нас несколько своих товарищей.

Ну и третий косяк. Тут мы уже точно ни при чём. Наша тройка избранных, считавших, что мир вертится только вокруг них, и не ладивших не только с нами, но и с остальными обитателями нашего барака. Парни смотрели на всех, как на грязь под своими ногтями, и наверняка хотели подмять под себя всех остальных. Кое-какие успехи в этом у них уже были.

Ладно! Это всё не смертельно — год учёбы мы потерпим, тем более, виделись мы с ними крайне редко.

Что ещё... Девчонок в академии мало. На три тысячи парней едва пара сотен — я видел списки. Царство мужчин! Молодых и полных энергии мужчин! И тестостерона здесь хоть жопой жри. В нашей группе из ста человек всего пять девушек.

Учёба текла своим чередом. Лекции чередовались с тренировками, тренировки со сдачей контрольных тестов и нормативов. В наши головы вдалбливали многое. Ладно, я мог понять, для чего мы учили уголовное право или даже историю. Но зачем зубрить русский язык? Разве в школьной программе мы прошли не всё? Не знаю, что из этого пригодится на

практике, но я старался запоминать и не сильно умничать.

«Повторение — мать учения!» — любимая присказка одного из преподавателей.

Первые три недели пролетели, словно один день, и я уже думал, что неприятности меня минуют и, наконец, моя неудача забыла о моём существовании. Но... В общем, зря я так думал. Очень зря!

С вечерней тренировки я вернулся поздно. Большинство парней уже спало, а Олька сидела на своей кровати какая-то раздражённая или заведённая, поджав ноги под себя и держа в руках толстую тетрадь конспектов и что-то зубрила.

— Оль! Как дела? — вежливо поинтересовался я у своей соседки по кроватям.

— Не очень... День какой-то херовый. Ещё и эти, — она кивнула в сторону тройки наших мажоров. — Сегодня в ударе. Пытались докопаться до меня. То я неправильно веду себя, то не убираю здесь, то ещё что-то.

— Хочешь, поговорю с ними?

— Не вздумай! Я знаю, чем это закончится.

— Чем? — на всякий случай решил я узнать её мнение.

— Отчислением. Тебя точно отчислят, а их отмажут.

— Ну ладно, я подумаю. Может, придушу ночью подушкой кого-то из них, — решил я разрядить обстановку простенькой шуткой.

— Иди спать, душитесь! — хмыкнула Оля, улыбнулась мне и снова уткнулась в исписанную тетрадь.

Я угукнул, пожелал ей спокойной ночи, повернулся на бок и закрыл глаза... И открыл снова. Мне не спалось. Из головы не выходили слова девушки — не люблю, когда моих друзей обижают. Но как отомстить или приструнить этих трёх идиотов, я пока не придумал. Да и Силу в академии я применять не спешил. Тут за каждой необычной и нестандартной ситуацией сразу следует серьёзное и кропотливое расследование.

Сука! Охраняют будущих аристократов сильнее, чем самого Императора. Хотя, тут ведь не только будущие аристо учились. Вполне вероятно, здесь много реальных наследственных дворян: барончиков, графчиков, может, даже маркизиков. Прокурорская или полицейская служба — хороший толчок не только для карьеры, но и для роста титула. Да уж... не думал я, что будет так непросто.

Олька училась допоздна. И только часов в двенадцать выключила свою маленькую лампу над головой и пошла в душ. И я, наконец, закрыл глаза. И с закрытыми глазами уже не заметил, как за Олей в душ нырнули три шустрые тёмные тени.

Словно что-то толкнуло меня в плечо. Какое-то внутреннее чувство. Запоздалое чувство! Я уже упустил что-то важное и катастрофически куда-то опаздывал. Сердце гулко бухало и торопливо стучало в груди, накачиваемое адреналином по самое не могу. Я ещё не понял что, но уже точно знал — происходило... произошло что-то очень херовое!

За всё то время, что я приучался избегать неприятности и старался не попадать в них — я научился чувствовать приближение беды своей задницей. И сейчас моя задница прям вопила : «Макс, нам жопа!»

Вскакивать с кровати и куда-то бежать я не спешил, хотя, может, и нужно было. Просто открыл глаза и таращился в темноту над головой, прислушиваясь к тихому храпу парней. Маленькая дежурная лампа над входной дверью, ещё одна точно такая над дверью в душевую — вот и всё освещение.

Вроде всё тихо... Почему тогда я проснулся? Что не давало мне спать? Может, дурной сон? Какого хера сердце бьётся так громко? И сколько я проспал? Одни вопросы. Судя по ощущением, проспал я полчаса или час — не больше.

Тихий писк или какой-то скрип со стороны душевой заставил меня вздрогнуть. Я пробежался по комнате взглядом и насчитал четыре пустых койки. Одна Олькина, а три других... Сука! Сука!

Соскользнул с кровати, натянул штаны, проверил на автомате карман, нащупал нож в чехле и, не став обуваться, шлёпая босыми ногами по холодному полу, двинулся к подсвеченной двери. Мне это всё не нравилось, а холодок, пробежавший по хребту, заставлял нервничать ещё сильнее.

Одна дверь в тёмный предбанник, вторая уже из него. Яркий свет резанул по глазам, а клубы молочного пара ударили в лицо. Я растерянно замер на пороге, пытаюсь вычленивать звуки. Шум воды почти не заглушал тихие мужские голоса и какой-то обречённый женский стон. Хлюпанье, рычание, шлепки, суетливое сопение. Сколько здесь звуков, оказывается.

Несколько шагов прямо по раздевалке, поворот налево, а затем направо. Большая комната с душевыми лейками на белых стенах и четыре человека ровно посередине. Трое обнажённый парней стояли спиной ко мне — загорелые, подтянутые, с крепкими ягодичными мышцами. И одна сломленная девчонка на коленях перед ними.

Сука! Так больно мне ещё никогда не было! Зубы скрипнули до хруста, кулаки сами собой сжались до судороги в костяшках. СУКА! Оля равнодушно скользнула взглядом по моему лицу, словно не узнала или будто ей было всё равно, и потупила глаза в пол. Лицо разбито, губы в крови. Сгустки крови и зубы на белом полу. Жестко! Это чтобы не кусалась?

Детки богатых родителей... Не боятся, что им что-то будет за это, родители откупят? Или они хотели обставить всё это как несчастный случай — неловкая девчонка упала в душе,

расквасила себе лицо и... и может, даже умерла. Твари!

— Ещё кусаться будешь, сука? — довольный голос Алика, старшего из этой тройки. — Ну что, парни? Я её приструнил. Будете пробовать?

— Да ну нахер! — фыркнул приземистый крепыш Эдик. — Она мне все руки расцарапала.

— А мне чуть причиндалы не откусила, — отказался от предложения Митрофан.

— Ну, теперь то не откусит! — самодовольно хмыкнул Алик. — Бля, парни! Так мы каши не сварим — полчаса балду пинаем здесь, пора с ней кончать!

— Пора! — согласился Эдик. — Но я первым не пойду — дикая она какая-то. Ты в глаза её глянь. Конченная! Может, ну её на хер?

— Ни хера! Я хочу довести дело до конца! — Алик упрямо мотнул головой. — Она у меня столько крови попила, ещё и сиськами своими вертит постоянно перед нами! Сама ведь хотела!

— Вот и доводи. Твоя идея — тебе и лавры первопроходца! А мы поддержим. Да, Мить?

— Ага! — довольно подтвердил Митрофан. — А потом уже поучаствуем, когда она посговорчивее после тебя станет.

— Как хотите! — Алик довольно хмыкнул, сделал шаг вперёд и словно почувствовал мой обжигающий взгляд в спину, обернулся. — О! Климов! Тебя мы не приглашали. Тебе ведь проблемы не нужны? Сделай вид, что ничего не видел и пошло вон отсюда!

Действительно... Пошло оно всё!

Я небрежно накинул на троицу Проклятье неловкости и неудачи, достал нож из чехла, взяв за рукоятку так, чтобы лезвие пряталось за запястьем, и пошёл навстречу проблемам.

— Эй! Ты... — больше Эдик ничего сказать не успел, забулькав кровавыми пузырями и упав на пол, зажимая рану.

Я резанул его по горлу, сделал обманчивый выпад в сторону, поднырнув под удар Митрофана, дважды крест на крест полоснул того по груди, оставив две глубокие кровоточащие раны, и пяткой приложил в живот, откинув парня на несколько шагов назад.

Митя тихо заскулил, как побитая дворовая псина, упал на кафельный пол и, оставляя на белой плитке кровавые отпечатки ладоней, пополз к стене. Минус два.

Алик. Всегда считал его самым опасным. Он занял второе место в том соревновании при поступлении, проиграв лишь нашему Ярославу. Парень хмыкнул, сделал одно ложное движение, второе, резко крутанулся вокруг себя и каким-то чудом попал по моей руке, на мгновение потеряв чувствительность. Нож отлетел в сторону, но подбирать его уже не

было времени.

Алик кинулся ко мне, снова обманул, нанеся болезненный удар в грудь, сделал подсечку, повалил в партер и принялся душить, умудрившись дважды стукнуть меня своим лбом в переносицу. На мгновение я потерял ориентацию из-за посыпавшихся искр перед глазами, а потом из-за недостатка кислорода в глазах стало темнеть. Сука! Сдыхать ещё рано.

Я пытался нащупать лицо гада, и он дважды отбрасывал мои руки, не переставая душить. Сука! Крепкий какой. Ещё одна отчаянная попытка — я цепко хватаю его за скулы и впиваюсь большими пальцами в глазницы, вдавливая его зрачки вовнутрь. Не до красивых приемов сейчас.

Ногами обхватываю его за пояс в замок и прижимаю к себе, не выпуская и не давая сбежать. Давление на моей шее ослабевает, но вместо этого я получаю несколько тяжёлых и отчаянных ударов кулаками по голове. Всё в полной тишине, нарушаемой лишь звуками борьбы и сопением — никто из нас не горит желанием привлечь сюда лишние глаза и уши. Ещё чуть-чуть...

Выпускаю его из захвата, отталкиваю от себя на пол и вижу, как он мечется, вслепую нанося удары по воздуху, словно беспомощный котёнок. Сука! Подскакиваю, обхожу его сзади, резко приближаюсь, пока он не услышал мои шаги, обхватываю сзади за голову и резко выворачиваю её в сторону. Противный хруст шейных позвонков — тело Алика сразу становится ватным и валится на холодный твёрдый пол душевой, без признаков жизни.

Митрофан. Митя.... Теска отчима Ольги... Парень всё ещё сидел у стены, привалившись к ней спиной, прижимал руки к своей груди и с округлившимися глазами смотрел на меня.

Я поднял свой нож, подошёл к нему и без лишних прелюдий просто воткнул клинок в его сердце. Он даже ничего не понял, не успел испугаться ещё сильнее и не пытался увернуться.

Бля! Мне теперь мне точно жопа. Или упекут в тюрьму или туда я даже не доеду. Три трупа — это даже за самооборону не покатит. Но мне насрать на это.

— Оль, ты как? — обернулся я к замершей на полу девушке.

— Отъ*бись от меня! — прошипела она, выйдя из прострации, прикрывая одной рукой свою обнажённую грудь, а второй размазывая слезы по своему красивому лицу. Даже сейчас красивому.

— Прости, Оль! — я сделал шаг к ней и замер, наткнувшись на суровый, злой взгляд, полный боли, отчаяния и стыда.

А ведь это мне должно быть стыдно, а не ей. Сука! Теперь между нами навсегда проляжет черта, которую она не может преодолеть. Черта стыда, боли и этих сраных воспоминаний. У нас больше никогда не будет той дружбы и тех отношений. Сука!

— Прости, Оль... — ещё раз прошептал я. Вот и пригодился мой ножичек. И именно для

этого я покупал его, а не для самообороны. Именно для своего странного Узора, по-другому его не активировать.

Я замахнулся и легко вонзил нож себе в глаз, в самый мозг. Не впервой. Моментальная смерть.

Очнулся в своей кровати. В барабанные перепонки стучит адреналин, сердце колотится. Всё как тогда. Всё правильно, я вернулся всего на пять минут назад — это слишком мало! Эти твари издевались над девчонкой минут двадцать. Херня — это всего пять моих смертей.

Рывком подскочил, схватил нож и осмотрелся на всякий случай. Ничего нового — всё те же четыре пустые койки. Идти в душевую бесполезно, если только не для того, чтобы перерезать горло этим скотам ещё раз. Но я не настолько кровожадный, мне и одного раза хватило.

Сука! Пять раз! Ладно, тянуть нельзя — только вперёд, вернее, назад.

Вогнал нож. И снова умер. И снова очнулся. Это тяжелее, чем кажется — умереть пять раз подряд. Точнее, убить себя пять раз. Я, наверное, реально псих. Хотя, адреналина в крови столько, что боли и страха нет никакого. Вообще! Только страх потерять Ольку. Привязался я к ней за этот год.

Осторожно открыл глаза в очередной раз и увидел три шустрые тени, проскользнувшие в душевую. Рывком соскочил с кровати, схватил своего верного друга за рукоять (нужно дать ему имя, что ли) и метнулся за моими старыми знакомыми. Отлично! Потанцуем.

Резать глотки таким ублюдкам — одно удовольствие. В тёмном тесном предбаннике это оказалось легко. Троица парней молча стояла, обсуждая план действия, они даже не успели возмутиться неожиданной помехе, вторгшейся к ним без приглашения. Никто из них даже ничего не понял. А мне немного полегчало, я просто отвёл душу.

Бля! Отвёл душу. И что теперь делать с трупами? Ладно... Ещё один прыжок назад.

Они делали вид, что спят. Или реально спали. Не знаю даже. Так тихо лежали на своих кроватях и посапывали, что я подумал, будто вернулся больше, чем на пять минут назад. Но нет, Оляка ведь в душе. Значит, всё правильно.

Я тихонько приоткрыл дверку в душевую и незаметно проскочил внутрь. Задумчиво разделся, кинул вещи в шкафчик, взял мыло и пошёл в душ. Оля стояла под напором воды, направив тяжёлые горячие струи себе на спину, прикрыв глаза и опустив голову в пол. Снимала усталость и накопившееся за день напряжение.

Я подошёл к ней, не спеша занял соседнюю стойку с душем и включил воду.

— Хм, Макс, ты же вроде мылся сегодня? — удивлённо посмотрела на меня Оля, распахнув свои голубые глаза.

— Да? Не помню... — пожал я плечами.

— Макс! — настырно с нажимом в голосе повторила девушка.

— Что?

— Серьёзно? Пришёл поглазеть?

— Да что я там не видел.

— Макс...

— Оль, заткнись и держись рядом, — устало произнёс я и добавил. — Пожалуйста!

— Ты почему такой... взъерошенный? — наконец обратила она внимание на мой вид, а не на свою голую красоту.

— Сейчас узнаешь, — проворчал я, увидев первого из троицы, вальяжно появившегося из-за поворота.

Вся тройка появилась в поле нашего зрения через секунду. На первый взгляд — ничего необычного, просто голые парни зашли в душ помыться. Не одетыми же им здесь расхаживать? Окинули меня недовольным и удивлённым взглядом, переглянулись, но темп не сбавили. Подошли к нам, стали напротив, минуя водные процедуры, и принялись беззастенчиво разглядывать девчонку.

— Охерели, придурки?! — не выдержала Оля, даже не сделав попытки прикрыться или уйти. Она чувствовала себя правой, не догадываясь, что её ждёт. — Друг на друга пяльтесь, может, даже за писюн товарища подергать, я смотреть не буду!

— Рот закрой, дура! — процедил Митя.

— Слушай, Климов, — обратился ко мне Алик, — иди погуляй. Нам нужно поговорить с девчонкой.

— Завела новых друзей, Оль? За моей спиной? Обидно! — сокрушённо вздохнул я и покачал головой.

— Да... — поморщилась девушка и окинула парней пренебрежительным взглядом. — Козлы они, а не друзья! Стадо козлов! Козёл Кривочлен, Козёл Мелкочлен, а этот, самый писклявый, Козёл Членосос.

— Эй! Ты кого Членососом обозвала, тварь? — набычился Митрофан, получивший самое обидное прозвище.

— О! Так значит, к остальным кличкам претензий нет? Вот и хорошо! — довольно улыбнулась Оля, выключила душ и накинула на себя полотенце.

— Куда собралась?! Останься! — тоном хозяина жизни, приказал Алик. — Сейчас мы тебя научим уважать старших. А ты, Климов, иди. К тебе претензий нет. Не переживай, с твоей подругой будет всё нормально, мы не звери. Ответит за предъявы и пойдёт.

— Ладно, Оль, — вздохнул я, — пойду... Не хочу встречать в ваши разборки.

— О! Правильный выбор, пацан! — одобрительно похвалил меня Алик Кривочлен.

— Да, иди, Макс... Не стоит подставляться из-за меня, — разочарованно произнесла Оля и окатила меня ледяным взглядом.

Вот дура, я ради неё столько раз сдох, а она меня презирает.

Парни пускали слюни, стоя перед Олькой, не спускали с неё похотливых взглядов и не могли дожидаться воплощения своих фантазий. На меня, тихо и незаметно изменившего траекторию и зашедшего к ним за спины, они не обратили никакого внимания.

Я завернул мыло в полотенце, увесистый такой, серьёзный кусок, выбрал самого опасного из этой тройки и, замахнувшись, вмазал Алику в висок. Хорошо так вмазал! Парень упал как подкошенный и напоследок приложился лбом о неласковый твёрдый пол душевой. Сука! Хоть бы не убить, а то придётся переигрывать. А следующий удар я едва не пропустил, а всё из-за Ольки! Полотенце-то она накинула, оказавшись в импровизированном мини-платье, но зачем было так задирать ноги?!

Девичья пятка, без затей, врезалась в грудь Митьки, выбив воздух из его лёгких, и откинула ошалелого парня к стене. Оля смущённо одёрнула задравшееся полотенце и двинулась добивать своего противника. Хук, уворот, удар в печень и ниже пояса... Дальше я смотреть не стал, было не до этого.

Крепыш Эдик сделал ещё один выпад, пытаясь достать меня, но поняв, что через секунду он может остаться в меньшинстве, сделал ложный выпад и рванул в сторону выхода. Вот те на!

Я дважды крутанул полотенцем, отпустил один край и пустил в спину беглеца кусок мыла, как из пращи, и попал точно в основание черепа. Вот это я снайпер! Первобытный снайпер. Откуда у меня такой навык, интересно? Или в кои-то веки просто повезло? Наверное, последнее.

Эдик споткнулся, запутался в своих ногах, упал на одно колено, тихо выругался, затравленно оглянулся и тут же получил от меня коленом в челюсть и удар по рёбрам, контрольный. Удачно я так подскочил к нему, главное — вовремя.

Минус два. Я резко обернулся, бросился на помощь Ольке, но тут же остановился — она в моей помощи не нуждалась. Митрофан был зажат в угол и с трудом сдерживал яростный напор моей подруги. Парень прижимал руки к своим шарам и болезненно морщился. Серия коротких ударов в корпус и голову, и через три секунды он без сознания валится на пол. Минус три.

А хорошо мы сработали! Драться Оляка умела, да ещё как-то по дворовому — не технично, а грязно и очень больно. Люблю таких девчонок, они самые правильные и честные.

— Серьезно, Оля? — удивлённо выдохнул я, повязав полотенце вокруг пояса, так было комфортнее. — Мы здесь меньше месяца, а ты уже обзавелась врагами?

— Недоброжелателями, — пожала она плечами в ответ, забирая с полки банки с гелями и шампунем. — Не ладю... не лажу... Не важно! Не клеится у меня с парнями, я же тебе говорила. Этот, как его... — кивнула она на мою первую жертву без сознания, вывалившуюся на холодном полу.

— Алик? — подсказал я.

— Да, Алик. Подкатывал ко мне. А ты же меня знаешь.

— Знаю! — подтвердил я. — Ты же резкая, как понос. Наверное, послала и по яйцам приложила?

— Не, — Оля довольно улыбнулась, где-то даже мечтательно. — Без яиц обошлось, но его самолюбие пострадало по полной.

— Понятно.

— Пойдём? — девушка окинула взглядом поверженных противников, переступила через Алика и стала рядом со мной. — Чего ждём? Хочешь добить или поглумиться? — хмыкнула она.

— Сейчас. Секунду, — я метнулся по душевой, проверил пульс на шее каждого из парней, мало ли, вернулся обратно, взял Ольгу под руку и повёл её на выход. Хватит, на сегодня с водными процедурами покончили.

А эти... Все живы, скоро придут в себя. Надеюсь, сегодня они к нам разбираться не полезут, а завтра мы что-нибудь придумаем.

— Знаешь, — заметил я, стоя спиной к Ольге в раздевалке и накидывая на себя свою одежду, — обычно говорят: никогда не поднимай мыло, упавшее на пол в общем душе. В твоём случае, вообще лучше сюда не ходить.

— А мыться мне как? — фыркнула Оляка за моей спиной. — Тебя всё время тягать? Боюсь, ты слюной захлебнёшься.

— При чём тут слюна? А, ты на свою голую тушку намекаешь? Да видел я и получше! Губы не раскатывай.

— Видел он! — проворчала Оля. — Ну и молодец, раз видел! Да и не собираюсь я их бояться!

Обиделась, что ли?

— Держись рядом. Не ходи одна. Не собирается она! — проворчал в ответ я.

— Ты ведь знал, да? — шуршание одежды за моей спиной резко прервалось. — Макс! Ты ведь знал! — повторила она.

— Что знал? — включил я дурака, обдумывая варианты ответов.

— Ты знал, что они припрутся! — строго сказала девушка. — Именно поэтому пришёл ко мне в душ, а не чтоб поглазеть.

— Пф-ф-ф! — фыркнул я и обернулся к ней.

Оля почти оделась, стояла в футболке и трусиках, сунув ногу в одну штанину пижамных штанов, и хмуро поглядывала на меня. Хм... А я ведь не собирался говорить ей.

— Догадывался, — вздохнул я.

— Врёшь!

Вот заноза, снова использует свой Дар на мне!

— Да, знал, — признался я.

— Хм, а зачем было раздеваться и лезть в душ? — Оля засунула вторую ногу в штанину, натянула, наконец, свою пижаму и завязала шнурки на поясе. — Мог сказать мне, мы бы их одетыми здесь встретили.

— Они тоже были бы одеты.

— И?

— Голый человек чувствует себя беззащитным. Да и эффект неожиданности. Одно дело, когда они, якобы, застали нас врасплох голыми. Ты видела, какие они были расслабленные, чувствовали себя хозяевами положения?

Оля задумчиво кивнула.

— И другое — если мы встретились на равных в раздевалке. У них уже имелось преимущество — их было больше, и они готовились. И я не уверен, что мы легко справились бы.

По той же причине я не стал дожидаться их в тёмном тесном тамбуре. Но этого говорить я не буду. Одно дело — действовать на поражение с ножом, и совсем другое — стараться не убить. Это сложнее. Да и я не супермен, и случайности случаются. Зарядили бы мне случайно локтем в голову, и прощай, Максик. И привет, Олька!

Сука! Снова вспомнил Ольку, лежащую голой на холодном кафеле, с разбитым лицом и губами. Словно всё это было во сне. Твари! Сон! Пусть будет сон. Мне до сих пор херово от этой картины перед глазами.

— Ладно! — отогнал я дурные мысли от себя. — Пошли спать.

— Уснёшь здесь, — проворчала Оля, но послушно двинулась за мной в наш барак.

Что бы Олька там не говорила, но уснула она моментально. Мне бы её способности. А вот я лежал и таращился в потолок. Минут через двадцать из душевой, постанывая и придерживаясь за побитые бока и головы, вышла тройка наших «друзей» по душу.

Держите, парни... Целая россыпь проклятий почти слетела с моих губ, но я вовремя остановился. Алик, сука. Алик был Одарённым. Только сейчас решил глянуть на него под этим углом и увидел его Силу. А вот это уже странно. Не само наличие Силы, а то, как он прошёл проверку.

Сынок богатеньких родителей. Может быть, его не стали проверять по блату. А может, он что-то знает и умеет что-то эдакое. Это плохо. Тогда, в пылу первой нашей стычки, я его проклял, но это всё осталось в прошлом, когда я откатил время назад. А вот кидать на него Проклятье сейчас не очень разумно. Он может быть Менталом, способным видеть чужую Силу, может быть таким как я, а может просто почувствовать, когда против него кто-то использует свой Дар. Сложить два и два несложно, он сразу поймёт — кто. Да уж! Повезло им... Сегодня!

Парни недовольно и наверняка с угрозой посмотрели в нашу сторону, перекинулись несколькими тихими фразами между собой и пошли на свои места. Как я и думал — сегодня неприятностей от них можно не ждать. А вот как только залижут раны, они будут мстить. Херово!

После всего этого оставаться с ними в одной комнате — не вариант. Или они нас вальнут, или мы их. Безвыходная ситуация. Которая называется — ЖОПА! Я даже примерно не представлял, что с ними сделать. Прижать, запугать, подставить — всё это казалось каким-то нереальным. Да и парни ни дураками, ни слабаками не были, а богатенькие родители за их спиной, тем более. Прибить — тоже не вариант. Исчезновение или смерть хоть одного студента будут тщательно расследовать. Тем более таких студентов. Вот меня точно никто бы не стал искать.

Ещё полчаса таких мрачных мыслей, и я махнул на всё рукой — утром что-нибудь придумаю, на свежую голову. Может, Оля что-то дельное посоветует. Повернулся на бок, укрылся простынёй и заснул. Утро вечера мудренее.

Подъём в шесть утра, пробежка на академическом стадионе, душ и завтрак. Всё как всегда. Вот только тройка наших «друзей» никуда не бежала, вернее, бежала, но в другую сторону. Парням было плохо, после ночного променада и они решили сходить в лазарет. Хорошо мы их вчера помяли!

На завтрак мы с Олькой пошли вдвоём. Наш дружище Ярослав нашёл себе подружку, и последнюю неделю завтракал и ужинал исключительно в её компании. Нас познакомить со своей пассией парень не спешил, да мы и не настаивали. Придёт время — познакомит. Или наиграется и вернётся.

Мы заняли столик в углу, притащили подносы с тарелками и принялись завтракать. Хотя, скорее, я принялся, Оля задумчиво набирала ложкой жидкий суп, поднимала ложку над тарелкой сантиметров на двадцать и выливала обратно.

— Прекращай уже! — не выдержал я этого издевательства над едой. — Ешь давай, через двадцать минут занятия.

— Угу, — так же задумчиво ответила она мне и продолжила делать то, что делала. — Макс!

— Да? — ответил я, закинув в рот кусочек хлеба и три подряд ложки супа.

— Я всю ночь голову ломала над твоими словами. Ну, я реально не могу за тобой хвостиком везде ходить.

— Не можешь, — согласился я.

— А эти ганд... товарищи нас не оставят в покое. Или тёмную устроят ночью, или разделял нас и справятся по отдельности.

— Можем Ярика привлечь. Будем подстраховывать друг друга.

— Не вариант. Рано или поздно нас подловят. Мы живём в одной комнате, Макс!

— Я знаю. Но в другую комнату нас точно не переведут. Ты что-то надумала? — я замер с ложкой у рта и внимательно посмотрел на подругу. Слишком она была тихая — у неё точно есть какой-то коварный и дерзкий план. — Я в деле!

— Женись на мне! — Оля состроила умильное выражение лица, сделала глазки как у жалостливого котёнка и захлопала ресничками.

— Я пас! — Выдал я, ни секунды не раздумывая, и закинул в рот последнюю ложку. — Не! Я точно пас! Или в каком смысле ты это предлагаешь?

Глава 17

— Женись на мне! — Оля состроила умильное выражение лица, сделала глазки как у жалостливого котёнка, и захлопала ресничками.

— Я пас! — Выдал я, ни секунды не раздумывая, и закинул в рот последнюю ложку супа. — Не! Я точно пас! Или в каком смысле ты это предлагаешь?

— А сколько смыслов ты знаешь? — Ответила она вопросом на вопрос, не сумев сдержать

свой колючий характер. — Я тут подумала — это самый реальный вариант. Эти дебилы мне не дадут спокойно учиться и жить. Да и тебе, после того, как мы их отмудохали.

Эх, знала бы ты, что они там хотели сотворить.

— А-а-а! Так ты поэтому так вырядилась?! — понял я и улыбнулся. — Чтобы легче было уговорить меня?

— Как «так»? Не понимаю, о чём ты.

— Не понимает, — проворчал я, ещё раз окинув наряд Ольки критическим взглядом — лёгкое белое платье на двух бретельках и очень глубокое декольте. Очень глубокое и очень нескромное! — А где твои обычные штаны и футболка?

— В стирке, — не моргнув глазом, соврала девушка.

— Допустим... Но мне это всё не нравится. Ты сексуализируешь свою внешность и пользуешься вот этим всем, как преимуществом, — я ткнул ложкой в два её основных «преимущества» и хмыкнул. — И против кого? Против лучшего друга!

— Ой, ладно тебе ломаться! Как девка на выданье! — Оля перестала изображать пай-девочку и перешла на деловой тон. — Это будет просто партнёрский взаимовыгодный союз. Этой женитьбой мы убьем сразу несколько зайцев. Получим отдельную комнату для молодых супругов — раз! Эти не смогут лезть ко мне, и я спокойно доучусь — два! Ну и мне не нужно думать о замужестве, ты меня прикроешь. А то эти тетки из ПМС нагрянут через годик и начнут требовать выйти замуж — три!

— Ты убьешь, — поправил я.

— Что? Кого? — не поняла Оля и нахмурилась.

— Ты убьешь несколько зайцев, не я. Мне какой прок с фиктивной женитьбы? — я откинулся на спинку стула, закинул ногу за ногу и приготовился к торгу. — Или ты собираешься исполнять все супружеские обязанности? Тогда я подумаю.

— Губу не раскатывай! — прошипела Оля. — Только для вида!

Забавная она, когда злится и не понимает, когда я шучу. Частенько этим пользуюсь.

— Хм... Жена есть, а секса нет. Ты о чём вообще говоришь, девочка? У меня молодой растущий организм, я так не могу. Мне это зачем?

— В смысле? А подруге помочь?

— Уже помог, — я демонстративно поднял руку и принялся рассматривать свои ноготки.

— Комнату отдельную дадут молодожёнам.

— Меня и эта устраивает.

— Макс!

— Оля!

— Ладно! — сдалась и тяжело вздохнула моя «невеста». — Три желания.

— Игра с желаниями мне определённо нравится. Знаешь, чем купить. Любые?

— Ты опять? — Олька нахмурилась и добавила шёпотом, оглянувшись по сторонам. — Любые, кроме секса!

— Да я не про это, дура!

— Сам дурак! — огрызнулась она. — Но тогда да, любые.

— Стриптиз, например? — предположил я, с удовольствием наблюдая за реакцией Ольки.

Если честно, вариант она придумала просто идеальный, и никаких предубеждений у меня к этому не было. Я бы согласился сразу, но что-то дёрнуло меня подшутить над ней.

— Идиот! — Оля закатила глаза под лоб. — Seriously, стриптиз? Ты меня голой сто раз видел!

— Просто хочу узнать грани твоего этого «любые желания», — пожал я плечами.

— Хорошо! Что угодно, даже стриптиз. Но в пределах разумного — бред я выполнять не буду!

— Хорошо, я подумаю. Ты меня заинтересовала, — я встал из-за стола, кинул в рот кусочек хлеба и с трудом отвёл взгляд от её декольте. Вот же хитрюга, умеет привлечь внимание, когда нужно!

— Макс! — упрямо повторила Олька и сжала губы.

— Оля! — так же упрямо ответил я.

— Ну и гад ты! Мог бы и сразу ответ дать.

— Хм... Я даже не знаю, нужна мне такая жена, оскорбляющая и не чтящая мужа.

— Скотина!

— Сама ско... — начал я, но тут же осёкся. За такое можно и схлопотать — она же специально меня провоцировала! Чуть не победила в этой дуэли. — Ладно, я подумал.

— И? — Оля даже привстала на стуле, чтобы лучше расслышать мой ответ.

— Возьму тебя в жёны, так уж и быть!

— Гад!..

Всё до банального просто. Утром мы уже ничего не успевали сделать, пора бежать на занятия. Но в обед снова встретились в столовой, оформили онлайн-заявление на брак, подтвердили намерения и через пять минут были мужем и женой. И тут же подали заявление на предоставление отдельного жилья, которое нам положено по закону и кодексу нашей Академии.

Как всё просто! Так любая парочка может подать заявление, недельку покутить в личных хоромах, а потом подать заявление на развод. Кажется, такое уже было в истории — то ли продажные женщины на час становились жёнами, то ли ещё что-то подобное.

Как бы не так! Никто не забыл про ПМС? Да, про ту самую пресловутую Комиссию Правильной Морали Семьи. Хрен с ними прокатят такие фокусы! Никаких разводов без весомого повода! Но нам всё равно. Молодые, дурные, подверженные юношескому максимализму. Да и разводиться мы не собирались. Ольге нужно было прикрытие не на месяц, и не на год. Эх! Кажется, я сильно продешевил с количеством желаний.

А вечером после занятий к нам подошёл довольный ректор. Поздравил, пожал мне руку, словно я какое-то мировое состязание выиграл, и пожелал удачи в личной жизни. Ну женились и женились — что здесь такого? Непонятно.

— Пойдёмте, голубки, — обнял он нас за плечики, забрав из столовой, и повёл длинными коридорами академии. — Покажу вам вашу комнату.

— Спасибо, Иван Петрович! — вежливо поблагодарила Оля, чуть ли не исполнив перед ректором книксен.

Кажется, девчонка хотела комнату даже больше, чем показывала это. Хотя, не удивительно, учитывая, через что она прошла у себя дома.

— А я знал! — хитро подмигнул мне Иван Петрович. — Я ведь видел, как между вами искры проскакивают.

— И ничего не... — начала Олька отнекиваться, но получила от меня локтем в бок и сразу замолкла, недовольно засопев.

Пять минут ходьбы и мы возле не приметной двери в первом корпусе. Не знал, что здесь есть отдельные комнаты

— Вот! Лучшая комната, — торжественно объявил Иван Петрович. — Берёг для себя... Ну не для себя лично, а вот для такого случая. Там, правда, две кровати, но вы их легко сдвинете, если понадобится. Всё, не буду мешать. Пользуйтесь, плодитесь и размножайтесь, дети мои, — хмыкнул он, выслушал очередные слова благодарности от Ольки и оставил нас одних.

— Погнали? — всё ещё не стирая счастливую улыбку со своего лица, спросила моя молодая супруга.

— Погнали, — согласился я.

Комната была уютная — небольшая, светлая, чистенькая. Две кровати, тумбочка, шкаф и большое окно. Даже какие-то цветочки на подоконнике стояли. И, конечно, отдельная ванная и туалет. Всё для удобства и комфорта новой ячейки общества!

— Моя кровать у окна! — счастливо выкрикнула Оля и прыгнула в постель. Затем так же быстро подскочила. — Я в душ и спать! — объявила она и скрылась в ванной, а через пять минут вернулась в одном нижнем белье.

Да уж... Мне будет сложновато с ней жить. Она же дурная на всю голову! Ну как можно расхаживать в таком виде перед живым парнем?!

— Спокойной ночи, Максик! — довольным голосом пожелал Оля, улеглась на кровать, закинув руки за голову, и с улыбкой на лице уставилась в потолок. — Сбылась мечта идиотки! — тихо прошептала она.

— Оля Климова... Как тебе твоё новое имя, жена?

— Непривычно, муж, — хмыкнула она в ответ и повторила задумчиво. — Климова... Я привыкну. Спасибо, Макс.

— За что?

— Ты знаешь, за что!

— Принято! — самодовольно хмыкнул я со своей кровати.

— Только не зазнавайся там! Знаю я тебя... И ещё одно! — Оля внимательно посмотрела в мою сторону и выдала. — Девок не вздумай сюда водить!

— Уже ревнуешь?

— Ещё чего! Не хочу, чтобы нас спалили и замели.

— Засада, и как тогда мне... Вот жопа! — возмутился я. — Нужно было у тебя что-то более существенное требовать! Составить список. Как минимум, ежедневный стриптиз, стирка, уборка, массаж и...

— Размечтался!

— Ладно, я в душ.

— Полотенца в ящике под раковиной. Наконец я смогу спокойно поспать и расслабиться, — счастливо проворковала Оля, повернулась на бок, оттопырив свою филейную часть, и тихонько засопела.

Супружеская жизнь имела свои преимущества и недостатки. Особенно такая необычная супружеская, как у нас — по голому расчёту. Тише, уютнее, проще, не так напряжно. Спалось гораздо спокойнее, не было диких, пронизывающих мужских храпов, да и запахи. Запах в комнате, где спит симпатичная девчонка, совсем не похож на запах, где спят двадцать голов парней.

Я переживал за Ярослава, мы как-то немного предали парня, оставили одного в бараке. Но на следующий день мы узнали, что он последовал нашему с Олей примеру.

— Я женился, Макс! Прикинь! — объявил он нам за завтраком. — Девчонка, учится в параллельной группе, Оксанка.

— У тебя же, вроде, есть две невесты дома? — задумчиво спросил я.

— А! — отмахнулся Ярик. — Там где две, и третьей место найдётся.

— Родители знают? — невзначай обронила Оля, и улыбка на лице Ярослава заметно потускнела.

— Умеешь ты испортить настроение с утра, да? — проворчал Ярик и тяжело вздохнул. — Не знаю, Макс, что ты в ней нашёл. Она же язва! А, ладно! — махнул он на нас рукой. — Пойду на занятия. Если что, мы ждём вас в гости сегодня, комната «17» во втором корпусе.

А через три дня мы с Олей впервые поссорились. Если это так можно назвать. Я высказал ей всё, что у меня накопилось, а она высказала... Да ничего она не высказала. Тупо меня проигнорировала! Хм, выходит, я поссорился сам с собой. Да уж, под таким углом на ситуацию я ещё не смотрел. И кто у нас в семье истеричка, получается?

А началось всё с того, что я обнаружил на её тумбочке странный предмет. Длинный, хоть и не очень, продолговатый предмет, похожий на розовую сигару с пупырышками.

— Оль! — привлёк я её внимание.

— Прости, Макс! — увидела Оля, куда указывает мой взгляд, смутилась и покраснела.

Первый раз видел её такой пристыженной.

— Оль! — ещё раз повторил я, намекая на объяснения.

— Макс? — проигнорировала намёк Оля.

— Это ты им жужжала полночи?

— Да это просто массажер для... шеи! — отмахнулась девушка от меня, схватила розовую шпугу и сунула себе под подушку. — Мне же нужно напряжение снимать как-то! Здесь нет ни клубов, ни развлечений никаких!

— Забавный массажер.

— Угу... Забавный.

— Давай ты не будешь ночью этим заниматься, ты мне спать мешаешь жужжанием, — тяжело вздохнул я. — И стонами.

— Я думала, ты не слышал.

— Слышал. Очень хорошо слышал! Я вообще-то в двух метрах от тебя сплю.

— Прости, — снова покраснела Оляка. — Постараюсь больше не делать этого.

— И раз пошла такая пьянка, мы с тобой такие откровенные... — я сделал паузу и продолжил. — Хватит гулять по комнате в трусах и выходить из душа голышом. Я же не железный!

— Ну прости! Я думала, ты привык, — удивлённо вскинула на меня голубые глазки взбалмошная девчонка.

— Не будешь больше? — на всякий случай уточнил я, не поняв, она согласилась с моими претензиями или нет.

— Прости, но не могу. Мне так комфортно! — Оляка пожала плечами. — Как так, иметь своё отдельное гнёздышко, и не иметь возможности расслабиться в нём? Знаешь, сколько я об этом мечтала?

— Знаю, — тяжело вздохнул я.

— Ну вот! А ты ещё и мой законный муж. Чего мне стесняться?!

— Так может тогда... Раз я муж.

— Вот уж нет! — фыркнула моя законная жена.

— Вот ты... — пытался я подобрать оскорбление пообиднее.

— Сучка? — подсказала Оляка.

— Да, не без этого. Ты на каникулы домой собираешься? — сменил я щекотливую тему.

— Блин! Точно, а я и забыла про них.

И вот в конце первого месяца учёбы наступил тот долгожданный день для всех студентов — первый отпуск. Или каникулы, или просто выходные. Хотя, да — скорее всего, выходные. Два дня увольнительных ни на какой отпуск или каникулы не тянули.

Оля ни в какую не хотела ехать, а я не горел желанием оставлять её здесь одну. Да ну нафиг! Пришлось уговаривать.

— Поехали!

— Не хочу!

— Поехали, я сказал! Муж я твой или не муж?!

— Пф-ф-ф! Макс, ну что мне там делать?

— Родственников повидеешь. Не хочешь к ним, поехали к нам с Мирой. Что мы тебе, коврик у двери не постелем, что ли?

— Какой ты ми-и-ильный! Коврик... — ехидно улыбнулась Оля. — Ладно, уговорил! Но не к вам, не хочу мешать, да и тесно у вас. Наведаюсь к матери. Может, у неё проснулся материнский инстинкт за время моего отсутствия.

На том и порешили. Прыгнули рано утром в субботу на мой байк и через несколько часов уже были у нас в городе. Какое же здесь всё знакомое и родное! Не думал, что подвержен ностальгии.

Жилой комплекс, знакомый охранник на шлагбауме, дом, кнопка лифта.

— Максик! Ты приехал! — с порога, не дав даже разуться, прыгнула мне на шею Мира. — Ох ты и...

— Кабан? Отъел ряху? Вымахал? Да, знаю.

— Нет... — растерялась Мира и засмущалась. — Я хотела сказать, красавчик.

Мирослава нежно поцеловала меня в щеку и на секунду прильнула ещё сильнее, а я осторожно прижал её к себе, обхватив за упругие булочки. Мира даже не фыркнула. Хотя, нет.

— Макс!

— Что? — удивлённо откликнулся я.

— Руки.

— Прости... Просто, боюсь тебя, чтобы ты не свалилась.

— Макс! — чуть громче произнесла Мирка и строго посмотрела в мои глаза.

— Да понял, понял. Уже убрал. Ты подстриглась? Тебе идёт!

— Правда?! — тут же расцвела Мира ещё сильнее. — Спасибо! Надоели длинные волосы, решила чуть укоротить. Ладно, чего ты стоишь на пороге? Раздевайся, мой руки и за стол.

Я только сейчас заметил, как вкусно пахло у нас дома, и мой желудок тут же предательски громко заурчал, подтверждая это.

— Как же ты вырос! — произнесла девушка, еще раз окинув меня взглядом со стороны. — Словно совсем другой человек!

А я залюбовался ею в ответ. Маленькая такая, по сравнению со мной. Стройная и хрупкая, как девочка. И забавная. И очень красивая. Да Мира у меня просто красotka! Потом мы гуляли по городу, держась за руки. Сходили в кино, в парк и кафе. Мира о чём-то тарыхтела всё время, а я кивал и даже иногда вслушивался. И о мелких проблемах на работе, и о коллегах, и о новых соседях... Обо всём.

А вечером мы вернулись домой уставшие, счастливые и довольные. Перекусили, выпили вина, чтобы лучше спалось, и...

— Мир! — задумчиво почесал я затылок.

— Да, Макс?

— А где мне спать?

— Хм, — ответила Мира и сморщила свой лобик.

— Сложно было заказать кровать? Да? — улыбнувшись, проворчал я.

— Прости, но она тут совсем не вписывается по дизайну. Да и места у нас нет.

Снова она об этом. Как в старые добрые времена. А я ведь уже не маленький.

*

Давно Мире не снились сны. Целый месяц... Она уже истосковалась по ним, ждала, хотела, но всё в пустую.

И вот теперь, когда Макс вернулся домой, хоть всего на два коротеньких выходных, ей снова приснился этот сон. Да ещё такой яркий! Эту ночь Мира помнила какими-то вспышками. То она сверху, то снизу, то сильные мужские руки поднимают её как пушинку, и мужчина покоряет её раз за разом в полной темноте, когда зрение отключено, но усиливаются все остальные чувства: осязание, обоняние, вкус... Как приятно он пах! Этот запах будоражил Миру и заставлял дрожать от возбуждения. А потом был финал — яркий, бурный,

бесконечный. Снова и снова.

Никто из этой парочки не смог встать пораньше. В воскресенье они отсыпались почти до обеда, устав от вчерашней прогулки. Первой открыла глаза Мира и испуганно огляделась.

Фух! Слава богу, сегодня она не лунатила, никуда не ходила во сне, проснулась в том положении, в котором заснула и даже в той же своей любимой рубашке-ночнушке, в которой легла. Если не брать во внимание безумный сон, то ночь прошла без происшествий.

Мира легко вскочила с кровати, потянулась, глядя на себя в зеркало, и от неожиданности вскрикнула, быстро опустив руки вниз.

— А? Что? Ты чего визжишь с утра пораньше? — всполошился сонный Макс, так и не сумевший толком разлепить глаза. — Всё нормально?

— Всё нормально! Спи, ещё рано... — задумчиво пробормотала Мира и принялась взглядом искать свои трусики.

На полу, под кроватью, в углу... Не нашла. Ещё раз повернулась к зеркалу, подняла руки вверх, полюбовалась открывающимся видом, показала язык своему отражению и покачала головой, осуждая саму себя.

Как так? Как она проснулась без них? Ещё и внизу живота так приятно ныло... Что за фигня с ней творится? А если б она по привычке закинула ногу во сне на Макса?! И прижалась к нему своей... своим животом. Страшно подумать! Нужно прекращать спать вместе. Ладно, закажет она эту дурацкую раскладушку завтра. Ещё одну ночь потерпеть. Макс ведь останется ещё на одну ночь? Мира на секунду испугалась, но потом смирилась. Будь что будет. Если и не останется, это не последний его выходной, он ведь придет ещё. С ним так весело и приятно проводить время, гулять, смеяться.

Мира заметила своё почему-то счастливое и довольное выражение лица в зеркале и тут же отвернулась от него. Хватить любоваться, нужно их найти, наконец.

Пробралась обратно в постель и принялась искать там. Трусики нашлись под подушкой. Ну конечно, наверное, жопа опять выросла от пончиков вот и сняла во сне, чтобы не давили. Нужно садиться на диету или сходить в магазин за новым бельём. Эх, как жаль, что ей некого радовать такими обновками!

Мирослава снова выпрыгнула из кровати, автоматически сунув свою находку обратно под подушку, пошла на кухню, задумчиво повертелась, убрала вчерашние бокалы со стола, поставила кофейник и кинула хлеб в бутербродницу, чтобы сделать зажаристую корочку.

Подумала и потянулась к верхней полке за бутылкой вина, туда, где она его прятала, пока Макс был маленький, от греха подальше. Ох и высоко же она устроила винный тайник, даже для неё самой! Мира стала на цыпочки и так и замерла, услышав тихое покашливание за спиной.

— Мир, а ты знаешь такой забавный факт, — произнёс Макс, — французы изобрели нижнее бельё ещё в 18 веке, но носить его могли только аристократы.

— И? — замерла девушка в этом нелепом положении, не решаясь обернуться.

— А сейчас уже можно носить даже обычным людям. Имей это в виду.

Блин! Как ей было стыдно! Рубашка ведь наверняка поднялась чуть ли не до пупа. А под ней — ни-че-го! И что делать?

Всё ещё сонные шестерёнки в голове девушки начали проворачиваться со скрипом, ища выход из этой неловкой ситуации. Может, сделать вид, что ничего не было, или отшутиться, или... Йошки-макарошки! Для начала можно просто опустить руки и перестать, наконец, сверкать своей бесстыжей задницей! Дура!

— Максик... Доброе утро! — Мирослава опустила руки, обернулась к Максиму, как ни в чём не бывало, и искренне улыбнулась.

— Доброе, Мир! Ты сегодня прекрасно выглядишь, особенно с такого ракурса

— Спасибо, Максим! — Мира одёрнула на всякий случай ночнушку, проскользнула мимо Макса и крикнула уже из ванной. — Я в душ! А ты пока налей нам кофе.

Глава 18

«Ты вырос, возмужал... Думал, это займёт больше времени, лет десять. Но это хорошо, мне больше не нужно присматривать за тобой».

— Давно тебя не было слышно. Так кто ты такой, голос в моей голове?

«Я... Я твой старый друг. Или враг».

— Враг... Ты хочешь сразиться? Отомстить? Уничтожить меня?

«Не смей. Ты уже проиграл однажды. Нам нечего больше делить»..

— Что тебе нужно тогда?

«От тебя? Ничего. Живи, Макс».

— Да уж, спасибо за разрешение, мудака!

«Живи своей жизнью — плохой, хорошей, не важно. Просто не наживай больше себе таких врагов».

— Хм, я понял. Но я всё ещё хочу вспомнить!

«Зачем?»

— Я хочу жить, как жил раньше. Путешествовать по мирам, во времени. Переродиться. Я не хочу умирать. Может, договоримся?

«Это просто».

— Договориться?

«Нет. Жить, путешествовать, не умирать».

— Да? Как?

«Живи, путешествуй, не умирай. Это в силах каждого человека. Ты сможешь путешествовать во времени естественным способом – проживая свою жизнь».

— Смешно! Ты специально засунул меня в тело это неудачника? Проклинающего самого себя и всех, кто с ним рядом? Это тело – тюрьма, из которой я не могу выбраться? Это наказание?

«Это твоя судьба. Искупление»..

— Да пошел ты. Ты кто вообще такой? Как ты это всё провернул? Ты Бог?

«Молодой Бог... Хотя Богов не существует».

Переночевал я дома только одну ночь, но даже этой ночи мне хватило, чтобы почувствовать себя заново родившимся. Словно это место наполняло меня какой-то силой. Может, это из-за того, что я проспал до обеда. Хм... Ещё и этот вид на Миркины булочки. А ведь меня определённо тянет к ней, как к женщине. Интересно, у неё были мужчины, или нет и как она справляется с их отсутствием? Эх! Что-то не в ту степь потянуло мои мысли.

Так вот — всего одна ночёвка. А всё потому, что в понедельник рано утром нам нужно быть на построении, и поэтому выехать для этого пришлось уже в воскресенье вечером. Да, мало мы побыли дома, очень мало.

Я попрощался с Мирой, обнял её, крепко прижал к себе, ещё раз «случайно» потискал в мягких местах, заставив девушку недовольно пыхтеть на меня, поднялся на 35-ый за Олькой, и уже через пять минут мы мчали с ней в сторону скоростной автострады.

— Ну как, проснулся? — спросил я у задумчивой Ольги.

— Кто?

— Материнский инстинкт у твоей матери.

— Думаю, он давно атрофировался, — вздохнула моя подру... законная жена (никак не

привыкну к этому). — Или мой любимый отчим Митя вырезал его, как аппендицит.

— Хреново, — вздохнул я в ответ.

— А у тебя как всё прошло? — оживилась Оля, откинув свои мрачные мысли в сторону. — Мирка, наверное, на седьмом небе от счастья!

— Это да. Скучала. Целый месяц не видеться — для неё это было тяжело.

— Счастливая она, — Оля положила голову на моё плечо, прижалась к моей спине сильнее и притихла.

— Почему это?

— У неё есть ты!

— А у тебя? Кто тебя из всех неприятностей постоянно вытаскивает? Забыла?

— Да помню, всё! Помню! — весело рассмеялась синеглазка и ткнула меня кулачком в бок.

— Ты почему к нам не приходила в гости?

— Да некогда было. То то, то сё.

— Ясно.

На этом наш разговор завершился. Мы выехали на трассу, я прибавил «газу», «утопил стрелку спидометра» до двух с половиной сотен, заставил Олю вжаться в меня всем своим упругим тельцем и покрепче вцепился в руль сам.

Следующий месяц прошёл обыденно: учёба, тренировки, зубрёжка... А, ну и практика добавилась!

Да, жить с Ольгой, как оказалось, то ещё испытание. Кажется, все мои просьбы по поводу её домашней (комнатной) одежды, которая чаще всего ограничивалась только нижним бельём (ей так комфортнее, видите ли!) ночной пижамы, которую Олька почему-то недолюбливала и отказывалась надевать, и похода в душ — она просто игнорировала.

Душ у нас, почему-то, был двойной, на два купальных места. Хорошо хоть туалет один. И первый раз я даже удивился, когда она ворвалась ко мне в душ в чём мать родила, без стеснения стала рядом и начала тщательно намыливать свои выдающиеся, упругие... достоинства.

— Оль! Я или дурак, или это неприкрытый намёк? Ты хочешь меня соблазнить? — слегка опешил я.

— Макс! Ну правда! Какие намёки?! Я еле на ногах стою, а ты про какое-то соблазнение. И

раньше тебя это не волновало.

— Раньше мы вдвоём в одной комнате не спали и даже не находились. Тем более в душе. То был общественный душ, а это личный! Разницу улавливаешь?

— А зачем тогда здесь две душевые кабинки?

Кабинки — пф-ф-ф! Абсолютно прозрачное стекло между двумя душевыми стойками сложно назвать это кабинками.

— Ну мало ли. Для супругов, которые спят вместе, например! И которым нечего стесняться.

— Нам тоже нечего. И дружба крепче супружеских уз, если что! — уверенная в своей правоте произнесла синеглазка.

— Но это же не значит, что нужно врывать сюда?

— Ну перестань, Макс! Я быстро помоюсь и спать, ну не могу я ждать, пока ты тут напаришься — сил нет! Стеснительный какой, — проворчала она напоследок и, «сжалившись» надо мной, добавила. — Ну хочешь, я отвернусь и не буду смотреть? Чтобы не смущать тебя.

Отвернётся она. А я-то буду смотреть! Я вообще-то за это переживаю.

Уговорить её сделать что-то — просто невозможно! Такое впечатление, что она это делала специально. Несносная девчонка с ветром в голове! Доиграемся ведь, я не железный. Рано или поздно случится беда.

Можно было использовать свои три желания: одно на личное время в душе, второе на обязательное ношение пижамы... Погодите-ка! Может, она этого и добивалась? Не хотела быть в долгу. Точно! Вот же... коза!

Хотя, одно из своих обещаний она выполнила, и мне не пришлось тратить желания. Одним прекрасным утром я нашел в мусорной корзине её розовую игрушку. Пусть теперь тоже испытает на своей шкуре, каково это — обходиться без «массажа». Может, поумнеет.

В общем, учёба продолжалась. Какие-то дисциплины поменялись, что-то добавилось. После тех выходных нам сообщили, что с субботы по понедельник у нас начнётся практика в Городском Управлении Сыска. ГУСЬ, как любили называть его наши преподаватели, но советовали никогда не использовать этот термин в самом Управлении Сыска. «Гусята» очень не любят этого и по головке за такие обзывательства не погладят.

И теперь три дня в неделю мы отбывали практику в Управлении. Каждого студента... Нет, вру! Только сотню лучших, куда, конечно, вошли мы с Олькой, отправили в Городское, остальных раскидали по области, а самых «деревянных» вообще пока никуда не выпускали, во избежание... Так вот, каждого студента прикрепили к тому отделу, который больше подходил по способностям, наклонностям и психологическому портрету, и в котором он,

скорее всего, и будет нести службу по окончании Академии.

А затем, на закуску, нам сообщили неожиданную новость. Отпусков больше не будет. Некогда отдыхать — мы двигались по ускоренной программе для способных студентов. Империи нужны сильные, умные и способные люди, костяк будущего страны. А если ты не один из них, ну что ж. Чем раньше это станет понятно, тем лучше. Слабаки Империи не нужны!

В субботу мы с Ольгой прыгнули на байк и поехали знакомиться с нашим будущим местом работы. Пятнадцать минут езды, и мы возле управления. Я припарковал байк, полюбовался зданием, и мы смело шагнули внутрь.

Здание «ГУСя» было огромным. Всего три этажа, но само здание построено словно крепость: с массивными решётками на первом этаже, с четырьмя корпусами, соединёнными между собой в цельную структуру, и с аккуратным зелёным двориком внутри. Я же говорю — неприступная крепость, а не госучреждение. Вполне возможно, раньше здесь находилась тюрьма. Толщина стен и решётки на это неприкрыто намекали.

На входе нас подозрительно осмотрели со всех сторон, обнюхали, отсканировали, проверили документы и направления на службу, сверились со своей внутренней базой и, наконец, запустили.

— Максим Климов, прикреплен к следакам, кабинет «117», — кивнул мне парень на КПП. — Давай, Макс, удачи тебе там. Сергеич и Макарыч мужики суровые, но справедливые — обижать не будут. Тебе по коридору налево, — он указал мне направление и повернулся к Ольге. — Так, теперь с тобой... Климова... Хм, родственники, что-ли?

— Можно и так сказать, — хмыкнула Ольга и кокетливо улыбнулась молоденькому лейтенантику. Сучка!

— Понятно, — хмыкнул он. — Ольга Климова, тебя ждут на третьем этаже, кабинет «317».

Опять она надо мной будет, как в старые добрые времена.

— По лестнице, два раза направо, — уточнил парень.

— Спасибо! — вежливо поблагодарила Оля, подмигнула мне и наши с ней дорожки на этом разошлись.

В просторном кабинете «117» на четыре рабочих места меня встречала парочка матёрых следователя. Хмуро взглянули на меня, переглянулись между собой и коротко кивнули:

— Выбирай стол, стажёр.

А мужики уже в курсе, кто я и зачем пожаловал! Шустрые!

Я выбрал тот, что поближе к окну, смёл пыль ладонью, хмыкнул и уселся на своё новое

рабочее место. Не так я себе это представлял. Хотя... Ну и хрен с ним — со всем этим! Это ведь только начало, у меня ещё всё впереди: и огромные кабинеты, и личная секретарша. Я не собираюсь просиживать всю свою жизнь за этим пыльным столом, это только маленькая ступенька вверх.

— Ну как тебе у нас? — хитро прищурившись, спросил один из следователей.

— Сносно, — пожал я плечами.

— Давай знакомиться?

— А давайте! — кивнул я.

— Магазин за углом.

— Магазин? — не понял я.

— А как мы будем знакомиться, если ты не проставился за первый рабочий день?

— Понял, — я встал и на всякий случай уточнил. — Пиво, соки, коньяк?

— А малой не дурак! — обернулся один следок к другому и довольно улыбнулся.

— Возьми нам по три баночки пива, нам же ещё целый день работать, — решил первый.

— По четыре! — уточнил второй.

Знакомство прошло нормально. Мы посидели, я послушал несколько полицейских баек, а потом меня отправили бегать по кабинетам. То отнеси, то передай, то принеси... Для первого дня терпимо, я на что-то другое и не рассчитывал.

Михаил Сергеевич Ломов и Леонид Макарыч Сычёв были опытными следователями. За их плечами было по двадцать лет службы, тысячи раскрытых дел и сотни обезвреженных маньяков (по их словам). Опытные, матёрые и битые жизнью волки.

Каждому примерно лет по сорок, и выглядели они как полные противоположности друг друга. Тощий, нескладный и серьёзный Макарыч и пухлый добряк Сергеич.

— Ну что, стажёр. Будем учить тебя уму разуму, — сразу взял меня в оборот толстячок Ломов. — Мы ваших академий не кончали, всё сами! Каждая звёздочка добыта потом и кровью, малой!

— Значит, слушай, стажёр, — подхватил Сычёв. — Всё, чему тебя учили в академии — можешь забыть! Здесь это вам не там! Здесь у нас реальная жизнь.

— Физуху тоже забыть? — на всякий случай поинтересовался я у Ломова, который явно был специалистом по забыванию физкультуры.

— Не умничай тут! — хмыкнул капитан.

— А он мне нравится! — улыбнулся мне Сычѳв.

В первые три дня ко мне присматривались. Посылали за кофе, за обедами. Дали самому обработать какой-то бесполезный вызов к сумасшедшей бабке, которая жаловалась на соседских детей, наркоманов, проституток и воров.

— Стажируйся, малой! — приговаривал Ломов.

Один раз взяли меня на убийство, но ближе трёх метров к месту преступления не подпускали.

— Мал ещё! — сказал Сычѳв.

Пару раз в коридорах нашего необъятного Управления я пересекался с Олькой. Она позвала меня в гости, и я пошёл. Почему бы и нет? Мне у них понравилось. Бабское царство в большом просторном кабинете — больше, чем наш раз в два, в котором ютились три женщины среднего возраста, но ещё ничего так, и Олька.

Кабинет у них конечно... Совсем не такой, как наш. Не зря Сычѳв и Ломов кривились в сторону третьего этажа и говорили пренебрежительно и с затаѳнной завистью:

— На третьем элитные отделы! Вот куда идёт весь бюджет нашего управления

Элитные... Теперь я понимал, почему. Большие кабинеты, вместо окон огромные галозкраны, генерирующие изображения гор и лесов, большие чистенькие рабочие столы, кофемашины, печеньки... Да уж, так жить, вернее, работать можно. И почему меня определили на первый? Мордой лица не вышел? Ладно, переживу.

Заботливые коллеги Оли сразу окружили меня своим вниманием:

— Оль! А ты не говорила, что твой такой симпатичный!

— Какой он у тебя миленький.

— И такой зелёный, неопытный.

— Может, к нам на стажировку? — подмигнула мне симпатичная дама с капитанскими погонами.

— Так, бабоньки! — ревниво осадила своих коллег Оля, невзирая на звания. — А ну руки прочь от моего мужа! А то не посмотрю на погоны!

«Бабоньки» сразу притихали, правда, ненадолго. Каждый раз, когда я заходил попить кофейку, меня не обделяли знаками внимания. Одна ущипнѳт за задницу, пока Оля не видит; вторая отпустит сальную шуточку. А капитанша Маргарита Евгеньевна, старшая в этом

кабинете, всегда искренне радовалась моему приходу и обязательно просила достать какую-то папочку с верхней полки, прижималась ко мне сзади своей необъятной пышной грудью, подсказывая, какую именно папку доставать, и тяжело дышала в шею.

— Что с ними не так, Оль? — не став откладывать в долгий ящик, поинтересовался я у своей жены при первой возможности.

— Бабы, — пожала плечами Оля, — обделённые мужским вниманием. Одна вдова, вторая не замужем, вернее, замужем за работой, а третья... Не очень у неё с мужем складывается, он её не замечает совсем.

— Понятно. И ты вообще собираешься за меня заступаться там или как?

— Ой, — отмахнулась она от меня, — да пусть немного поиграют с тобой и отстанут! Тебе сложно, что ли? А им приятно.

— Не сложно, но если они не остынут, я за себя не ручаюсь! — пригрозил я Ольке, пусть понимает, как хочет.

— Остынут, — пообещала мне девушка, и я мысленно дал «бабонькам» неделю на остывание.

В нашем кабинете у меня тоже был интересный разговор с моими.

— Слушай, Макс. А чего ты на третий таскаешься и новенькой глазки строишь постоянно? Там же одни гадюки работают! Смотри, поматросят и бросят!

— Тю, Миш! — хмыкнул Сычёв. — Так у него же там жена работает.

— Это которая? — Сергеич растерянно нахмурился. Следак, а прошляпил такую информацию.

— С синими волосами, — пояснил Сычёв.

— А! Та красотка? Ох и повезло тебе, малой! — поцокал языком Ломов и одобрительно похлопал меня по плечу. — Повезло. Но, не завидую, а поздравляю!

Так и прошёл месяц учёбы и стажировки в Управлении. Да и с моей женой/подругой/соседкой мы неплохо ужились, как ни странно. Вместе ездили на работу, вместе обедали, вместе отдыхали и играли в шахматы по вечерам. Почти всё как у нормальных людей, у нормальной семейной пары. Ну, кроме секса. Этого в нашем договоре о женитьбе оговорено не было, и мы просто были друзьями. Странно всё это. Если бы она хоть проявила какую-то симпатию или намёк Но никаких сигналов от Ольки не поступало....

А, да! Ведь к концу второго месяца нашей учёбы в Академии Оля стала вести себя немного неадекватно: дёргано, нервно, капризно, резковато. Немного, но это заметно бросалось в

глаза. Мне пока везло, а вот некоторым её сокурсникам и случайным жертвам в столовой, приходилось не сладко.

То она унизила какого-то парня, который засмотрелся на её стройные ножки; то чуть не подралась с местной красоткой, которая, по словам Ольки, слишком дерзко на неё смотрела и что-то шептала на ухо своим подружкам; то Оля увидела наших давних знакомых по душе — Алика и Ко... И припомнила им, как мы их отметили в душевой. И, конечно же, грозились встретить их в подворотне и отмудохать ещё разок. Откуда у нас здесь подворотня, мне интересно?

Кажется, это была плохая идея — отнять у неё «массажер». Но, что сделано, то сделано — мусор уже давно вывезли, а новый, взамен выкинутого, я покупать ей не решался. Это будет немного неуместный подарок. Вот блин!

Может, ей просто нужен был выходной? Полежать, поспать до обеда. Но увольнительные нам только снились, а мне тоже хотелось проведать Мирославку. В последний раз она мне рассказывала в телефонном разговоре о каких-то проблемах на работе и была грустнее обычного. Хм... Последний раз. А ведь это было неделю назад, и с тех пор от неё ни слуха ни духа. Я каждый вечер набирал её, но ответа так и не получил.

— Макс, чего такой грустный? — сидя в позе лотоса на своей кровати, как всегда в одном нижнем белье, внимательно посмотрела на меня Оля и заметила моё задумчивое состояние.

— Мира... — коротко пояснил я. — Не могу уже неделю дозвониться до неё.

— Ты не говорил.

— Угу.

— Что думаешь?

— Жопой чую, что-то здесь не то. Нужно ехать.

— Нельзя отлучаться без разрешения, — нахмурилась Оля, — а разрешение можно получить только в экстренном случае. Не думаю, что твой случай попадает под категорию «экстренный».

— Я знаю, — помолчал я, обдумал всё и решил. — За несколько часов смотаюсь туда и обратно, никто и не заметит моего отсутствия.

— Даже на час нельзя, Макс!

— Не сидеть же мне без дела?!

— Ты похеришь учебу, тебя отчислят! — Оля была непреклонна.

— И что предлагаешь? Я не буду сидеть.

— Нужно ехать, — девушка тяжело вздохнула, — ты прав. Мирка не может морозиться неделю. Что-то случилось.

— И я об этом. Прикроешь меня в моё отсутствие?

— Как? — Оля подскочила со своей кровати и принялась нервно расхаживать по комнате.

— Не знаю. Изобрази бурный секс. Мы же молодожёны.

— Дурак!

— Не спорю. Если задержусь, просто скажи, что я приболел. Или придумаешь что-нибудь своё, по обстановке. Ты у меня умная девочка! Сделаешь?

— Сделаю! — тяжело вздохнула Оля.

— Спасибо! Можешь считать это одним из моих трех желаний.

— Ещё чего! — фыркнула она. — Для любимого и единственного мужа я это и бесплатно сделаю. А для Мирки и давно!

— Спасибо, Оль! Тогда я через час уезжаю, у нас как раз пересменка охранников, проскочу незаметно.

— А байк? Как ты его вывезешь?

— Я его не загонял сегодня, оставил на стояке за забором.

— Макс...

— Да, Оль?

— Осторожнее там. Не встречай в неприятности, — тяжело вздохнула синеглазка.

— Оль! Где я, и где неприятности! — фыркнул я.

— И я о том же.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...